

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

КРАСНОДАР

литературный

Март 2021

№ 1(3), МАРТ 2021

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000, Краснодар, ул. Коммунаров, 58

Рукописи просим направлять в электронном виде на адрес:

snmakarova@mail.ru

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Материалы публикуются в авторской
редакции.

За достоверность информации
ответственность несут авторы.

Их мнение может не совпадать
с точкой зрения редакции

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Николай Иванов (Москва)
Геннадий Иванов (Москва)
Сергей Шаргунов (Москва)
Василий Дворцов (Москва)
Юрий Азаров (Москва)
Александр Сегень (Москва)
Вадим Терёхин (Калуга)
Елена Пиетиляйнен (Петрозаводск)
Владимир Гаврилович (Гомель)
Валентин Папко (Краснодар)
Людмила Бирюк (Краснодар)
Вячеслав Динека (Краснодар)
Николай Ивеншев (Краснодар)
Любовь Мирошникова (Краснодар)
Татьяна Немчинова (Краснодар)
Владимир Нестеренко (Краснодар)
Нина Стрижова (Краснодар)
Наталья Широбокова (Краснодар)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

С.Н. Макарова-Гриценко

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

(компьютерная вёрстка):

В.В. Романов

ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР:

Н.Ф. Скударнов

© Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хроника</i>			
В Москве создана Ассоциация союзов писателей и издателей		3	Сергей Зубарев 82
<i>Анна Пикалова</i>		4	Лидия Вдовченко 86
Николай Зиновьев. "Ясноглазость" поэта сродни чеховской...			Разговори меня
<i>Наталья Ламосова</i>			<i>Проза</i>
"Долг памяти спутнику жизни отдан сполна"		5	Татьяна Буденкова 88
<i>Новые книги</i>			Любовь Ишунькина 91
Николай Ивеншев. "Органика"		7	Зинаида Палиева 94
Владимир Кирпильцов. "Дядюшка Дэн – по дороге на войну и обратно"		7	Виталий Никитин 95
Олег Селедцов. "Эсэмэски августа"		7	Татьяна Куткина 100
<i>Имена и даты</i>			Дебют
Юрий Кузнецов и Вадим Неподоба		7	Эльвира Сапфирова 102
Стихи кубанских поэтов		7	День рождения
<i>Людмила Бирюк</i>		7	Анна Князева 106
Очарованный странник		8	Рождественский подарок
(К юбилею В.И. Лихоносова)			<i>Поэтическая аллея</i>
<i>Людмила Хоруженко</i>		14	Людмила Евтушенко 108
У меня есть Отечество		14	Лидия Железовская 108
(К юбилею С.А. Медведевой)		19	Любовь Ложкина 109
<i>Татьяна Немчинова</i>		19	Галина Прозорова 109
Философия нравственности		19	Татьяна Серпянинова 109
<i>Проза</i>		23	Ольга Скай 109
Владимир Кирпильцов		23	Анастасия Фетисова 110
Казачий флот или всадники удачи, оседлавшие морской прибор		23	Алексей Шутёмов 110
<i>Айтеч Хагуров</i>			Мир без стен
Салех и Ганка		43	Мария Иоланта Санчес 111
<i>Степан Деревянко</i>		43	Стихи и прозаические миниатюры
Рассказы		43	(Перевод Светланы Макаровой-Гриценко)
<i>Ирина Иванченко</i>		50	<i>Литература и общество</i>
Рассказы		50	Василий Дворцов 114
<i>Поэзия</i>			Жертва Родине
Генрих Ужегов		55	Людмила Мурашова 118
Стихи о стихах		55	За что вы так с русским языком?
		80	<i>Семейное чтение</i>
			Наталья Широбокова 120
			Стихи для детей

В МОСКВЕ СОЗДАНА АССОЦИАЦИЯ СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ И ИЗДАТЕЛЕЙ

Свои подписи в итоговом документе поставили руководители пяти учредителей: Союза писателей России, Союза российских писателей, Российского книжного союза (отсюда по требованию Минюста появилось в названии Ассоциации дополнение "издателей"), Союза писателей Москвы и Союза писателей Санкт-Петербурга.

В меморандуме подчёркнуто: "Каждый писатель – своеобразная творческая личность. Каждая организация в нашей Ассоциации остаётся самостоятельной и равноправной".

Участники собрания проголосовали за проект Устава, который направляется в Минюст для проверки на соответствие законам РФ. После этого он будет разослан всем учредителям для окончательного решения.

Съезд Ассоциации состоится в Москве с большим количеством делегатов после снятия карантинных требований.

Каждый учредитель представлял в рабочие органы своих представителей. От СП России в них вошли: Владислав Артёмов, Магомед Ахмедов, Николай Дорошенко, Камилль Зиганшин, Канта Ибрагимов, Геннадий Иванов, Юрий Козлов, Владимир Крупин, Сергей Котьяло, Станислав Куняев, Альберт Лиханов, Виктор Лихоносов, Святослав Рыбас, Владимир Санги, Наталья Харлампиева, Василий Дворцов и другие. Остальные имена в общем списке – от других союзов, все вопросы по ним – к этим руководителям. Достигнуто понимание, что решениями своих секретариатов союзы могут добавлять для включения в Творческий совет дополнительные кандидатуры.

В Наблюдательный совет, в чью компетенцию входит в том числе и аккумуляция финансовых средств Ассоциации и который возглавил С. Степашин, вошли министр культуры О. Любимова, начальник Управления Администрации Президента РФ по общественным проектам С. Новиков, член комитета по экономике СФ РФ О. Ткач, председатель ПАО "Промсвязьбанк" Ф. Фрадков, управляющий вице-президент Российского книжного союза Л. Палько, президент Российской государственной библиотеки В. Фёдоров и др.

Ассоциацию писателей и издателей возглавил Сергей Шаргунов.

Во время подписания документов Председателю СП России Николаю Иванову была вручена Благодарность от Президента РФ, которой удостоен Союз писателей России.

<http://rospisatel.ru/vspr/167.html>

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ. "ЯСНОГЛАЗОСТЬ" ПОЭТА СРОДНИ ЧЕХОВСКОЙ...

На платформе ZOOM состоялся Круглый стол, посвящённый творчеству Николая Зиновьева (к 60-летию со дня рождения поэта). Инициатор и организатор мероприятия – Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей России во главе с Аллой Васильевной Панковой (Москва). Не раз она обращалась к творчеству кубанского поэта, рассказывая о нём, о его произведениях со сцены ЦДЛ в столице и на литературных вечерах в Краснодарском крае, в Крыму. "Ясноглазость" кубанского поэта сродни чеховской, считает Алла Васильевна. Умение просто и открыто обратиться к читателю скрывает за собой огромный культурно-исторический пласт, осмысленный художником слова.

К сожалению, 2020 год внёс свои коррективы. Большой юбилейный вечер, запланированный в первой декаде апреля, был перенесён на осень; в итоге реализован формат Круглого стола, собравший участников из Москвы, Краснодара, Ялты, Кореновска. Трансляция велась на Ютубе для жителей Крыма, Краснодарского края, Москвы. Были представлены записи стихов поэта в исполнении известных театральных актёров Ларисы Савченко и Валентина Клементьева. Со словами приветствия из стен МХАТ им. М. Горького к юбилею обратился народный артист России Валентин Валентинович Клементьев. Много лет актёр и режиссёр знакомит зрителей с творчеством поэта, у которого, по его словам, много поклонников в столице: "Николай Зиновьев родился вовремя. В страшное переломное время девяностых творчество поэта стало опорой для соотечественников. Невероятная боль, переданная в стихотворных строках, помогала выживать. Один из секретов стихов Зиновьева – огромная энергетическая заряженность слова. Вот почему так удивительно звучат стихи со сцены", – заявил В. Клементьев.

Юбилейная встреча за "круглым столом" совпала с датой окончания гражданской войны в России, со столетием русского исхода из Крыма. С.Н. Макарова-Гриценко, руководитель Краснодарской краевой писательской организации, увидела тесную связь творчества Николая Александровича и рокового для России противостояния белых и красных. По её мнению, в XXI-м веке продолжается искусственное размежевание, которое началось в пятидесятых годах прошлого века, с приходом к власти Хрущёва. Монолитная спайка советского народа, свершившаяся за годы Великой Отечественной войны и восстановления народного хозяйства, именно в пятидесятых начала подвергаться коррозии за счёт романтизации красных и белых. В третьем тысячелетии уже давно нет противостояния, оно насаждается искусственно, чтобы расколоть общество. "Но никто не должен ни у кого просить прощения, потому что мы являемся наследниками тех, кто сражался в гражданскую по обе линии фронта. Нашу историю нельзя снова окрасить в два цвета, она – единое поле. Та самая русская степь, покрытая пылью брэнной, в которой

...сидел и плакал человек.
А мимо шёл Творец Вселенной.
Остановившись он изрек:
"Я друг униженных и бедных,
Я всех убогих берегу,
Я знаю много слов заветных.
Я есмь твой Бог. Я всё могу.
Меня печалит вид твой грустный,
Какой бедою ты тесним?"
А человек сказал: "Я – русский".
И Бог заплакал вместе с ним.

Именно объединяющая скорбь о погибших и пострадавших, именно единое великое пространство русской истории должно стать точкой сборки русского мира и русской цивилизации. В этом гениальное прозрение нашего поэта", – заключила Светлана Николаевна.

Также прозвучали её слова о русскоцентричности творчества Николая Зиновьева, которые далее развил и продолжил анапский поэт и друг юбиляра Сергей Куприянович Зубарев: "Поражает естественность интонаций Н.А. Зиновьева, доступность и в то же время необычайная глубина его образов, таких зримых и таких родных для нас".

В работе Круглого стола приняла также участие Нарочницкая Наталья Алексеевна. Российский политический деятель, историк и политолог, подчеркнула, что юбилей поэта совпал с юбилеем нашей Великой Победы: "Сдержанно, беспафосно, искренне, глубоко и в то же время коротко поэт говорит о главном. Он сопричастен бедам соседским и бедам вселенским...".

В конце обсуждения зрители смогли задать вопросы юбиляру. Николай Александрович Зиновьев, автор около 40 изданных сборников стихов, лауреат Международного конкурса "Поэзия третьего тысячелетия", многочисленных литературных премий, в числе которых "Большая литературная премия" (2004), премия Союза писателей России им. Эдуарда Володина "Имперская культура" (2009), Всероссийская православная литературная премия им. Александра Невского (2010), рассказал о фактах своей биографии, о жизни и творчестве.

Был представлен яркий видеоряд из фото и видеоматериалов.

Анна Пикалова

"ДОЛГ ПАМЯТИ СПУТНИКУ ЖИЗНИ ОТДАН СПОЛНА" (к 80-летию со дня рождения краеведа Ларисы Гавриловны Орёл)

2 февраля исполнилось 80 лет со дня рождения краеведа, неутомимого исследователя истории нашего края, большого друга Литературного музея Кубани Ларисы Гавриловны Орёл. Примечательно, что, не будучи по специальности ни филологом, ни историком, начав свою исследовательскую деятельность с изучения архива своего мужа журналиста, краеведа, литератора Василия Николаевича Орла (1928 – 1987 гг.), она сама стала автором большого количества научных статей, составителем шести книг и биобиблиографического указателя В.Н. Орла, участником многих научных конференций. Познакомим читателей с отдельными моментами её биографии.

Лариса Стародубова родилась 2 февраля 1941 года в Красногвардейском районе Краснодарского края в семье рабочего и медицинской сестры. Её отец Гавриил Борисович участвовал в Великой Отечественной войне – с первого до последнего дня. Награждён орденом и многими медалями. В 1947 году семья переехала в Краснодар, где Лариса Гавриловна окончила школу и техникум советской торговли. В 1960 году вышла замуж за выпускника историко-филологического факультета Краснодарского педагогического института Василия Николаевича Орла, переехала вместе с ним во

Львов, но вскоре молодая семья вернулась на Кубань, в станицу Отрадную, к родителям мужа. Василий Николаевич работал корреспондентом в районной газете "Советское казачество", после – заведующим в школе № 18 станицы Малотенгинской Отрадненского района. Лариса Гавриловна всюду следовала за ним, полностью разделяя его научные и литературные интересы. Она стала работать в этой же

школе старшей пионервожатой, вместе с супругом организовала литературный музей Т.Г. Шевченко, открытый накануне его 150-летнего юбилея. Отметим, что с начала 1960-х годов В.Н. Орёл начал поиски материалов о наказном атамане Черноморского казачьего войска, первом кубанском писателе, историке, этнографе, друге Т.Г. Шевченко, Я.Г. Кухаренко. На долгие годы эта тема стала основной в его научных поисках.

Лариса Гавриловна Орёл тоже заявила о себе как о деятельном и прекрасном организаторе и была переведена на должность заведующей отделом школ Отраденского районного комитета комсомола. Но и в Отрадной супруги Орёл прожили недолго, так как родилась дочь, а своего жилья не было. Василий Николаевич был обеспокоен житейской неустроенностью, кроме того, мучительно искал своё предназначение, которое видел не в рутинной школьной работе, а на литературном поприще. В 1965 году Василий Николаевич, Лариса Гавриловна с дочерью Мариной покинули Кубань и переехали на Украину, в Донецкую область, где Л.Г. Орёл работала заведующей школьной библиотекой и по совместительству – диктором районного радио.

Последним местом жизни Василия Николаевича Орла стал город Николаев, что на Украине. Он был корреспондентом в различных газетах, много публиковался, писал на различные исторические и краеведческие темы, но в приоритете всегда была литература и история Кубани. Лариса Гавриловна работала сначала библиотекарем, заведующей читальным залом, затем вернулась к своей специальности, занимая различные должности в облпотребсоюзе вплоть до начальника продуправления.

Василий Николаевич ушёл из жизни в 1987 году, не успев многое из задуманного. Ценным результатом его библиографических изысканий стала составленная им картотека, включающая 21 каталожный ящик. В 1990 году Лариса Гавриловна вернулась в Краснодар, куда перевезла весь большой архив супруга. Ещё раньше, за два года до этого, начала заниматься изучением материалов Василия Николаевича, его научного, литературного и эпистолярного наследия. Отметим большой вклад краеведа и журналиста в создание Литературного музея Кубани. С 1979 года с ним переписывалась первый и единственный на тот момент научный сотрудник тогда ещё литературного отдела Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына Е.Н. Шестакова (в замужестве Неподоба), в течение нескольких лет впоследствии возглавлявшая Литературный музей Кубани. В своих письмах исследователь литературы Кубани излагал концепцию будущего музея, давал молодому музейщику ценные советы по созданию экспозиции. Год не дожид Василий Николаевич до знаменательного события – открытия в доме Я.Г. Кухаренко Литературного музея Кубани. А его материалы Лариса Гавриловна, вернувшись в Краснодар, передала в дар музею, а также сформировала фонд В.Н. Орла в Государственном архиве Краснодарского края и архиве Отраденского района. Все свои силы и время Лариса Гавриловна посвятила публикации литературного наследия супруга, в результате её огромной работы были изданы книги "Атаман Кухаренко и его друзья", "В поисках истины", "За взлётной полосой", "От Армавира до Крымска", "И это всё – о нём...", "Перстень митрополита", "О сокровенном" (из поэтической тетради). Кроме этого, вдова литературоведа выпустила уникальный труд, проведя поистине титаническую работу, – библиографический указатель "Василий Николаевич Орёл", где описано более тысячи его публикаций и материалов о нём. Научным редактором и автором предисловий большинства вышедших из печати книг В.Н. Орла был крупнейший специалист в области кубанской литературы, кандидат филологических наук, профессор Виктор Кириллович Чумаченко.

Сейчас Лариса Гавриловна готовит библиографию своих публикаций, которых у неё немало! К этой знаменательной дате Литературный музей Кубани подготовил небольшую выставку, представив часть её трудов. У Ларисы Гавриловны ещё много задумок и планов, и мы хотим пожелать ей здоровья и сил, чтобы всё осуществилось!

Наталья Ламосова,
старший научный сотрудник Литературного музея Кубани,
кандидат педагогических наук

НОВЫЕ КНИГИ

В декабре 2020 года читатели получили отличный подарок – вышел сборник рассказов члена Союза писателей России, лауреата престижных всероссийских и международных литературных премий Николая Ивеншева "Органика", издательство "Алев", Славянск-на-Кубани.

Большинство рассказов – это воспоминания о недавнем прошлом в сравнении с жизнью нынешней. При этом читателю отведена роль не стороннего наблюдателя, а полноправного участника событий. Рассказы Ивеншева – не "муаровые мемуары" для себя и для семьи, а злободневные, острые, ранящие душу произведения, побуждающие нас задуматься: так ли мы живём?

Книги прозы и поэзии Николая Ивеншева давно перешагнули границы Кубани и разошлись по всей России, но именно в нашем крае возмужал и окреп его талант. Здесь написаны его лучшие произведения, получившие всероссийское признание: "Душа душицы", "За Кудькины горы", "Семь писем к сыну", "Индекс счастья", "На спине у ветра", сборник стихов "Моё"...

В Москве Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков издала в конце 2020 года отдельной книжкой рассказ Владимира Кирпильцова (Полева) "Дядюшка Дэн – по дороге на войну и обратно" и номинировала автора на признание лучшим писателем года России в разделе "Библиотека классической и современной прозы" с награждением почётной медалью имени Александра Сергеевича Пушкина.

"Дядюшка Дэн – по дороге на войну и обратно" – это рассказ о судьбе человека, пережившего немало на своём пути, но сумевшего выжить и обрести счастье. Война для мужчины – дело привычное, проверка на прочность. И главный герой её с честью прошёл. Но есть и другая жизнь...

Судьба Артура Карловича – это путь к себе, к мирной жизни с любимой женщиной и дочерью. Потеря близких людей, преодоление собственной неуверенности, ужасы войны и близкая смерть – всё это он сумел осилить и превозмочь, и как награда – новая жизнь, полная радости и надежд.

В феврале 2021 г. в издательстве "Ridero" вышел в свет новый поэтический сборник "Эсэмэски августа" известного российского писателя, члена Союза писателей России, главного редактора Краснодарской краевой специальной библиотеки для слепых имени А.П. Чехова Олега Селедцова. В сборник вошли традиционные для этого автора метафоричные, философские, романтические и ироничные стихотворения, а также любовная лирика. Для Селедцова характерен поиск своего собственного поэтического мировосприятия, выражающегося в доверительном и искреннем диалоге со своим читателем. Лирический мир поэта берёт истоки из далёкого детства, что роднит автора с каждым из читателей.

КУЗНЕЦОВ И НЕПОДОБА

Юрий Поликарпович Кузнецов и Вадим Петрович Неподоба... Мы не случайно поставили рядом имена этих поэтов. Оба они – кубанцы, родились в один и тот же год и даже месяц – в феврале 1941-го года. Прожили недолго, но ярко, и покинули этот мир с разницей всего лишь в два года: Юрий – в 2003-м, а Вадим – в 2005 году. Нынче им бы исполнилось 80 лет.

Юрий Кузнецов, "сумрачный ангел русской поэзии", как его называли современники, при жизни вызывал много споров. Его стихи казались критикам эпатажными, а мнение о себе – завышенным... Время всё расставило по своим местам. Сегодня Кузнецов безоговорочно признан великим поэтом, его стихи называют мифологическими, пишут по ним диссертации и устраивают в университетах "кузнецовские чтения"...

Вадим Неподоба – до мозга костей наш земляк, кубанский поэт. На небосклоне кубанской поэзии сияют негаснущие созвездия поэтов, известных всей России, и к звёздам первой величины, без сомнения, можно отнести Вадима Неподобу.

По жизни они были друзьями... Но в своём творчестве ни в чём не похожи друг на друга. Читатели могут убедиться в этом сами, прочитав подборку их произведений.

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

Юрий Кузнецов – один из самых дерзких поэтов двадцатого века

Вячеслав Огрызко

Атомная сказка

* * *

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

Он пошёл в направленье полёта
По серебристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.

– Пригодится на правое дело! –
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.

В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

Полюбите живого Христа,
Что ходил по росе
И сидел у ночного костра,
Освещённый, как все.

Где та древняя свежесть зари,
Аромат и тепло?
Царство Божье гудит изнутри,
Как пустое дупло.

Ваша вера суха и темна,
И хромает она.
Костыли, а не крылья у вас,
Вы разрыв, а не связь.

Так откройтесь дыханью куста,
Содроганью зарниц
И услышите голос Христа,
А не шорох страниц.

* * *

Мне снился сон, когда в меня стреляли...
Я выстрелы услышал там и тут –
во сне и наяву они совпали.
Куда бежать? И там, и тут убьют!

Потом во сне тень женщины явилась,
От встречных пуль собою заслоня.
И так сказала: – Я тебе приснилась
В последний раз. Не забывай меня.

Смертельный страх моих волос коснулся,
Свистели пули, ветер гнул траву.
Когда она упала, я проснулся
И услышал: стреляют наяву.

Крутись, крутись, планида голубая!
Светились пули густо в пустоте,
Летели, моё тело огибая,
И гасли, исчезая в темноте.

О близкой смерти я гадал по звуку.
Как страшно в этом мраке погибать!
– Взойди, светило! – протянул я руку,
И пули стали руку огибать.

Взошло светило. На меня открыто
Летели пули. Ветер гнул траву.
Тень женщины во сне была убита,
Свет женщины остался наяву.

Любовь ушла. Не надо возвращенья.
– Тебя убьют! – кричу ей, как судьбе. –
Мне твоего не пережить прощенья.
Живи вдали! Я помню о тебе.

Гимнастёрка

Солдат оставил тишине
Жену и малого ребёнка,
И отличился на войне...
Как известила похоронка.

Зачем напрасные слова
И утешение пустое?
Она вдова, она вдова...
Отдайте женщине земное!

И командиры на войне
Такие письма получали:
"Хоть что-нибудь верните мне..." –
И гимнастёрку ей прислали.

Она вдыхала дым живой,
К угрюмым складкам прижималась,
Она опять была женой.
Как часто это повторялось!

Годами снился этот дым,
Она дышала этим дымом –
И ядовитым, и родным,
Уже почти неуловимым.

...Хозяйка юная вошла.
Пока старуха вспоминала,
Углы от пыли обмела
И – гимнастёрку постирала.

Казачий плач о перекасти-поле

Мои волосы Богом сосчитаны,
Мои годы кукушка сочла,
Моя слава легла под копытами,
Мою голову сабля снесла.

Только вспомнил, как матушка молвила
На прощанье: "Себя береги!"
Во всё небо ударила молния,
До сих пор я не вижу ни зги.

Оставляя кровавую полосу,
Покатилась моя голова.
За траву зацепились волосы –
Обезумела в поле трава.

В небе ходят огнистые полосы,
И катается в поле трава.
Бог считает последние волосы,
Потому что всему Голова.

На краю

Битва звёзд, поединок теней
В голубых океанских глубинах.
Наливаются кровью моей
Вечный снег и следы на вершинах.

Но предчувствием древней беды
Я ни с кем не могу поделиться.
На мои и чужие следы
Опадают зелёные листья.

Из теней мимолётного дня
Так и воют несметные силы.
Боже мой, ты покинул меня
На краю материнской могилы.

В ложесны, из которых рождён,
Я кровавые слёзы обрушу...
Боже мой, если ты побеждён,
Кто спасёт её бедную душу?

Отцу

Что на могиле мне твоей сказать?
Что не имел ты права умирать?
Оставил нас одних на целом свете.
Взгляни на мать – она сплошной рубец.

Такая рана – видит даже ветер!
На эту боль нет старости, отец.
На вдовьем ложе памятью скорбя,
Она детей просила у тебя.

Подобно вспышкам на далеких тучах,
Дарила миру призраков летучих –
Сестёр и братьев, выросших в мозгу...
Кому об этом рассказать смогу?

* * *

Рукавицы роняя в снегу
На земном крутосклоне,
Я от брата и друга бегу
И дышу на ладони.

Проступают на них два лица:
И чело, и морщины.
Узнаю свою мать и отца.
Мы навек триедины!

Сколько раз в кулаки я сжимал
Эти лица родные.
Сколько раз к небесам воздымал
Их, как солнца двойные.

Сколько раз бил ладонь о ладонь,
Ни о чём не печалюсь.
Над землёй высекая огонь,
Эти лица встречались.

Подберут рукавицы мои
Тороватые братья...
Раскрываю огню и любви
Ледяные объятия.

Но ладонь от ладони ушла
В голубом небосклоне.
Вбиты гвозди, и кровь залила
Эти лица-ладони.

Тегеранские сны

Вдали от северных развалин
Синь тегеранская горит.
– Какая встреча, маршал Сталин! –
Лукавый Черчилль говорит.

Я верю в добрые приметы,
Сегодня сон приснился мне.
Руководителем планеты
Меня назначили во сне!

Конечно, это возвышеньё
Прошу не принимать всерьёз...
– Какое, право, совпадение, –
С улыбкой Рузвельт произнёс.

В знак нашей встречи незабвенной
Сегодня сон приснился мне.
Руководителем Вселенной
Меня назначили во сне!

Раздумьем Сталин не смутился,
Неспешно трубку раскурил:
– Мне тоже сон сегодня снился. –
Я никого не утвердил!

Предчувствие

Всё опасней в Москве, всё несчастней
в глуши,
Всюду рыщет нечистая сила.
В морду первому встречному дал
от души,
И заныла рука, и заныла.

Всё грозней небеса, всё темней облака.
Ой, скаженная будет погода!
К перемене погоды заныла рука,
А душа – к перемене народа.

ВАДИМ НЕПОДОБА

Стихи Вадима Петровича, написанные для взрослых и детей, излучают сыновнюю любовь к землякам, к своей земле, к своим корням. ...Каждое слово в них, будто стук сердца...

Вячеслав Динека

* * *

Если б вы знали, какая
Ночь в эту пору была!
Гром громыхал не смолкая,
Молния вишней цвела.

Чувств озаряемых свежесть,
Как молодая трава.
Правда. Отвага. Верность.
Все – не пустые слова.

К звездам душа прикоснулась,
Ноги на влажной стерне...
Что ты посеяла, юность,
Жать до скончания мне.

* * *

В станице бывает так тихо,
Что облачка слышен полёт.
Зелёным дымком повилика
Струится у каждых ворот.

Кубанское лето безбрежно
В разливе привольном пшениц,
В звенящем раздумчиво, нежно
Распеве невидимых птиц.

В явившейся тучке гремящей,
Рассыпавшей дождичка горсть,
И в мысли
Внезапной,
Щемящей,
Что в солнечном мире ты – гость.

Как можно исчезнуть бесследно,
Коль было, вмещалось в душе
Огромное, яркое лето
С ромашкой на дальней меже?

Нет на свете судьбы неправёй
От войны эта доля досталась:
Матерям хоронить сыновей,
Проживать в одиночестве старость.

Есть такие дворы в хуторах:
Средь гигантской травы и порухи
Там живут с древней грустью в глазах
Средь немых фотографий старухи.

Перевёрнута жизнь кверху дном,
И на нитке незримой повисла
Эта радость, лишённая смысла,
Что затеплился день за окном.

Кто виновен, скажите мне, в том,
Что всё чаще на нашей планете
Только пыль поднимает винтом
Над жилищем исчезнувшим ветер?

Кто ответит? Родные поля?
Вековые преданья? Науки?
Может, тёмное, будто земля,
Очерствевшее слово старухи?

Становлюсь на просевший порог,
Захожу под усталую крышу:
– Здравствуй, мать!

– Не старайся, сынок:
Сколько лет ничего я не слышу!

* * *

В разладе с обманчивым миром,
По воле презренной судьбы
Тебя он не выбрал, а вырвал,
Как яркий цветок, из толпы.

От счастья слепыми руками
Сквозь солнечный ливень густой
Принёс и поставил в стакане
Квартиры своей холостой.

Забыл он, от гордости тайной
Печален, упрям и жесток:
Мечтает о вазе хрустальной
Любой, даже скромный цветок.

Домой приходил обзолённый,
Мечтою своей обуян,
То до бессознания влюблённый,
То просто бесчувственно пьян.

Порой не промолвит и слова,
В себя погружён, а порой
Любовь и доверье, и злоба
К тебе обращались одной.

А что ты могла, городская,
С врождённою ленью в крови,
Которой привычка людская
Превыше мечты и любви?!

Уходишь, бросая: "Постылый!"
Желая за всё отомстить,
И всё же оставить нет силы,
Тем боле – понять и простить.

Что делаешь, вряд ли ты знаешь.
Ко всем терпелива, ровна,
Его ты безбожно терзаешь
И любишь, как берег волна.

* * *

Мы живём у надежды в плену.
За неё наивысшая плата,
Если в мире хотя б одному,
Кроме матери, жизнь твоя свята.

Значит, очень тебе повезло.
Став ведущею нынче наукой,
Всё уродство, отравы и зло
Круговую повиты поруклой.

Святость жизни, раздавлена ты
Многотысячем войн на планете,
Но святыми рождаются дети,
И нетленны о счастье мечты...

* * *

Подует холодом из дола,
Нальётся стужею роса –
И позовут меня из дома
Поля, овраги и леса.

И жгуче новой, чуткой правдой
Нездешне яркое и лучистое,
С такой задумчивой прохладой
Заглянет в душу каждый лист.

И в тишине исповедальной
Среди берёзовых лампад
Раздастся предков голос дальний,
Прошедших, словно листопад...

* * *

Умру – и двор наш станет тесным.
Любой прохожий – гость тогда,
При жизни я таким известным,
Конечно, не был никогда.

Придёт.
но чтоб не выделяться,
Бочком, и голову склоня,
Жена, которая лет двадцать
Назад
оставила меня.

Стеной угрюмой встанут братья,
Три дня не будут есть и спать,
Но материнское объятие
Помогут всё же разорвать.
И разойдутся виновато,
Следы их ветер заметет.
А вся огромная утрата
На сердце матери падёт.
Наполнит дом – углы и стены,
И страшным грузом в тишине
Она раздавит постепенно
Боль ножевую обо мне...

Сострадание

И смотрела в лицо, и ласкала,
Заправляя спадавшую прядь;
Слово, равное горю, искала
И, в слезах, не могла отыскать.

Говорила: "Всё – божия милость.
Он к себе кого зря не берёт",
Чтоб хоть чем-то внушить
справедливость,
Только вышло – наоборот.

Побережись для тех, убеждала,
Кто живой.

Ведь его не вернёшь
Никогда.

И сама зарыдала,
И чей сын во гробу – не поймёшь.

* * *

Возвращаясь к родному порогу,
 Растерявший себя не совсем,
 Как тогда, собираясь в дорогу,
 На прогретый пригорок присел.

На высоком дыхании пахот,
 По-отечески светлых небес
 Я услышал, как родиной пахнут
 Волны речки и поле, и лес.

Я не виделся с матерью долго,
 Позабыла меня и родня.
 Ощущенье горячее долга
 Переполнит внезапно меня.

Задержу этот миг на минуту,
 Процежу через родину вдох,
 А иначе ни дому, ни утру
 Не верну я просроченный долг.

* * *

Тебе приснился бездорожный,
 Идущий небом человек.
 Он был с тобою осторожным,
 Как этот падающий снег.

Его жалела, не жалела,
 Страсть померцала и ушла.
 И оттого отяжелела,
 Как ветка зимняя, душа.

* * *

Что это?
 Во поле чистом
 Кони ли, скирды стоят?
 Годы проходят со свистом –
 Не оглянуться назад.

Минуло лето – ну что же!
 Осенью дали видней.
 Стал я умнее и строже...
 Может быть, просто бедней?

Может, как раз потому-то
 В сердце, где радость цвела,
 Боль оставляет минута –
 Та, что из жизни ушла.

День спасения

*Выкликаю:
 – Валерка, Вадим!
 Кабаки, переулки, закаты
 Мы неверным молчаньем почтим
 Нашей молодости раскаты.
 Гей, шампанского! Водку несут.
 Ничего, наливай до предела!
 Мы сегодня покажем, как пьют
 За успех безнадёжного дела.
 (Юрий Кузнецов "Прощание с
 Краснодаром"
 1966 год)*

Наша молодость разглядела
 Бездны мрак среди мерцающих звёзд,
 За успех безнадёжного дела
 Поднимая отчаянный тост.

Заблуждались и ввали безбожно
 Наших загнанных судеб отцы,
 В рай земной торопясь безнадёжно,
 Все начала смешав и концы.

День прощания, пламенно свеж ты,
 Грусть-тоска, как рубаха, проста:
 Ни крыльца, ни отца, ни надежды,
 Ни креста – лишь чужая звезда.

Вместе с лозунгом красным нависла,
 Обрезая лучами наш путь.
 Только Муза была бескорытна,
 Как сестра припадала на грудь.

С нами вместе ходила по девкам
 И на риск, что похож на обвал.
 И хранила в таких переделках,
 Где о нас даже Бог забывал.

"Я вернусь знаменитым поэтом!" –
 На прощанье сказал ты друзьям
 И попал прямо в точку дуплетом:
 Кроме славы, в Отечестве этом
 Ничего не оставили нам.

И душа пропадает, и тело,
 Сатана веселится захлест...
 За успех безнадёжного дела!
 Поднимаю Отечества тост.

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

К юбилею Виктора Ивановича Лихоносова

Многие читатели знают эту давнюю историю, которая сама по себе могла бы стать сюжетом для литературного произведения. В 1963 никому не известный молодой учитель из Анапы Виктор Лихоносов прислал редактору столичного журнала "Новый мир" Александру Твардовскому свой рассказ "Брянские". Чистая и безыскусная проза покорила выдающегося советского поэта. Рассказ был напечатан, и его с восторгом читала вся страна. Автор, как говорится, "проснулся знаменитым"...

На первый взгляд ничего особенного в том рассказе не было: немудрёная история о жите-бытье "пришлых" старика и старушки в глухом кубанском хуторе. Что же заставляло сжиматься сердце, что наполняло грудь свежестью осеннего вечера, щекотало ноздри "кислым запахом" крестьянской хаты, оглушало звенящей тишиной и "одинокостью"? Родина, милая, единственная... Возлюбленный наш край, возрадившие нас родные старики, с которыми скоро придётся расстаться навсегда. Чувство неизбежности потери, которое испытывает герой рассказа, невольно передавалось читателю, заставляя задуматься о смысле собственной жизни.

И ещё одно чувство испытали первые читатели Виктора Лихоносова – гордость за русский язык. Музыкальность, точность и неожиданность сравнений, тонкая передача настроения героя – всё это удивляло, волновало, доставляло истинное наслаждение.

* * *

"В городе ещё шла гроза, там ещё гремело, лилось и вспыхивало над зданиями, над тротуарами и садами окраин, а в вагоне электрички потели от тепла стёкла, было шумно от разговоров и песен, все были счастливы и не замечали непогоды. Под насыпью сыро чернели дороги, по кромкам полей тяжёлыми тёмными полосами изгибались перелески".

Так начинается один из ранних рассказов В.И. Лихоносова "Чалдонки". В пяти строчках писатель рассказал о том, что осталось в городе, что было в поезде, и что виделось за вагонным окном. И не просто рассказал, а нарисовал три картины, встающие перед нашими глазами, словно наяву.

Даже в ранних произведениях Лихоносова чувствуется уверенная рука мастера. Он сумел опозитизировать то, что на первый взгляд кажется обыкновенным: повседневный быт простых людей, нелёгкую женскую долю, русский мужской характер.

Вот перед нами балагур и фантазёр Никита Иванович из повести "На долгую память". "Везде он был своим, русским мужиком" – с хитрецей, чуть-чуть с ленцой, к тому же выпивоха. Зато не жмот, не холуй, и всегда за справедливость! В нём есть чисто русская черта – презрение к наживе. "Надо себе самому мнение создавать", – толкует он соседу, тихому, беззащитному Демьяновичу. – "Нет у тебя ничего, а ты говори, что всего навалом. Сердцу веселей".

* * *

Родился Виктор Иванович Лихоносов в 1936 году, в Кемеровской области на станции Топки. Потом его семья поселилась на окраине Новосибирска. Когда мальчику было семь лет, на фронте погиб его отец. Каждодневный труд, скудные радости и неизбежные страдания, переживаемые людьми с мужественным достоинством – это и его личная жизнь. В повести «На долгую память» студент вспоминает детство, словно глядя на него глазами матери, Физы Антоновны. Удивительная женщина-труженица своими душевными качествами превосходит всех героев этого автобиографического произведения. При этом она свободна от самого большого по православным понятиям греха – гордыни.

Она скромна и всегда готова поделиться с соседями своим нехитрым добром, тощим кошельком и ласковым словом. Её любимые выражения: "Ну, ничего!", "А я чо? Я ничо". Дескать, обойдёмся, как-нибудь проживём, было бы здоровье, да чистая совесть. А остальное – дело наживное.

Свои художественные ценности Лихоносов черпает из реальной жизни.

В повести "Родные" старуха Арсеньевна на излёте жизни вспоминает о родном воронежском селе и о его погосте. Ей хотелось бы покоиться рядом с матерью, отцом и мужем. "Да где же? Теперь и могилы те поравнялись с землей, и не найдёшь их без крестов, которыми в войну топили жители печи". Писателю не нужно подробно описывать голод и нищету воронежских крестьян в военное лихолетье. Если уж на растопку шли кладбищенские кресты..., что ещё добавить?

За неторопливым, внешне спокойным повествованием кроются людские драмы. Сколько судеб, сколько характеров! "Родные" – это не только старуха Арсеньевна, её дети и внуки. Это и все "воронежские", те, кто в суровую годину, спасаясь от голода, перебрался в далекое сибирское село. Они стали сибиряками, но держатся вместе, не забывая о своих корнях. У каждого своя нелёгкая судьба.

Повесть начинается с печального события – умирает вторая жена сына Арсеньевны, жестокого, эгоистичного Павла, а заканчивается радостно: большая крестьянская семья собирается вместе. Во главе стола – Арсеньевна, словно олицетворение русской матери, а рядом с ней дети и многочисленные родственники – добрые и злые, довольные судьбой и обделённые ею, умные и "простаки". На какое-то время они забывают о личных неурядицах и взаимных обидах и чувствуют себя частицей единого организма. Даже тупой изверг Павел, разбивший жизнь первой жене и спровадивший в могилу вторую, каким-то первобытным чутьем осознает свою принадлежность к большому родственному клану "воронежских". Он с ними одной крови! Вот почему при неожиданной встрече с братом Павел "вдруг стушевался, вздрогнул и мгновенно заплакал, протянул через прилавок руки, уткнулся губами в небритую щеку Андрея".

Пока не оборваны родственные связи, им нечего бояться – ведь они родня и всегда помогут друг другу. Когда они все вместе, даже смерть не страшна: в их семейном древе зеленеют молодые побеги. Внучка-восьмиклассница – "красивенькая, тошенькая", читает старухе Арсеньевне Пушкина, ластится к бабке, слушает её рассказы о старине. Внук Митя, взрослый, образованный молодой человек, бросив все дела, спешит на свидание с родными, "воронежскими" сибиряками. С нежной любовью глядит он на знакомые места, где прошли его школьные годы, вспоминает отца, деда, бабушку. В то же время с невольной грустью говорит себе: "Уходит целое поколение... Поколение русских крестьян. А я уже не такой... да, не такой, как они...". Время неумолимо. Быть таким, "как они", он уже не сможет. Зато он умеет любить их, душою стремиться к ним, хранить в памяти прошлое, чтобы передать его другим поколениям.

* * *

Лихоносов скуп в выражении своих чувств. Он словно стесняется их, боясь превратить настоящую, не придуманную жизнь в книжную мелодраму. В повести "Чалдонки" милые, обделённые счастьем молодые женщины коротают бабий век в далёком сибирском селе. Для них обычный приезд студентов на сельхозработы становится незабываемым событием на всю жизнь. Бойкая, развязная Онька влюбляется в студента Мишку, но не может добиться взаимности. Известная всему селу, как пустышка и гулёна, она с каким-то обречённым упорством преследует своего избранника, хранит ему верность, пытается выразить свои чувства в письмах. Но когда однажды, проезжая на телеге, студент встречает на дороге Оньку и предлагает подвезти её, девушка неожиданно отказывается. У неё, не привыкшей плакать, губы дрожат от сдерживаемых слёз. Впрочем, об этом мы можем только догадываться. Вот как рисует эту сцену Лихоносов:

" – Ну садись, Онь...

– Да чо уж, – выдавила она и поднесла руку ко рту..."

Наблюдательный, равнодушный к людям Миша распознаёт истинную душевную красоту не только в самоотверженной Варе, одинокой матери двух детей, но и в легкомысленной на первый взгляд Оньке. И если интеллигентная однокурсница Нина, ревнуя, ненавидит Мишу, то деревенские девушки продолжают любить, не смотря ни на что. Уезжает в город машина со студентами... а чалдонки выходят на заснеженную дорогу, чтобы молча проститься. Никогда они его не забудут и не проклянут – их чувства сильнее обиды, разлуки, разочарования. Они даже не испытывают ревности друг к другу – напротив, их сблизила общая боль.

Некоторая недосказанность, словно занавес, упавший чуть раньше окончания спектакля, заставляет нас нервничать, волноваться и думать о дальнейшей судьбе людей, только что прошедших перед нашим мысленным взором.

Читая Лихоносова, мы иногда невольно уподобляемся одному из его героев, простодушному старику-столяру, который "любил делиться впечатлениями от книг" и часто был недоволен писателем: "Пишет, пишет, довёл до самого интересного и бросает. Мужик бабу похоронил, распродался – и в город. Жить, значит. И не прописал, как он: доехал или нет, пошёл в ресторан или куда – кончил, и всё. Как топором обрубил".

В рассказе "Что-то будет", включённом в один из томов изданной в советское время знаменитой серии "Библиотека всемирной литературы", молодая сибирячка Зина ждёт свою любовь. Она чем-то сродни Оньке и Варе, у которых в деревне были свои поклонники, но им нужен не просто кто-то, не первый встречный, а тот единственный, кого они полюбят сами! Вот и Зина отвергает домогательства не только пустого пьянчужки Николая, но отказывает и вполне порядочному парню, киномеханику Василию.

Мастерски передано душевное состояние Василия, ждущего свидания с Зинаидой. Мы словно кожей чувствуем его внутреннюю дрожь. Где Зина, почему не приходит? Может, не поняла, где назначена встреча? Неужто ждёт в другом месте? Надо сбегать, посмотреть... Но как отлучиться, если вдруг она все-таки придёт? Внутренний трепет, нетерпение, нарастающая тревога и, наконец, горькое разочарование – все эти чувства читатель испытывает вместе с героем, ибо многим из нас приходилось хоть раз в жизни так же мучительно и обреченно ждать.

В неожиданном поступке Зины на первый взгляд нет логики. Но для героини страшнее одиночества – связать свою жизнь с тем, кому не веришь, и кто тебя не понимает. Ведь порядочный Василий однажды так же обидел Зину, как и непутёвый пьяница Николай. Как сложится судьба героини, читатель не знает, но у него остаётся предчувствие перемен: "Что-то будет!"

* * *

Немного найдётся современных русских писателей, которые могли бы сравниться с Виктором Лихоносовым в точности, выразительности, глубине мысли и образов, музыке слова. Многие произведения Лихоносова напоминают своеобразный лирический дневник.

Выпускник педагогического института Геннадий, герой повести "Тоска-кручина", размышляет, чего он хочет от жизни и как следует строить свою дальнейшую судьбу. Под этим понимается не только работа и карьера, но прежде всего нравственный выбор. За неординарность характера и литературную одаренность друзья прощают "Генычу" резкие суждения и даже некоторые грубые поступки. Прощает его и любимая девушка Лера, которую он постоянно бросает, а потом снова покаянно к ней возвращается. "Боюсь очага. В очаге потонет всё. Жить будешь с оглядкой на него".

Лихоносов не идеализирует своего героя. Это человек, который ещё не нашёл себя, не избавился от юношеского эгоизма. Анализируя свои душевные переживания, Геныч порою небрежно относится к судьбе тех, кто его любит.

Иногда сердце его оживает. Тогда он готов бросить всё и немедленно ехать, гнаться за любимой девушкой, даже не зная её точного адреса... "Всё! Поехал я! Поехал я!" – нервно повторяет Геныч, а мысли его уже далеко, в дороге... Но его порыв быстро остывает, и он становится тем же, кем он был – умным, тонким, талантливым, но в сущности сторонним наблюдателем жизни. Не застав дома Леру, герой идёт в пивную, где встречает интересных людей, которые могли бы стать персонажами его будущих рассказов. Что поделаться! Писателю не до любви, он должен изучать жизнь.

В конце повести мы видим тихий городок на берегу моря, школу-интернат и в ней Геныча – наставника местных ребятишек. Дети души в нём не чают. Наверное, он всё-таки не такой чёрствый человек, как нам показалось. "Тишина, свежесть, одиночество. Я закурываю, оглядываюсь на жёлтые окошки и думаю. Думаю и надеюсь"...

* * *

Словно "очарованные странники", кочуют герои Лихоносова по городам и весям России.

Что заставляет молодого героя рассказа "Когда-нибудь" без сожаления оставить уютный уголок и совершить паломничество в далёкое село Константиново, на родину Есенина? Особое состояние души, "стеснительное чувство любви к жизни, к ожиданию редких мгновений и проезжим тихим местам". Может быть, это и есть та, самая искренняя и бескорыстная любовь к родине, которую Лермонтов назвал "странной"? Два рассказа земляков Сергея Есенина, которые выслушивает герой, резко отличаются друг от друга. Один ведёт старый оборванец. Он говорит много, подробно, театрально, со знанием дела. Очевидно, что такие монологи стали для него профессией. Его излияния, как правило, заканчиваются возлияниями: окончив речь, бродяга просит на водку. Второй – безыскусный

рассказ старушки. Почти без фактов: ну жил и жил в "Киньстинтинове", "нашенский был, простой... Не знаю, для кого он там, как говорится, поет, а нам простой был".

Не столько об увиденном и услышанном, сколько о лично пережитом рассказывает автор. Главное в рассказе – не описание есенинских мест и даже не воспоминания очевидцев о поэте, а то впечатление, которое герой испытывает, соприкасаясь с родиной Есенина. Оно будет настолько сильным, что сохранится на долгие годы: "Уж и не подумаю об этом теперь, и только чувства, наверное, вернутся, напомнимся, неожиданно придёт настроение".

Герой жалеет об ушедших днях своей юности, о людях, которых он никогда не встретит, и всё же надеется, что "когда-нибудь" всё это придёт к нему снова.

Но ушедшие мгновения неповторимы. В рассказе "Люблю тебя светло" лирический герой Лихоносова вновь приезжает в село Константиново. Снова витает над ним тень великого поэта, но всё стало другим, не таким, как в юности – и обстановка, и люди, и внутренний настрой героя, уже зрелого человека. Теперь Есенин "в моде", на его родину приезжают туристы, есть музей и даже книга отзывов, однако нет самого главного – искренности: герой рассказа остро чувствует своё одиночество. "Знакомо ли тебе, друг, то возвышенное состояние у святого места, когда кажется, что куда бы ты ни вернулся, тебя выслушают, и поймут, и поверят?.. Однако расчётливому кругу нет дела до нашего трепета".

* * *

Многие герои лирических рассказов Лихоносова – и серьёзный, вдумчивый Мишка из "Чалдонок", и "воронежский сибиряк" Митя из повести "Родные", и мятущийся Геныч из "Тоски-кручины" и даже утончённая учительница Таня, героиня одноименного рассказа, – все они чем-то неуловимо похожи на самого автора. Ведь прежде чем стать писателем, Виктор Иванович был учителем. Окончив в 1961 году Краснодарский пединститут, он работал в школе-интернате Анапского района. Эти беспокойные, но прекрасные годы отражены писателем в светлом рассказе "Таня, Таня". Скромная, неопытная наставница интернатских ребятишек сталкивается со многими трудностями – тут и проблемы воспитания, и собственная неустроенная жизнь, и чиновничий формализм. Но её честное сердце, верность долгу и делу, которому она служит, не дают ей сломаться. "Андрей Евсеевич, – говорит она директору интерната, – ... что бы ни случилось, какая бы беда не постигла нас – в интернате ли, в районе, в стране ли, или во всём на свете, – всегда надо оставаться человеком и чувствовать других".

Иногда, попадая в далёкий край, человек надолго остаётся "чужаком". Проходят годы, а он не понимает и не любит ни местного говора, ни истории, ни обычаев, ни психологии тех, с кем ему довелось жить. Для Виктора Ивановича Кубань не стала чужой. Жадно, с наслаждением он изучал и впитывал в себя жизнь нашего края, путешествовал, встречался с коренными казаками-станичниками, слушал и запоминал их рассказы.

Роман, принесший Виктору Лихоносову Государственную премию и всемирную славу, вышел в 1987 году. На обложке крупными буквами было напечатано название: "Ненаписанные воспоминания", а чуть ниже мелким шрифтом значилось: "Наш маленький Париж". Но читатели запомнили именно "маленький Париж". В 1990 году книга была переиздана, и на этот раз обложка выглядела иначе: крупным шрифтом красовалось название "Наш маленький Париж", а мелким – "Ненаписанные воспоминания".

Читая эту огромную, поистине бездонную книгу, мы смотрим на старый Екатеринодар глазами писателя. Если Париж XVII-го века мы представляем по романам Дюма, то "маленький Париж" нам подарил Лихоносов. Париж у Дюма – город мушкетёров, романтический, приукрашенный, придуманный город. А в Екатеринодаре обитают наши реальные герои-казаки. Пусть они не столь романтичны, но зато более близки нам: Пётр Толстопят, Дементий Бурсак, Лука Костокрыз, Василий Попсуйшапка, Калерия Шкурапатская, Аким Скиба... Яркие имена, пришедшие к нам из Запорожской сечи!

Роман Лихоносова – большое лирико-эпическое произведение, воссоздающее в сотнях действующих лиц, в их самобытном языке, в тысячах деталей, в неисчерпаемой мозаике событий, воспоминаний, легенд и реальных сюжетов исторический портрет нашего города. Екатеринодар – главный герой романа. Он, словно одухотворенное существо, многоголосый, многоликий, то лукавый, то жестокий, то добрый; порою утопающий в непролазной грязи немощёных улиц, и вдруг, через пару недель, – чистый и радостный от зелени весенних садов, сыплющий грубоватыми до непристойности казацкими остротами, сотрясаемый неподдельными человеческими страстями...

Кроме художественной ценности, роман имеет ещё и большое познавательное значение. Мы приобщаемся к родной истории исподволь, размышляя, сопереживая и наслаждаясь, и в этом роман Лихоносова даёт читателю несравненно больше, чем любой учебник.

Виктор Иванович Лихоносов не коренной кубанец, не казак. Но чуткость и восприимчивость к языку и обычаям народа, среди которого ему довелось жить, позволяет ему достигать удивительной достоверности в изображении жизни екатеринодарцев.

Мы видим, словно наяву, запорожский оселедец Костогрыза, слышим зычно "Хо!" возчика Терёшки, сочувствуем любовным переживаниям нежной "институтки" Калерии, вместе с Дёмой Бурсаком пытаемся разгадать тайну его деда, Петра, верхом на коне прыгнувшего с крутого обрыва в Кубань, любимся георгиевским кавалером красавцем Толстопятом.

Лихоносов настолько прославил наш город в России и за рубежом, что когда-то в Краснодаре даже собирались поставить памятник роману "Наш маленький Париж" в виде маленькой Эйфелевой башни. Но так и не поставили: сочли такой памятник непатриотичным. А может это и к лучшему? Великий роман Виктора Лихоносова ни в какой "башне" не нуждается. Он сам по себе – великий литературный памятник Екатеринодару. Едва раскрыв книгу, мы начинаем жить жизнью города и чувствуем свою общность с екатеринодарцами начала XX века. Прошлое оживает в воспоминаниях. Время не имеет границ, и непрерывна память, связующая поколения... Во имя этого и написан роман – помочь читателям прикоснуться к прошлому, ощутить свою сопричастность с жизнью тех, кто жил до нас.

Стало доброй традицией проводить на факультете журналистики Кубанского государственного университета ежегодные научные конференции, посвящённые творчеству нашего выдающегося писателя. Очередная, V Всероссийская научно-практическая конференция "Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории", приурочена к 85-летию со дня рождения всемирно известного мастера пера.

Глубокая вера писателя в то, что наши предки не ушли безвозвратно, а незримо продолжают жить в новых поколениях, вселяет в нас светлую, быть может, наивную веру в собственное бессмертие. Вот почему книги Виктора Лихоносова так востребованы нынешним поколением – их мгновенно сметают с книжных полок, читают, изучают, пишут о них литературоведческие статьи...

Редакция журнала "Краснодар литературный", члены Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, все кубанские читатели искренне поздравляют Виктора Ивановича Лихоносова с грядущим в апреле нынешнего года юбилеем и желают ему крепкого здоровья, счастья, новых книг!

Людмила Бирюк

У МЕНЯ ЕСТЬ ОТЕЧЕСТВО!

7 января 2021 года отметила свой юбилей известная кубанская поэтесса, прозаик и литературовед, Народный учитель Российской Федерации Светлана Афанасьевна Медведева – просветитель и общественный деятель, лауреат многих литературных премий и государственных наград.

* * *

В тот солнечный апрельский день на факультете иностранных языков Краснодарского пединститута всё было, как обычно. По расписанию проходили лекции, семинары, практические занятия. Из-за дверей слышалась размеренная речь преподавателей и голоса студентов, старательно произносящих английские, французские, немецкие слова. И вдруг... Словно порыв свежего ветра ворвался в чинное учебное заведение. Счастливая девушка с густой русой косой стремглав бежала по гулкому коридору, на ходу распахивая двери аудиторий, и кричала восторженно:

– Первый человек в космосе! Ура!

Конечно, все высыпали в коридор, обнимались и поздравляли друг друга. Никто из преподавателей не думал ругать девушку, сорвавшую занятия. А «нарушительницей дисциплины» оказалась студентка Светлана Медведева, ставшая впоследствии Отличником просвещения СССР, кавалером ордена Дружбы народов, Народным учителем РФ, членом Союза журналистов России и Союза писателей России, заслуженным работником культуры Кубани...

Волшебный луч памяти и по сию пору выхватывает из прошлого трогательные эпизоды, которые Светлана Афанасьевна называет "волшебинками". Они мелькают, словно кадры старого кино, чтобы потом воплотиться в стихи, рассказы и очерки.

Сохранился снимок комсомолки Светланы в школьной форме с белым отложным воротничком. В своё время он мог бы украсить обложку любого советского журнала. Сейчас таких лиц уже не встретишь. Теперь в журналах, именуемых "глянцевыми", печатают портреты модных красавиц "с горящими глазами, холодными сердцами, золотыми волосами", а здесь перед нами предстаёт героиня другой эпохи:

Я родом из века двадцатого,
И он мне дороже других,
Хоть было пальтишко с заплатами
И ели то просо, то жмых.

Рассказывая о послевоенном детстве, Светлана Медведева приводит множество неповторимых деталей и эпизодов, о которых теперь уже смутно помнят даже некоторые пожилые люди, а молодые совсем ничего не знают.

Вот по порученью мамы бежит вприпрыжку Светланка в сельский магазин за хлебом и конфетами-подушечками. "Мамина кофта пришлась мне "впору" как пальто. Только рукава я закатала. Цветная косынка прикрывала уши, и две весёлые косички лежали по плечам". ("Подушечки"). Затаив ды-

хание, наблюдает девочка, как продавщица аккуратно взвешивает слипшиеся дешёвые конфетки – заветное лакомство послевоенной детворы. Своё не всегда сытое детство девочка искренне считает счастливым и не понимает, почему так тяжело вздыхает грустная продавщица.

На Серебряную свадьбу "мама испекла серый пирог с картошкой (почему серый, я тогда не знала, считала: так и быть должно, а про добавленные в тесто отруби и жмых мне стало известно позднее). Пили компот из сухофруктов и всё" ("Три четверти").

А вот мы видим "незамысловатый скарб" семьи Медведевых, увязанный в узлы по случаю переезда в город. Главное богатство – железная кровать стояла, "поблескивая на солнце своими колокольцами". На коленях Светланки сидит "учёная курица":

– Если бы я знала, что ждёт мою куру в городе, ни за что не взяла бы её с собой! ("Подарок").

В рассказе "Девочка и арбуз" не только изображена забавная сценка "полёта" маленькой Светланы вместе с арбузом, но и представлена картина послевоенного Краснодара. Жаркое лето, гомон Сенного рынка, зелёные кусты и деревья, скрывающие разруху и неустроенность.

В войну Светлана была ещё слишком мала, чтобы помнить её смертельное дыхание. Но детская память хранит и заветный "треугольник-письмо", и тяжёлую работу "на току колхозном", и тряпичную куклу Машу, сшитую мамой из фартука. Потом – школа:

Всё время я куда-то мчалась
И помню, как в пасмурный день
Мне мама вдогонку кричала:
"Смотри, телогрейку надень!"

Это сущая правда: в то время мы, действительно, не ходили, а бегали, стараясь всюду успеть. А телогрейка (фуфайка) была обычным атрибутом нашей повседневной одежды. Таких узнаваемых примет времени в произведениях Светланы Медведевой очень много, что придает её стихам особенную искренность.

Стихотворение "Ёлка 1947 года" – неповторимый мир послевоенного детства, не пресыщенного изобилием подарков и дорогих конфет. Скромные "самodelки", орешки и стружки, которыми мы украшали новогоднюю ёлочку, доставляли нам больше радости, чем нынешние замысловатые пластиковые игрушки. И это тоже бесценные свидетельства эпохи, бережно хранимые в памяти поэтессы.

Литературное творчество Светланы Афанасьевны Медведевой стало продолжением её учительской профессии. Она любит и понимает детей, тонко чувствует детскую психологию, всю жизнь учится и учит других... Она изучает историю России, делает оригинальные переводы, совершенствует своё вокальное мастерство. Помните песню-молитву композитора Франца Шуберта "Ave Maria"? Светлана Афанасьевна перевела её текст на русский язык и с большим успехом исполняла на концертах в Краснодарском Доме учёных и инженеров. Именно там я впервые увидела Светлану Афанасьевну...

Поднявшаяся на сцену невысокая хрупкая женщина с аккуратно уложенной на затылке косой, поначалу показалась мне излишне строгой. Она разительно отличалась от других, нарядно и пышно одетых певиц.

– Кто она?

Кто-то сказал:

– Учительница!

Я приготовилась слушать серьёзную классическую арию. Но раздались первые аккорды пианистки, и в зал полился известный и любимый романс на стихи Марины Цветаевой:

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса...

Романтический девятнадцатый век: свечи в серебряных подсвечниках, блеск бала, тайное пожатие руки, обронённый платок, звон скрещённых шпаг... "О, молодые генералы своих судеб!". Нет, покорившая моё сердце романтическая певица совсем не напоминала скучную "училку"...

Во втором отделении Медведева снова вышла на сцену и прочитала свои стихи, принятые публикой очень тепло. Почему-то меня совсем не удивило то, что Светлана Афанасьевна не только певи-

ца, но и поэтесса. Женщина с таким голосом и таким романтически-приподнятым восприятием мира не могла не писать стихи.

В творчестве Светланы Медведевой чувствуется не только романтика, но и та особенная закалка, которую не вытравить никакими государственными переворотами и потрясениями. В тяжёлое время испытаний её лирическая героиня решительно отказывается "ломать шапку перед горем" и мечтает "обрести былую статью" – то есть, ту "особенную статью", о которой говорил Фёдор Тютчев, особенный склад характера, который присущ именно русскому человеку. Она понимает: всё лучшее в нашем национальном характере идёт от семьи, Родины, родного языка.

Добрые отношения в семье Медведевых – это национальные приметы, характерные для нашей страны. Никакие испытания не страшны пятилетней Светлане, если рядом с ней любимый, надёжный старший брат Анатолий! Он – её кумир, образец для подражания, её гордость и надёжная защита.

Она вспоминает:

– В те далёкие военные и первые послевоенные годы брат учил меня грамоте, и не раз я называла его волшебником, когда он убирал (с помощью лезвия) вылезший за строчку "хвост" какой-нибудь буквы. Брат убеждал меня, что надо внимательно слушать радио – чёрную тарелку на стене, чтобы правильно говорить на родном русском языке. Потом мы вместе находили и исправляли поломки в радио- и электроприборах. Золотым рукам брата я говорю спасибо и сегодня...

В трудные минуты жизни Светланы брат всегда оказывается рядом. Вот, подхваченная ветром, крошечная и невесомая, она летит под раскрытым зонтом, словно под парашютом, а потом падает на острые камни... "В это мгновение добрые руки моего брата подняли меня на ноги, разжали мои руки и закрыли зонт". ("Полёт").

Чувство полёта и поныне не покидает Светлану Медведеву. Она не из тех "ужей", которым прекрасно там, "где тепло и сыро". Без полёта жизнь теряет смысл – в этом её глубокое убеждение. Пусть иногда приходится падать, разбивая колени в кровь. Это совсем небольшая плата за великое счастье – парить в высоте: "Пока мы медленно возвращались к дому, сильный как из ведра дождь, хлынувший с небес, смывал с меня грязь и слёзы. Но это были слёзы удивительной, необычной радости. Полётной!"

Есть и ещё очень важная традиция в семье Медведевых: стремление к знаниям. "Остались заветы Афанасия Фёдоровича Медведева, один из которых абсолютно не нов: учиться до последнего дыхания! Это у нас семейное" ("Учительница").

Сейчас, когда не возбраняется плевать в советское прошлое, а само слово "советский" переделано в "совковый", Светлана Медведева не боится сказать, что её память "красного цвета":

– Я храню комсомольский билет брата. Он уехал в Ленинград. Но каждый год лето проводил в станице, с нами, наставлял меня. Какую выбрать профессию – вопроса не возникало с первого класса. Только учительскую! Любишь литературу и историю – прекрасно, а попробуй поступить на факультет иностранных языков!

Краснодарский педагогический институт имени 15-летия ВЛКСМ послевоенной поры славился сильнейшим преподавательским составом и высоким уровнем подготовки студентов. Из его стен вышли видные кубанские педагоги, поэты, писатели, критики и журналисты: Виталий Бакалдин, Вагаршак Мхитарян, Юрий Селезнёв, Виктор Лихоносков, Вадим Неподоба, Виктор Ламейкин, Светлана Медведева...

В стенах института её учили не только немецкому и другим иностранным языкам, но и любви к родному языку. Мы видим, как под пером поэтессы оживают полузабытые старинные русские слова. Она словно любит их, использует их бережно, осторожно. В небольшом стихотворении, посвящённом деду Фёдору, мы встречаем слова: "светец", "тын", "тюря", "смирненно", "красный угол", "благочестие"... Без них невозможно нарисовать картину жизни дореволюционной крестьянской семьи. Иногда Медведева, шутиливо обыгрывая значение слов, каламбурит:

Мой дед вставал до зореньки.
Работать не ленился,
Махал своим топориком,
Неспешно торопился.
.....
Смотрится с охотой
Топорная работа!

В литературных кругах Кубани Светлану Афанасьевну называют пушкиноведом. Действительно, исследованию жизни и творчества А.С. Пушкина, она посвятила немало своих произведений. Почитайте, например, эссе "Пушкинский дуб", где она рассказывает о путешествии Пушкина в Арзрум: "Новый участок дороги пролегал по обширным кабардинским долинам. По ним спешили к Тереку многочисленные ручьи. На одной из долин прямо у самого тракта стоял величественный дуб. Не заметить его Пушкин не мог. Может быть, тогда появилась у поэта мысль о сказочном коте учёном, "что ходит по цепи кругом"? Кто знает!"

Возможно, это был "не тот дуб". Но, благодаря смелому предположению, мы ясно представляем его. Высокий, раскидистый, сказочно-гаинственный... Настоящий "пушкинский дуб"!

Но Светлана Афанасьевна пишет не только о Пушкине, и не только для того, чтобы сообщить какие-то биографические и исторические факты, хотя это тоже очень интересно. Прежде всего, мы чувствуем её искреннюю, горячую любовь к А.С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, Ф.И. Тютчеву, Н. М. Карамзину, Л.Н. Толстому... и тоже невольно зажигаемся любовью, начинаем смотреть на них глазами писательницы.

Таков, например, её очерк о Николае Михайловиче Карамзине.

"Много лет спустя Пушкин, которого в детстве заставляли при появлении в их доме Карамзина оставлять игрушки и не спускать с гостя глаз, запишет: "Древняя Россия... найдена Карамзиным, как Америка – Коломбом...". Александр Пушкин назвал творчество Николая Карамзина "подвигом честного человека".

Немало было в России историков и до Карамзина, и после. Но именно он написал историю России не только наиболее полно, но и художественно, честно, равнодушно, живым, богатым русским языком. Он заставил тысячи читателей гордиться своей историей, своей Родиной. Недаром в заголовке своего очерка Светлана Медведева поставила слова Фёдора Толстого, сказанные после прочтения Карамзина: "Оказывается, у меня есть Отечество!"

Светлана Афанасьевна Медведева – автор более десятка книг, изданных в Краснодаре и в Москве. Прошедший 2020 год выдался нелёгким и для России, и для всего мира. Наш словарный запас пополнился новыми словами: "коронавирус", "пандемия", "самоизоляция"... Но и в это невесёлое время Светлана Афанасьевна не упала духом, не сложила руки, а упорно работала над двумя новыми книгами. Вот они, передо мной... Одну из них автор назвала: "Вехи памяти". В неё вошли произведения, посвящённые подвигу советского народа, одержавшего Победу в Великой Отечественной войне, и самым памятным вехам в жизни автора, неотделимой от жизни нашей Родины. Многочисленные конкретные даты, факты и события придают книге обаяние документальности.

Еще одна книга, недавно изданная С.А. Медведевой, называется "Словесная мелодия", её главные герои – буквы и слова. Светлана Афанасьевна постаралась создать увлекательную игру, уводящую читателя в необыкновенный мир многозначности русских слов. "Словесная мелодия" звонко прозвучит и для детей, и для взрослых, для всех, кому дорог родной язык, поистине великий и могучий... Обе книги изданы в 2020 году, в Краснодаре, в издательстве "Просвещение-Юг".

Тема патриотизма – одна из важнейших в творчестве писательницы. В служении Родине видит смысл жизни Светлана Афанасьевна Медведева – учитель, писатель, поэт, литературовед. Родина, родная русская речь для неё – неиссякаемый источник радости и вдохновения. Она пишет: "Язык – самая живая связь, соединяющая поколения в одно историческое целое... Колокол совести – русский язык".

Счастлив тот, у кого есть Отечество!

Людмила Хоруженко

Редакция журнала "Краснодар литературный" горячо поздравляет Светлану Афанасьевну Медведеву с юбилеем! Многая Благая Лета!

ТАТЬЯНА НЕМЧИНОВА

Краснодар

Где бы ни появилась Татьяна Павловна Немчинова – в Союзе журналистов, Союзе писателей или в обществе ветеранов "Боевое братство", – везде её встречают с искренней радостью, как самого близкого друга. Ведь она не просто "числится" в этих организациях, а активно и увлечённо в них работает, отдавая любимому делу всю себя, без остатка. Как не удивляться неиссякаемой энергии и неукротимому патриотическому духу хрупкой женщины с утончённой, интеллигентной душой! Обширна область её творческого исследования: Немчинова – писатель, литературный критик, публицист, автор многих литературоведческих книг, которые учёные используют для своих диссертаций. Её статьи печатаются как в России, так и за рубежом. Талант и творческая деятельность Татьяны Немчиновой отмечены многими премиями и наградами.

Накануне юбилея, в суровое время пандемии, Татьяной Павловной была издана светлая, полная оптимистичного взгляда на будущее книга "Кredo писателя и гражданина". Почитайте её – и вам откроется чистый, честный и глубокий духовный мир. Творчество Т.П. Немчиновой глубоко патриотично и позитивно. В своих книгах она ведёт доверительный разговор с читателями, который заставляет задуматься над смыслом жизни, призывает к участию в созидательной работе на благо России.

С юбилеем вас, дорогая Татьяна Павловна! Здоровья, счастья, новых творческих свершений!

ФИЛОСОФИЯ ПРАВСТВЕННОСТИ

*"В человеке должно быть все прекрасно:
и лицо, и одежда, и душа, и мысли".*

А.П. Чехов

Прошрое столетие оставило для всех нас след невиданного взлета цивилизации и вместе с тем стало для нас веком невиданных парадоксов: то есть веком научного прогресса, духовного возрождения и веком нравственного истощения, чёрствости и глухоты, распущенности и вседозволенности; веком невиданных за всю историю человеческих войн, технических катастроф и природных катаклизмов, истребивших и унёсших миллионы человеческих жизней. В наступившем новом тысячелетии, в новых исторических, культурно-цивилизованных обстоятельствах, эпоха информационной революции привела человека к ещё более парадоксальным явлениям: в корне изменив наши функциональные возможности, ускоренный ритм нашей жизни создаёт эмоциональные перегрузки, отрицательно воздействуя на психику, и, в особенности, на формирующуюся психику подрастающего поколения. С одной стороны, следует постоянно, с ускорением работать над своей личностью, чтобы быть глубоко образованным, широко развитым на уровне мировых достижений науки и культуры, обладать высоким профессионализмом в области своей деятельности. С другой стороны, у некоторой части нашей молодёжи заметен явно сниженный познавательный интерес к подлинным ценностям, к духовной пище: к наукам, культуре, искусству, к основам нашей Русской Православной религиозной культуры. Вследствие этого происходит явная нарастающая человеческая деградация: налицо бездуховность, примитивизм рефлексов и инстинктов, процветание низменных пороков – наркомании, ал-

коголизма, проституции, в результате чего – брошенные, осиротелые дети, бродяжничество, преступность и т.д.

Сталкиваясь повседневно со статистикой такого плана, мы особенно отчётливо осознаём, как велика наша нравственная ответственность, понимаем всю глубину и важность современных социальных задач в возрождении духовно-нравственных ценностей, в восстановлении основ русской национальной культуры, истоки которой постоянно духовно питают нас, напоминая об Истине, Красоте и Добре, о смысле жизни и цели её. И, продолжая разговор о качестве нашей жизни, о нравственном фундаменте каждого из нас, уместно процитировать на первый взгляд простую, но очень глубокую философскую мудрость великого русского учёного, педагога, основоположника научной педагогики в России, "учителя русских учителей" К.Д. Ушинского: "Человек не для того живёт, чтобы существовать, но для того существует, чтобы жить!". А это значит – жить достойно, всегда созидая, житьечно! Жить в вечности! Ведь из всего живого мира на Земле лишь один Человек является разумным носителем нравственности, и только на этой нравственной основе происходит на мировом уровне нашей большой Планеты общение всех людей. Понятиями нравственности издавна являются честность, доброжелательность, совесть, стыд, скромность, трудолюбие, мужество, смелость, гуманность, любовь к Отчизне, к людям, к окружающему миру, то есть в самой основе нравственных понятий лежат любовь, доброта, добротолюбие.

Всем известно, как много зла приносят грубость, чёрствость, как разъедают они всё, начиная с семьи, перенося весь негатив в общество, и заканчивая делами государства. Чуткость, уважение, самопожертвование, милосердие, благочестие, благодарность – свойства эти крайне необходимы людям. В старые времена на Руси слова "грех", "стыд", "совесть" не сходили у наших предков с языка. И это имело глубокое значение, оказывало большое влияние на формирование целостной личности человека. В России издавна нравственная красота даже нищего, малограмотного крестьянина пленяла русских классиков. Многие прозаики и поэты ярко отражали эту русскую особенность в своих произведениях. Воспринимая мир в свете Библейской Истины, русские писатели через своё живое, мастерское литературное слово умели вызвать в человеке стремление к нравственному совершенствованию: А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Н.С. Лесков, А.Н. Некрасов, С.А. Есенин и многие другие выдающиеся литераторы, продолжателями которых являлись также и М.А. Шолохов и В.М. Шукшин, преемственность от которых можно увидеть и в произведениях наших известнейших писателей-современников – Е.А. Евтушенко, А.И. Солженицына и многих других. Величайший просветитель Америки XVIII века Бенджамин Франклин сформировал тринадцать принципов "повседневной добродетели": сдержанность, молчаливость, порядок, решительность, деятельность, откровенность, бережливость, умеренность, справедливость, чистоплотность, спокойствие, целомудрие, скромность.

Эти немудрёные нравственные принципы не теряют своей актуальности и в наши дни, в нашей России. Следует отметить, что в России, даже в век атеизма, во времена разрушения Русской Православной культуры, в 20–70-е годы прошлого столетия, во времена отрицания ценнейшего святоотеческого духовного наследия, у многих лучших православных людей нашего Отечества оставалась глубокая вера, потребность в ней и понимание, что в бездуховности, в безнравственности, в безверии – нет смысла жизни, нет продолжения её. Духовность, нравственность, Русская Православная Церковь и православная вера оставались жить в душах многих россиян. Ярким примером и подтверждением вышесказанному служат выделенные в научных трудах известнейшего учёного XX века, академика Д.С. Лихачева "10 нравственных заповедей человечности", выработанных именно в годы ушедшего столетия его мировоззрением, подтверждённых его личным опытом, в основе которых мы с удивлением и радостью видим фундаментально заложенные Заповеди Закона Божьего: " – не убий и не начинай войны; – не помысли народ свой врагом других народов; – не укради и не присваивай труда брата своего; – ищи в науке только истину и не пользуйся ею во зло или ради корысти; – уважай мысли и чувства братьев своих; – чти родителей и прародителей своих и всё сотворимое ими сохраняй и почитай; – чти природу, как мать свою и помощницу; – пусть труд и мысли твои будут трудом и мыслями свободного творца, а не раба; – пусть живёт всё живое, мыслится мыслимое; – пусть свободным будет всё, ибо всё рождается свободным".

А вот как выглядят основные правила Российского Нравственного Кодекса XX века, направленные своей главной целью на воспитание моральных норм у каждого советского человека, на повышение нравственного и культурного уровня каждого гражданина России:

"1. Вежливость. 2. Внимание к человеку. 3. Сочувствие человеку при его неудачах. 4. Бережное отношение к рабочему и свободному времени других людей. 5. Общение на языке, понятном для большинства или для всех присутствующих. 6. Стремление избегать беспричинного смеха в присутствии

человека, который может думать, что вы смеётесь над ним. 7. Сдержанность поведения: не допускать никаких угроз кому бы то ни было, тем более – физических действий. 8. Забота о покое окружающих: не нарушать тишины своими действиями, словами, техническими средствами. 9. Терпимость к иным мнениям и вкусам: не допускать унижения человека. 10. Умение выслушать говорящего, не перебивать его и проявлять интерес к его мнению. 11. Внимание к собеседнику: стремиться больше спрашивать и слушать, чем говорить самому, не навязывать ему тему разговора о себе, как самую интересную. 12. Стремление помочь, не требуя благодарности, какую бы важную услугу вы бы ни оказали. Покажите, что вы сделали это с удовольствием, без расчёта на ответный шаг. 13. Забота о своём внешнем виде: помните, что неряшливость и невнимательность к себе есть форма неуважения и к другим людям, пренебрежение их мнением. 14. Стремление не привлекать к себе внимание экстравагантностью внешнего вида" и т. д.

Итак, основа нравственных понятий – вежливость – являлась осью жизни при любом общественном строе. В нравственно-моральном кодексе всё указывало на значимость этого воспитуемого принципа, подчёркивалось, что именно вежливость и уважение дают возможность человеку не встать на колени; кодекс напоминает о том, что безвкусица всегда кричит, а вкус молчит – и так было во все времена; в нём разъясняется также, что жизнь – это долг, который человек берёт у родителей, а отдаёт своим детям – так было, есть и будет во все времена. Но самое главное, что во всех пунктах моральных норм Нравственного Кодекса придаётся исключительно большое значение совести; её характеристику мы видим в подтексте в каждой строке, т.е. совесть – это изначальная основа мировоззрения культурного, порядочного человека, и это тоже было всегда, т.к. именно совесть и есть двигатель всех созидательных дел на земле, совесть есть двигатель мирового человеческого прогресса. Таким образом, нравственность – это внутренняя потребность человека, воспитанного на определённых правилах морали. Нравственность – это страж внутри нас, главным критерием, компасом и путеводителем которого является наша совесть. Т.е. если мораль – это бдительный, неусыпный сторож снаружи, это долг, ответственность перед другими людьми, то совесть в нашей нравственности играет ключевую роль, действуя как контролирующий орган в ответственности и перед собой, и перед обществом, и перед Родиной. Веками накопленный нравственный опыт человечества – это и есть общечеловеческая ценность, и как важно её не утратить!

Думаю, следует несколько слов сказать ещё и о том, что наука о нравственности человека тесно связана с этикой, то есть с принципами, которыми должны руководствоваться люди в своих поступках. Слово "этика" близко с понятием "этикет". В России впервые этикет был официально введён Петром I. По его распоряжению в 1717 году была издана переводная книга "Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению", собранная от разных авторов. В ней давались советы молодым дворянам, как держать себя в обществе, чтобы иметь успех при дворе и в высшем свете. На мой взгляд, нашему современнику весьма любопытны выдержки из этого источника: "В круг не плевать, в платок громко не сморкаться и не чихать, перстом носа не чистить". "Содержи себя в порядке, обрезай ногти, мой руки, за столом сиди прямо, на стол не упираться, руками по столу не колоброди, ногами не мотай". "Не хватай первый со стола, не ешь как свинья, не дуй в ушное (суп), чтобы везде брызгало, не сопи, когда яси (когда ешь), не проглатывай целые куски, не говори, когда во рту пища, чуб рукой не утирай; перстов не облизывай, костей не грызи, ножом зубов не чисти, около своей тарелки не делай забора из костей, корок хлеба и прочего...". А в более раннем документе, то есть в указе Петра I от 5 апреля 1709 года говорилось: "Указую: впредь перед ассамблеей мыться мылом в бане со тщанием и не токмо за чистотой верхней робы, но и за исподнею также следить усердно...". Целые столетия должны были пройти, прежде чем этика стала частью мировой культуры, частью нашей нравственной основы. В современной психолого-педагогической литературе акцентируется внимание на необходимости разъяснения нравственных принципов в наше столь непростое время.

Важнейшая на сегодняшний день, актуальнейшая задача – спасение нравственности у поколения нашей молодежи, у наших детей – это развитие и культивирование у них совестливой добродетели, и в целом – духовно-патриотическое воспитание подрастающего поколения – наш священный гражданский и писательский долг служения родному Отечеству. Усиление связи российских образовательных учреждений с Православной Церковью, российских современных учёных, педагогов с современными Православными учеными-богословами, в совместном тесном единении поможет урегулировать, уравновесить нравственный баланс каждого человека и всего общества, и, таким образом, мы сможем в большинстве своём возродить утраченную исконную Духовность и Величие Нравственной России.

ВЛАДИМИР КИРПИЛЬЦОВ

Краснодар

Есть писатели, жизнь которых сама по себе подобна увлекательному приключенческому роману. Если бы Владимир Владимирович Полев, бывший сотрудник КГБ СССР и ФСБ России, просто записывал интересные факты и происшествия из своей героической службы, то и тогда от читателей не было бы отбоя. Но дело в том, что, кроме аналитического ума и отважного сердца, природа наделила его недюжинным литературным талантом... Так разведчик Полев превратился в писателя Кирпильцова.

"Реликвия", "Мытари и всадники", "Расторопша", "Куда ушли меоты"... Романы и повести Кирпильцова издаются в Москве и Краснодаре. В них, словно в стеклянной призме, писатель причудливо преломляет прошлое и настоящее. Вместе с героями Кирпильцова мы разгадываем древние тайны предков, сражаемся не только за "золото сармат", но и за свои убеждения.

Увлечение историей со временем превратилось для писателя в дело жизни. Его произведения о древней Кубани поражают научной достоверностью, знанием предмета своего творческого исследования. Будем откровенны... Молодых людей не заставишь читать даже очень умные книги, если они написаны скучно и вяло. А Кирпильцов пишет ярко, захватываяюще, с неподражаемым чувством юмора, и в то же время серьёзно и глубоко. Его герои являют собой пример великого подвижничества, преданности долгу и Родине.

"Краснодар литературный" горячо поздравляет Владимира Владимировича с его славным юбилеем! Здоровья, счастья, радостного творчества!

КАЗАЧИЙ ФЛОТ ИЛИ ВСАДНИКИ УДАЧИ, ОСЕДЛАВШИЕ МОРСКОЙ ПРИБОЙ

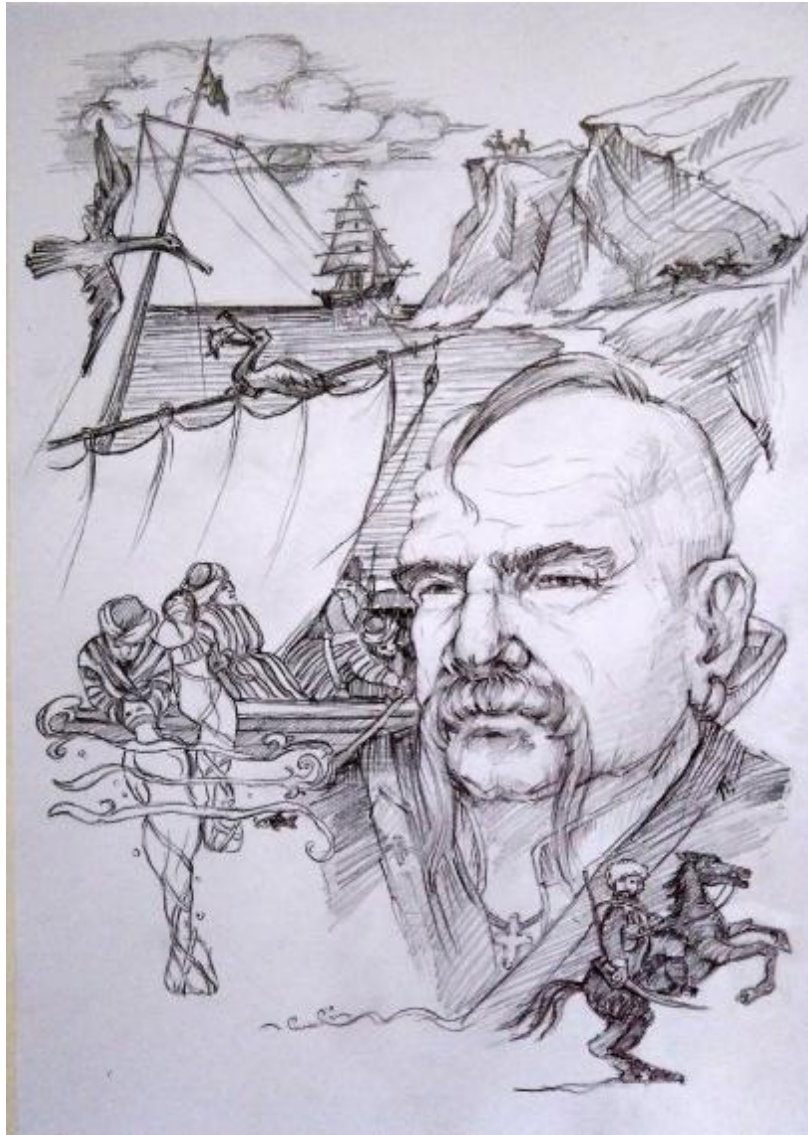
Рассказ

Поручик Траубэ на этой войне на Кавказе был замечен и приближён седым казачьим генералом. Фамилия этого молодого офицера генерала не смущала – мало ли таких среди русских в столичном дворянстве то ли графской, то ли ещё какой-то старинной фамилии служак при троне. Зато дерзкий на вылазки в горные селения разведчик, и удивительным образом умеет строить там уважительные взаимовыгодные отношения даже с враждебными к русским горскими князьями. Да!.. Зачастую его идеи и предложения казались сумасбродными для командования, но не для генерала. Он-то знал, поручик зря предлагать рискованные действия не будет. В них всегда кроется что-то важное, но часто ускользающее от внимания старых и опытных вояк.

Вот и сегодня в документах на доклад, которые принёс войсковой писарь, старый опытный лис, не обошлось без идеи Траубэ о создании на черноморском побережье, в основном контролируемом горцами, казачьего мелководного флота. Ну да, ходят там у побережья казачки на допотопных вёсельных судёнышках. Ну, налетят дерзко на турецкие фелюги контрабандистов оружием... Но какой из казачьей вольницы флот?!..

– Пусть море стережёт адмирал Лазарев! – стукнул кулаком по столу генерал.

– Так Траубэ каже, шо Лазарев прибрежное мелководье у лесистых берегов причерноморья нэ достае. А там стока ховається!... Стока дивчин-молодок ворованных на порох и ружья меняют! – робко возразил писарь.

– Да-а... Тут поручик прав. Хм... Казачий флот! А звучит! Ай да Траубэ! Как ты думаешь, казаки оседлают морскую волну?

– И то... – подхватил писарь, не решаясь, однако, на окончательную поддержку: "Генералы, воны, ото, як погода весною – не верь шо солнце теплом засветилось, а то тут же сдует..., и с должности – тоже".

Писарь лихорадочно искал дипломатичный ответ. И нашёлся: "Ну, шо ж – оно може и нэ поможе, но и нэ помиша!.."

Теперь задумался генерал: "Ну, где ж, к примеру, взять среди казаков опытного морского капитана, который научит казаков манёврам на море, чтоб опытных заграничных шкиперов укоротить..., к тому ж – умением палить с волны всего лишь с одной или двух мелких пушчонок, что на казачьих "чайках"?"

– Так от Траубэ есть рекомендация одного из морских офицеров. Та я и сам с ним разговор имел – молодой, не из графьёв – наш человек. Вот, извольте ознакомиться с моей докладной, – войсковой писарь умел предвидеть вопросы генерала и представил "сурьезную бумагу":

"Ходатайствую о принятии бывшего мичмана Зряховцова в казаки. Морское дело знает, к тому ж – дюже грамотный и упражняется в сочинении книг, а люди скорого на полезное дело ума нам нужны. На том прилагаю его произведение про большу рокову любов о четырёх частях под названием "Амалия или хижина среди гор" – слабое, надо сказать, произведение, но написано длинно, и главное – без заметных ошибок. Войсковой писарь Солодкий".

– Ладно, ступай, Солодкий. А Траубэ пусть подождёт... Позову.

Генерал, задумался – что-то в этом есть и, машинально взяв первую попавшуюся ему страницу рукописи про Амалию, стал читать:

"Роман о четырёх томах (покаместь написан Зряховцевым только один) о любовных страданиях прекрасной Амалии в одинокой сакле, недалеко знаменательного и таинственного замка царицы Тамары (что была повелительницей в Грузии)"... "Глава первая" – рассеянно, для любопытства прочёл старый вояка, – "Амалия страдала на закате о любимом и, ломая руки, восклицала, содрогая стены одинокой сакли: "Он где-то там за горными хребтами корабль взнуздан уж парусами... Увы, не я его целую. Лишь волн прибой лизает его юношескую статью..."

Вот тут казачий генерал уже не выдержал:

– Какую статью лизает? Кто разрешил?.. Кто принёс мне это дерьмо на доклад?! Я спрашиваю – кто? – взорвался генерал, бросая кипу исписанных страниц в сторону прибежавшего на ор адъютанта.

– Иде дерьмо?! – адъютант из казаков зашустрил по углам кабинета и стал интенсивно втягивать воздух ноздрями в поисках типичных признаков этого неприличного ингредиента и не находил. Но, увидев разбросанные листы, просиял: – Так то ж, Ваше Превосходительство, ходатайство о принятии в казаки – как это?.. А-а!.. – мич... и мана... С приложением сочинённого им самолично большого романа... А шо так воняе?!

– Вон! Чтобы его и духа в войске не было!

Адъютант ещё раз принюхался: – Так нету ж того духа.

– Какого такого духа?! – генерал выпрямился, передвигаясь на прямых ногах к адъютанту.

Тот знал – это плохой признак, совсем плохой для целостности собственной личности: – Так духа того... дерьмеца, шо Ваше Превосходительство изыскали в той напысанной цидули...

– Да тут всё в дерьме! Вон! – вдогонку адъютанту полетела рукопись.

– А Траубэ – ко мне!

Поручик вошёл и тут же понял – писательская грамотность кандидатуры не прошла. Потому решил опередить генеральское "Вы что там – совсем?!.. Какой казачий флот?!"

– Осмелюсь доложить, Ваше Превосходительство. В том-то и дело, что наш флот в море, а все дела по поставке оружия непримиримым горским князьям поступают на судах не только турецких, но и нанятых контрабандистами из Европы. Даже из Англии. А они умеют прятаться в прибрежной полосе.

– Да бросьте вы! Шо – даже из самой Англии? Да чем им, тем князьям горцев, расплачиваться за такие услуги?

– Ясырями... и... особенно – украденными красавицами для гаремов, а иногда и проданными за долги князьям горянками. Товар на восточных рынках ныне прибыльный. Вы же знаете о похищении княжны Анны Николавны. Мои источники говорят, она уже в продаже, а значит – будут вывозить её не местные, а именно заграничные контрабандисты.

– А что, наши адмиралы под всеми парусами не могут их перехватить и освободить невольниц?

– По докладам адмирала Лазарева – перехватывают, иногда – с оружием, но никогда – с полонянками на обратном курсе... Что-то мы не успеваем опережать. И это "что-то" – у лесистых берегов Чёрного моря, куда эскадры мощных красавцев парусников, увы, не достают, а казачьи "чайки" – в самый раз.

– Так говоришь, и княжну там можно сыскать?

– Нужно, Ваше Превосходительство. – Траубэ, кажется, поймал инициативу за хвост.

– Да-а! Анну Николавну надо выручать. Хоть из Санкт-Петербурга самого, на Кавказ наш не умытый не побрезговала... – к мужу, из молодых офицеров, которых сослали...

– Ну, вы же знаете, за что сослали...

– Знаю!.. Но ведь воюют на нашем Богом забытом Кавказе! Воюют, живота не жалея!.. Ладно... Готовь операцию с этим твоим..., которого прибой лизает...

– Зряховцевым. Он молод, но в своём деле действительно "зрит в корень", ещё не оброс плесенью штабных отношений. Знающий хорошо морское дело и смелый офицер. Сам готов ради дела войти в казачество. А дел там много, чтобы и казачью доблесть сохранить и воинскую морскую дисциплину заставить уважать. Всё придётся строить прямо с ходу. Разрешите выехать на место для подготовки казачьей флотской операции по перехвату контрабандистов оружия и невольниц. Полагаю

взять с собой и некоторых горских воинов. Они знают все прибрежные скрытные места, где могут прятаться контрабандисты. Тем паче, что у них тоже крадут женщин для продажи...

– Горцы и казаки в одной лодке? Да, ты, братец... Хотя, когда речь идёт о чести женщин... Лучше горцев, пожалуй, не найти. Готовь экспедицию – я еду с тобой. Лично проверю... эту казачью флотилию.

– Боюсь, вам может не понравиться... Казачья вольница..., она... – Траубэ не находил подходящих слов. – В общем, не обессудьте, если что... Зряховцев всё поправит. Нужно время. Я в него верю...

– И в Амалию – тоже? – крикнул генерал и махнул рукой. – Иди уже, защитник... романов для чувственных столичных девиц. Роскошные Амалии с будуарами, господин поручик, в нынешних саклях не водятся. Здесь неумытая война, голубчик.

Казачьи "чайки" на песочном узком берегу у подножья крутых скалистых обрывов, оправленных сверху зелёным облаком леса, не портили картины. Они стояли аккуратно, в косой рядок – сразу видно, морской порядок уже завоёван молодым мичманом. Траубэ обнял уже знакомого ему по Кавказу Зряховцова:

– Да-а! Уж снова встретиться нам судьба – капризная, надо сказать, дама... Вроде вашей Амалии? Но иногда одаривает радостью встречи с другом и единомышленником на этом тревожном Кавказе!

– Вот-вот, вы, Андрей Иванович, всегда так трогательно понимаете мою литературную аллегорию... – расчувствовался бывший мичман – теперь приказом генерала есаул-капитан, и вдруг без перехода рывкнул в сторону копошившихся с чем-то за бортом судна:

– Нижний чин Скоробогатько, не трогать канонира Дрызину!

Траубэ вздрогнул, но Зряховцов продолжил, как ни в чём ни бывало:

– Так вот она какая, эта коварная судьба. Надо же – украденные для перепродажи на восточных базарах женщины посадили в одну лодку старых соперников по ратному делу – горского известного воина Зарамука и казаков, Мытэрю да Семирко. А кто ещё, как не они, будут жить душа в душу, дабы во что бы то ни стало найти и выручить их. И те, и другие равно страждут найти полонянок. А ведь сказывают, Мытэря и Зарамук уже схватывались в прилюдном поединке, да никто так и не победил?

– Так и есть, – кивнул Траубэ, – но общая беда объединяет. Без твоего прибрежного флота торговцев живым товаром не перехватить. Они где-то здесь прячут свои суда. Приходят за заказом от самого Мехмет-паши... А это женщины-красавицы, кого – в гаремы, кого – на продажу. Пиратов и перевозчиков живого товара надо найти и примерно наказать. – Траубэ за разговором краем глаза наблюдал прелюбопытнейшую картину, которую явно прятали от генерала, осматривающего территорию временного базирования казачьей флотилии.

Один из казаков-моряков, Иеронима – то ли по прозвищу, то ли по имени – кто теперь вспомнит? – внимательно следил за действиями генерала, чтобы тот не заметил "шо, ото, мы ховаим за бортом":

– Хлопцы, дывысь – генерал, а даже бздюльню осмотреть не брезгует! Такочки, шо волоком, волоком ховайте, ото по-быстрому того фальконетчика Дрызину, а то долго в той бздюльне панэ-атаманэ вряд ли выдэржит!

Иеронима, одетый почему-то в монашескую рясу, с большим крестом на груди, но с пистолетом за поясом, махнул рукой. И казаки зашевелились, силясь с помощью молодого богатыря с многообещающей фамилией Скоробогатько, о мощи которого ходили легенды среди казаков, совершить богоугодное дело. А именно – незаметно поднять пьяного товарища, видимо того самого фальконетчика Дрызину – меткого пушкаря, дабы уберечь его от глаз и гнева приезжего начальства и таким образом спасти его душу и весьма, надо сказать, брненное тело.

Но честный до самоубийства Зряховцов как видно ничего не собирался скрывать:

– Нижний чин Скоробогатько, я сказал не трогать канонира Дрызину! – продолжил есаул. И уже к дьяку обратился поспокойнее: – Батюшка Иерониме, и вы, право, тоже... У него ж глаза не открываются. – Заметив недоумение Траубэ, пояснил:

– Устроили, понимаешь, себе... ни много, ни мало – праздник святой Пасхи. Какой-то дряни от торговца Акипки Авганова надрались. Теперь из Дрызины какой стрелок... А без хорошего наводчика на такой волне фальконет на дубль-шлюпе бесполезен. Это, брат, особый талант – с волны-то попасть с такой пушчонки. Таких пушкарей, раз-два – и обчёлся. Без него нечего в море делать. Хорошо, ад-

мирал Лазарев и его корвет "Крым" контрабандистов перехватил уже в открытом море. А то и ушли бы. Но странно – среди невольниц только черкешенки. А русские в заказе Мехмет-паши тоже были. Куда они подевались?

– Зряховцев, мне ли тебе объяснять? – Траубэ махнул рукой – Значит, есть и другие суда, которые прячутся где-то здесь, у берегов, а не в открытом море. Надо, чтобы твои морские казаки их нашли.

– Корабли-невидимки? – засомневался Зряховцев.

– Это мы с тобой невидимки. А должны видеть. Они где-то здесь, у берегов.

Дрызина неожиданно пробудился:

– Та я с закрытыми очамы, та с моей деточкой-фальконеточкой – мы ж в обнимку в кого хошь попадём, господын мич...ман..., то бишь, есаул-капитан... Ну шо, вы мэнэ нэ знамо, чи шо?.. – и тут же упал.

Скоробогатько, наклоняясь над Дрызиной, тихо и глубокомысленно спросил напарника:

– Кажитэ, дьяк Иеронима, и шо ж вин так воняе, о ця Дрызина – бисова душа?! Как вы розумиеты? Ну, нэ можэ того буваты, шоб вин насрав и сам в своё гимно впав.

Иеронима подтвердил:

– Нэ можэ, сыне мий, нэ можэ!.. Но бис попутав з виноградной водкою. А бис, то Акипка Авганов, цю пакость учинил – надо ж, в динь святой Паски такэ смердяче сторгуваты козакам! Не здря, ох не здря Христосе таких, як вин, торговцив из храма поправ.

Траубэ переспросил Зряховцова:

– Раз два – и обчёлся... Стало быть, есть ещё один талант из фальконетчиков?

– А второго, Петра Скрыпника, как раз завтра выменивать у черкесов будем. Спасибо, что казака Мытэрю привезли. Он на это дело мастак. Только с ним горцы договариваться будут. Вот Скрыпадурашка перед пасхой пошёл сам, без Мытэри, договариваться с Асхат-беем, чтобы своего сынишку выкупить – того увели ещё два месяца назад. Пять годков мальцу. Теперь его и самого выменивать придётся на абадзинок, которых пираты украли, а мы их прямо при выходе в море перехватили.

Траубэ снял фуражку, задрал голову и осматривая живописную линию скал извилистого, уходящего вдаль побережья, поросшего на вершинах густым, пушистым лесом, нависшим над скрытыми за частыми поворотами скал лагунами, незаметными малыми заливами и горными речками.

– Да-а, тут есть где спрятаться – работа твоим морякам-казакам будет не простая. К берегу придётся прижиматься. А оттуда, сам знаешь, стреляют.

– Ничего, мы уже приспособились, – заверил Зряховцов.

– Пойдём-ка, новоиспечённый есаул-капитан, глянем на твой малый флот. Там уже генерал-атаман личный досмотр ведёт. А он строг.

На берегу казаки суетились вокруг большого многовёсельного шлюпа с парусом и маленькой пушчонкой на носу. "Чайка" по борту была обнесена толстым камышовым плетнём.

Генерал в изумлении обратился к уважительно застывшей махине – казаку Скоробогатько, который, судя по всему, с генералом разговаривал впервые в жизни:

– Да у вас тут целый хутор под камышовой крышей. Только кринки на плетне не хватает.

Скоробогатько, потерявший дар речи, молча и чистосердечно повинился, скоренько достал кринку, дабы водрузить её немедленно на камышовый плетень, чем ещё более усугубил проблему.

Дьяк Иеронима опять пустился на вырубку:

– Ваше преподо..., прошу прощения, Ваше Превосходительство, кринка – большой вопрос грешного жития сего отрока... Любовь к смытани довыла ёго до постыдно блудного гриха...

Зряховцев побледнел, видимо что-то зная нехорошее о блудном грехе – явно не для ушей генерала.

Но тот уже держал инициативу проверки в своих руках, перебивая объяснение:

– Есаул, это что за посудина, почему судно снаряжено не по табелю положенности?

Зряховцов чётко отрапортовал:

– Сие есть дубель-шлюпка, по типу судна, скорее скампавея, то есть облегчённая галера с парусом на осьмнадцать..., то бишь, девять, а то и двенадцать пар вёсел. А что камышовый пояс, так то фальшборт по-морскому, чтоб от волны защитить. Только по-казачьи сделано, по подобию её прародительницы – запорожской "чайки". Да и от пуль такой фальшборт лучше. Сами сказывали, близко к берегу придётся ходить...

Генерал не удержался и, чуть отойдя в сторону, стрельнул из пистолета в плотно сплетённый камышовый плетень. Скоробогатко подобрал пулю со дна лодки:

– Ось малэнько в камышах запутлялося...

Траубэ засмеялся:

– Тут на Кавказе всё не по табелю положенности...

Генералу понравилось умение молодого Зряховцова говорить со "слабо подчинёнными" всяким уставам казаками – жёстко, а если и матернуться, то спокойно и изыскано "на вы". В бою это помогало:

"Эй! Не прячьте свою храбрость, моряк, как его католическое преподобие прячет под рясой свой блудный грех с ослицей!" – говоря так или примерно так – "пристыжней" некуда – мичман-капитан поднимал под пули, и моряк поднимался над фальшбортом и стрелял, не желая быть заподозренным в похожести на неправославного пастыря и в слабости... к ослице.

"Эй, Вы, грёбно-гребной крон-принц датский на вёслах, не соизволите ли поспешить на... ванты?" И гребной казачок, сроду не слышавший про ванты, но не сомневающийся в их весьма ругательном смысле, резво кидал весло и включал немислимую шустрость – быстро забросить абордажный крюк, чтобы по-обезьяньи скоренько вскарабкаться туда куда надо, пока его не успели послать в «"яко другэ нихорошэ мисто"». Откуда казаку с большой плавающей бадьи знать, что ванты – это всего-навсего крепления мачт к борту. "Ничего и это придёт со временем" – успокаивал себя и есаул, и капитан, и бывший мичман – всё в одной тарелке. Остренький, однако, супчик!

Казак Семирко прибыл с Траубэ, чтобы переговорить с отбитой у пиратов казаками Звягинцева Фатимой, заговорив с ней по-черкесски. Девушка, которую хотели зачем-то связать, выпрыгнула с борта в море. Увидев "чайки" казаков, похитители-работорговцы решили быстро под всеми парусами ретироваться. Чем больше казак Семирко, опытный охотник "за вражьими головами", беседовал с деушкой, тем более озабоченным становилось его лицо:

– Зряховцов, а ты в тот раз ничо такого необычного у Мехметки не увидел? Может, он к другим судам подходил?

– Не было такого. Разве что... Когда фрегат Лазарева на горизонте нарисовался, их шхуна за мысом, ну, где каменные отмели, вместо того, чтобы прибавить в скорости, чего-то заелозила. Мы его чуть не догнали. Да толку – стрелять-то некому. Всё из-за Дрызины, ну, который в дрызину...

Казак Мытэря, знающий повадки контрабандистов, занимающихся нелегальной переборской невольниц побледнел:

– На каменной отмели? За мыском? Давай-ка, Зряховцов, туда, да побыстрее. Знают, сволота, туда лазаревские корветы не пройдут. Чего-то они там задумали, а, Семирко?

Не доходя до отмели, Семирко спросил:

– Точно здесь шхуна заелозила?

Иеронима утвердительно закивал:

– Туточки, туточки. Мехметка шось такочки пэрэлякався, трохы було на ти камэнюки нэ напороя.

Мытэря и Семирко молча разделись и нырнули, быстро уходя в сторону и в глубину, пока не исчезли из виду. Они долго не появлялись.

Иеронима успокаивал:

– Пластуны, воны такы... В ричке могут бэз мэры под водой ховаця. Шо им ричька – по колино! А окиян – разве шо по...

Мытэря вынырнул под одобрительный хохот – надо ж столько под водой "нэ дыхал"! Но его бледное лицо... Ему не хватало не только воздуха, а ещё какого-то понимания чего-то непоправимого. От того веселье прекратилось мгновенно.

Голова Семирко тоже показалась на тихой гладью..., какой-то очень тихой, как на похоронах... гладью моря. Он глубоко вдохнул, сосредоточенно, жестом, позвал за собой Зряховцова и опять нырнул.

Они быстро достигли каменного дна. Глубина не ахти какая, но солнце уже не играло бликами, а лишь освещало ровным светом изумрудно-голубую дымку почти у дна на мелководье. Не защищённые стёклами глаза видели лишь причудливо расплывающиеся контуры камней, извивающихся водорослей и вибрирующих в движении блёсток. Всё конкретное, очерченное неумолимой реальностью

осталось наверху. Здесь гулял праздник цвета, необычайно глубокого для землян в своих неожиданных фантастических переживаниях. Колдовская фантазмагория здешнего моря уже не впервой манила и затягивала Зряховцова похлеще его романтических видений прекрасной Амалии.

Боже мой! Вон, среди этих водорослевых волн колышутся, расплываясь, столбики. Не чудо ли! Один, два, три... Да их здесь до десятка будет. И Семирко ведёт именно к ним.

Зряховцов поднажал, почти натолкнувшись на первый из них, покрытый сверху длинными колышущимися водорослями. От волнения, взбаламученного его рукой водоворота, желтоватожемчужные водоросли раздвинулись...

Два остекленевших ужасом человеческих глаза в упор глянули на есаула. У второго столбика он сам отодвинул... волосы, прекрасные русые волосы. Глаза утопленницы обдали его ледяным холодом белых как снег белков без зрачков. Как видно, они закатились в нечеловеческих муках.

Ещё одна – только колени нелепо поджаты и правая рука вверх к голове скрючилась, заостряясь перстом! Боже, да она пыталась молиться!

Нет, здесь не было чудес. Здесь было неумолимое убийство.

Вот они, русские невольницы! Каждая со своим камнем в ногах. Их красота уже не жива, но всё ещё волнуются, раздавая последнее, что не отняли – жемчужное очарование длинных колышущихся волос. Куда там сказочным русалкам! Фигуры в длинных рубахах, прилипающих по течению к прекрасным телам. Каждая со своим крестиком. У некоторых – в зажатом кулачке. Видно, обороняли своё. Что ни говори – наследственный крестик, матушка не велели отдавать ни при каких обстоятельствах.

"Матушка теперь не заругают", – подумал Зряховцов совсем по-домашнему, как бывало в средне-русском крошечном имении отца, и вынырнул.

Дрызина сжался от молчаливо надвигающейся ненависти есаула.

– Водочку, говоришь, попил с Акипкой? А теперь посмотрите, чего стоила ваша водочка, меткий стрелок Вильгельм ядрёной матушки Телль, ё...? – он выбросил хлипкого статью фальконетчика в воду. Тот нырнул и вскоре с ужасом возвратился. Но не тут-то было – Зряховцов всё хватал его за волосы и окунал, окунал:

– Не-ет, вы ещё не всё увидели, король блудо-пьяно-мстителей! В глаза им смотреть, в глаза! Чтоб на всю жизнь запомнил!

Казаки едва оторвали от Зряховцова несчастного, уже почти задохнувшегося и беспрестанно блюющего от ужаса увиденного...

Далеко от берега, на краю огромного моря стояли в лодке в скорбном виноватом молчании казаки-моряки. Дьяк Иеронима читал заупокойную над крестом на воде, сделанным из сломанного весла. И кажется, прямо под ними всё волновались и волновались длинные волосы русских и других красавиц, протестуя против своего небытия в такой сказочно прекрасной лазури... В стороне на дне лодки корчился в мелкой трясушке Дрызина.

Теперь Зряховцов точно знал, куда девал Мехметка-вор русских невольниц, когда видел на горизонте паруса эскадры Лазарева. И, как нужно полагать, делал то уже не в первый и не в последний раз...

О том, что среди утопленниц княжны Анны Николаовны не было, Траубэ и есаул доложили рапортом по команде, как и полагается... Значит, поиски продолжаются.

Разговор на берегу был жёстким. Генерал коротко подытожил:

– Готовим войсковую операцию по аулам Азапша. Это ведь его территория выходит на эти берега. Это нельзя оставить безнаказанным. А море закроет адмирал Лазарев.

Мытэря взмолился:

– Не надо Лазарева. Его мачты далеко в море видно. Если княжна у капитана Мехмет-паши, её утопят – это точно. Пусть Зряховцов в море затаится.

Генерал вспылел:

– Что вы там такое напридумывали вместе с Траубэ? Как можно в море затаиться и что сделают "чайки" с одной фальконеткой на носу?!

– В открытом море нельзя, а на скрытых выходах с "товаром" в лагунах меж скал – в самый раз, – спокойно возразил Траубэ. – Разрешите мне пойти со Зряховцевым?

– Не разрешаю. Понимаю, твоё стремление найти и спасти похищенную княжну Анну. Но для этого ты поедешь в аулы и либо договоришься с Азапшем, чтобы взял под контроль все невольничьи тропы, либо я провожу там войсковую операцию. Думаю, он поймёт, чёрт побери! Ведь и черкесок воруют или просто перепродают... Некоторые из них... уже на дне. Зряховцев! Тебе отработать все закоулки побережья. Ведь где-то они спрячутся перед загрузкой пленниц!.. Особенно у отмелей, недоступных Лазареву. Считайте, что казачий флот уже есть и с него свой, казачий спрос. С адмиралом договарюсь. Если работорговцы будут уходить в открытое море, ваш казачий флот – последняя прослойка между Лазаревым и... мучительной смертью невольниц. Помните это и никому не прощайте!

И добавил для полного взаимопонимания уже на балачке:

– Хлопцы! Тут надобно тыхэнько-тыхэнько, шоб ни одно весло не хлопнуло..., ни одна уключина нэ скрипнула! Або..., сами побачылы, шо воны зроблють... Ироды! – и спросил, уже обращаясь к авторитетному черкесскому воину:

– Ну что, ты с нами, Зарамук?

– Я отомщу... Они не уйдут от меня! – глаза черкеса словно застыли на какой-то точке готовности немедленного действия, очищающего душу мщением... и только мщением за утопленниц. – Возьми меня, Зряховцев, в свою лодку. Мы обшарим эти берега и найдём их. Они от нас не скроются. И тогда... – Зарамук замолчал.

– Кажись, опять в одной лодке с черкесами... Кому расскажу – на хуторе не поверят... – вздохнул Мытэря.

Прежде, чем уйти на канонерке вместе с генералом, Траубэ отвёл Зряховцова в сторону:

– Прости, есаул.

– За что же, Андрей Иваныч?

– Ты знаешь, как я с молодости не люблю политес. А вот, поди ж ты, он съел меня без остатка. Теперь надо срочно в аулы. Я не могу бросить всё ради... по сути главного в моей жизни – пойти с тобой и спасти княжну Анну Николавну. А ты, голубчик, можешь... Потому что, несмотря на все эти кровавые ожесточения, так и остался жить в плену своей прекрасной и несбыточной Амалии. Ты меня поймёшь. Ты сможешь... Спаси Анну, Христом Богом молю, спаси!

Зряховцев уже обследовал своими "чайками" несколько морских лагун, глубоко уходящих в прибрежные скалы, но никаких следов возможной скрытной швартовки судов не было и в помине. Дни тянулись тяготиной безрезультатной разведки побережья. Но, наконец, казачью флотилию догнало утлое судёнышко с весточкой от Траубэ. Как видно, он нашёл общий интерес с уважаемым в черкесской среде Азапшем, потому что письмо привёз один из его сыновей. Молодой Азапш сам напросился в команду Зряховцева, ибо среди похищенных оказалась и девушка, видно глубоко затронувшая сердце молодого черкесского наследника. Из письма следовало, что в прибрежные воды прибыло судно английского шкипера Брейка, работающего на торговца "живым товаром" Мехмет-пашу.

Для команды пока только одного из казачьих судов началась настоящая работа. Больше нельзя – можно спугнуть. Зряховцев возглавил команду с авторитетным Иеронимой и фальконетчиком Дрызиной. Нужен только сигнал от разведчиков, чтобы перехватить Брейка с товаром. Шхуну шкипера заметили у нескольких заливов, пригодных для швартовки. Он кого-то ждал. И казаки немедля высадили на берег в этом районе своих соглядатаев. То были... Ну, конечно же, Скоробогатько с присоединившимся к нему молодым Азапшем. Они облюбовали самую высокую точку среди прибрежных гор, откуда видны были по крайней мере три лагуны, пригодные для перегрузки "живого товара" на борт шкипера Брейка. Хитрый лис сам никогда не подходил к берегам. Ждал судов с берега и после перегрузки сразу уходил.

Скоробогатько и молодой Азапш осторожно пробирались по ночному лесу, стараясь не упустить из виду единственный доступный ориентир – серебриющийся под луной плёс бухты. Только по неясному шуму слева у берега и запаху дымка искусно припрятанного костра они поняли – цель их близка.

Осторожно взобравшись на внушительный обломок скалы, они вскоре увидели то, что могло выдать прячущихся контрабандистов даже в темноте. Яркая луна, отражаясь на гладкой заводи запруженной реки, выходящей в залив у берега моря, заколебалась под каким-то непонятным воздействием из глубины. Одновременно – люди! Они появились на берегу неожиданно, как из-под земли. Их было много. Каждый знал, что делать – у запруды закипела работа. И... из-под воды, сбросив груз, вырва-

лась наружу... похоже, галера, замерцав лунными бликами стекающих по бортам струй. Очень скоро речная вода потеряла свою гладкость и водоворотом ринулась вниз, к морю. Волна с шумом ушла из реки вместе с судном и умело правящим рулевым на корме, сталкиваясь с его бортами и радостно облизывая их, словно щенок, вернувшийся к матери-морю.

– Вот сучата! – выдохнул Скоробогатько не то о волнах, не то о шустрых моряках, споро заделывающих дыры, откачивая остатки воды и крепя мачты.

К тому моменту, когда уровень воды в реке и море выровнялись, судно контрабандистов уже качивало двумя мачтами, готовое к выходу на прибрежный простор. И из леса потянулась шустро, будто ниточка муравьёв. То гнали невольников на галеру.

Разведчики немедля запалили сигнальный костёр. И тут же поняли: они в западне – снизу наседали "чёрные башлыки", так называли тех, кто проводил невольниц по тайным тропам. Они были беспощадны даже к детям, случайно их заметившим.

Скоробогатько рванул в сторону от уже взявших его на прицел, запрыгнув с камня навстречу трём "башлыкам" – те после залпа перезаряжали ружья. Один успел прицелиться в него, но сверху раздался выстрел Азапша, и тот упал. Двоих оставшихся богатырь смял в тряпочку, оторвав у одного ружьё вместе с рукой, болтавшейся теперь у плеча на каких-то кровавых ошмётках. А затем скинул их сверху на наседавших на сигнальный костёр у вершины скалы. Там отстреливался от чёрных башлыков молодой Азапш, повторяя упорно: "Я не уйду, Ханифа! Пусть горит этот костёр ярче. Его не долог век, как и наша... любовь... Я не уйду! Я спасу тебя! Только пусть увидит огонь Зарамук..."

Он упал раненый, понимая – ружьё уж не зарядить. Уже обнажён кинжал одного из этих ненавидимых "чёрных башлыков". Его приподняли, рывком обнажая шею. Сейчас перережут горло, чтобы доставить себе удовольствие понаблюдать за конвульсиями этого мальчишки, положившего троих из них.

Он всё понимал, прямо глядя в глаза убийце: "Я не уйду!"

– Я тебе помогу, шакал... – отвечали ненавистью глаза убийцы и тут же потухли от удара могучего кулака подоспевшего сзади Скоробогатько, ворвавшегося на поляну, разряжая по пути во врагов два пистолета.

Трое оставшихся набросились на казака, коля его кинжалами. Но и это не спасло их от ярости гиганта. Он бил и давил их о камни и стволы деревьев, пока не разможил, не размазал поодиночке всех, кроме одного, сбежавшего. Значит, скоро будет погоня. Надо уходить – сигнальный костёр уже сделал своё дело.

Скоробогатько, сам раненый, схватил подстреленного молодого черкесского князя, уходя по лесным перепадкам в сторону известного сыну Азапша забытого аула. В предрассветном тумане они, израненные, оказались зажатыми погоней на краю скалы. Внизу – обрыв и горная река с озерцом. Отступать уже некуда.

Скоробогатько отдышался и, кисло улыбнувшись молодому Азапшу, сказал, как бы извиняясь: "Нэ хочу, шоб мою голову отрезали – та и на шест для потехи. З тобою такого нэ зроблють. Ты здеся свий. Прощевай пока, а я, пожалуй, пиду, – он встал и медленно пошёл к краю пропасти.

Молодой Азапш уже не мог встать, но, царапаясь, пополз за ним, чего-то упрямо выговаривая казаку. Скоробогатько понял только одно слово – "кунак"... И просветлел, возвращаясь.

Как ни строен был молодой черкес, а поднять его ослабшими руками стоило Скоробогатько последних сил – всех, без остатка. Разве что – на несколько слов..., радостных слов: – Ага, кунак, кунак. – И уже на краю, вопросительно – глаза в глаза: – Ну, шо, кунак?

Молодой черкес благодарно кивнул и улыбнулся: "Нэ лызэ, дурья бажжька?.. Я понял про твою кринку со сметаной..."

– И шо в неё нэ лэзэ?!..

Они хохотали на краю, преодолевая боль, а потом шагнули вниз, обхватив друг друга в молодецком борцовском озорстве.

Внизу у речки мальчишка-пастушок видел, как прыгнули в пропасть со скалы два человека. Они держались за руки и смеялись, будто вовсе не падали, а куда-то летели. У подножья скалы река на крыла обессилевших воинов торжеством фонтанирующих победой брызг над всем, что так их разъединило... Потом стало тихо... в честь братской воинской победы ради свободы любимых женщин.

Победы таких разных по древним обычаям предков этих молодых мужчин, но похожих по воинской стати и чести воинов...

Зряховцов давно наблюдал за передвижениями в бухте, в основном по огням на берегу. Они были в трёх местах, удобных для сокрытия в прибрежной полосе не только беспалубных галер, но и шхун. В подзорную трубу он засёк начало плавного движения одного из огней, весьма похожее на выход судна, и глянул на вершину прибрежной скалы, где нес службу его наблюдатель. Оттуда пришёл сигнал – одно уж точно пошло вдоль берега к выходу из бухты.

Есаул подтянулся на своём месте по центру дубль-шлюпа и повёл плечами, как бы освобождая их от ненужной теперь скованности ожидания. Этого было достаточно, чтобы всё на борту преобразилось. На вёслах застыли в ожидании могучие казаки-гребцы и стрелки. Скрыпа ладил огонь у своего фальконета. Иеронима на корме у барабана с колотушками разложил несколько заряженных ружей.

Рассвет уже серел, поднимая полог над происходящим в бухте для всех, находящихся на судне.

– Пора, есаул, бо пид витэр уйдуть, тико так уйдуть. Тоди и гранатой нэ достанэшъ, – подал голос Скрыпа.

– Подожди. Если есть ещё корабли, они вот-вот выйдут из заливов. Вон один вижу у берега – гребная галера с парусом, как наша. Она будет ждать, пока мы не объявимся, чтобы идти наперерез.

На "чайке" наступила редкая тишина – денёк будет горячим.

– Одын противу двох – зафиксировал счёт Иеронима.

– Против трёх, – уточнил спокойно есаул. – Третья пошла. Похоже, шхуна... Пушка и два фальконета. Разнесут нашу "чайку" при первом же залпе. Потому нельзя ей позволить прицельную стрельбу... Так что ждём, пока не пройдёт мимо нас. Вылетаем на всех вёслах, как полагается крылатой чайке, и бьём ей в зад, чтобы руль заклинило. Пусть покрутится на месте, а мы сбегает за первой галерой. Ну, как, Скрыпа? Не промажешь?

Скрыпа зло сплюнул: "Промазать никак нельзя. Второго выстрела вже нэ будэ. Нас гранатой з ихней пушки разнесут в клочья".

Шхуна ещё не набрала парус и прижималась к берегу, закрывая своей высокой палубой первую галеру. Медленно покачиваясь, она вынырнула из-за мыса совсем рядом. Появившаяся слева казачья "чайка" вызвала глубокое изумлённое молчание у застывших шкипера и членов команды.

Есаул поднял руку.

Иеронима не выдержал: "Ну, шо Мытэря? Опять будэшъ богохульствовать нэпотрибноу молитвою?"

– Ни, ни за шо! – почти поклонился Семирко, подмигнув застывшему у борта с открытым от удивления ртом моряку шхуны в белой чалме.

Зряховцов резко опустил руку. В тот же миг грозно загремел, бухая в такт могучим гребкам, медный литавр Иеронимы. И огромный шлюп стал в руках мощных и умелых гребцов лёгким пёрышком, заходя на изящном повороте прямо в хвост шхуне. Она попыталась уйти вправо от берега, но там мешала галера, а парус ещё не набрал ветра. Казаки быстро догоняли.

– Ну, как, Скрыпа? – крикнул есаул.

– Ще бльжче!... Ще бльжче!

Иеронима не выдержал: "Тоби шо, у задницу ему вихать на вороных прыспычыло? Так для чо́го та пушка? Палы, байстрюкскa твоя душа!"

Вот уж видны лица матросов на корме галеры, в ужасе наблюдающих, как точно шлюп повторяет их попытки повернуть. Кто-то из них попытался стрельнуть в фальконетчика, но выстрел Семиркинского штуцера попытки не простил, и моряк в чалме выпал почти под нос дубль-шлюпа. Но двое всё ж пальнули, не показываясь из-за борта, попав в камышовый плетень казачьего шлюпа. Ничего этого Скрыпа не видел, вживляя прицел в колебание волны.

Иеронима крикнул туркам на корме: "Ото, вам, хлопци, и усэ!"

Выстрел фальконета разворотил корму и руль шхуны, которая мгновенно закрутилась на месте, подставляя тех, кто был на бортах, под неспешные прицельные выстрелы казаков-застрельщиков.

– Что видишь, Иеронима? – крикнул Зряховцов.

– Пусть крутится пока. Никуда не денется.

– Идём за галерой! – приказал капитан-есаул.

Опять грозный ухающий барабан Иеронимы в такт мощным взмахам вёсел. Но не доволен есаул:

– Не успеваем. Не успеваем брать их по одному. Как раз между ними попадаем. Перестреляют нас как котят, – он напряжённо задумался, а затем скомандовал:

– Скрыпа, у тебя время на один или два выстрела. Надо свалить мачту. И сразу отворачиваем на третью галеру. Не свалишь – они зайдут с обоих бортов и нам крышка. А первый без паруса на вёслах далеко не уйдёт. Если что, догоним, братцы?!

– Догонимо! Догонимо! – рвали сухие взбугрившиеся мышцы гребцы.

И снова удары барабанов. Потом резкое "суши вёсла" – для плавности хода под выстрел Скрыпы. Гром! Зашелестело в воздухе ядро! Мимо! Снаряд только парус порвал. А Скрыпа сник головою, пораженный в грудь стрелком с галеры.

Виноватый всей душою Дрызина вмиг оказался на его месте. Быстрая перезарядка! Запальник! Злая команда: "Стопоры, и нэ дёргайсь! Едри вашу..."

Единым взмахом стали вёсла поперёк. Ровнёхонько побежал шлюп, как ладя по солнечной глади.

– Пали, Дрызина! – уже не командовал, а умолял Зряховцов.

Фальконетчик мгновенно запалил. Второй выстрел лишь накренил мачту, но паруса всё же свалились в бесформенный комок.

Шлюп едва разошёлся курсами с уходящим по инерции контрабандистским кораблём.

Зряховцов глянул на третью, самую мощную, галеру супротивника и досадно стукнул кулаком о борт:

– Мытэря и ты, Зарамук. Для манёвра нет времени ни у них, ни у нас. За него и погибать будем. Вся надежда на меткость застрельщиков.

Голос есаула стал торжественно сосредоточенным:

– Господа казаки! Богом, Императором Российским и атаманом Азовской флотилии дано мне посылать вас на смерть. Сей час настал! Мы развернёмся борт о борт с противником и будем палить друг в друга из ружей почти в упор. Их надо просто по-быстрому перестрелять. Простите, но кто-то из вас доживает последние минуты. Прощайте, кому не повезёт. И спасибо Богу, что на смерть мне довелось идти со всеми вами и с каждым особливо.

Казаки крикнули своё "Любо! Любо! Любо!" и запели, пряча между тем, своего канонира Дрызину под лавки. В который раз ему приходилось переносить эту унижительную процедуру. Но Иеронима был не умолим:

– Канонир, то святое, как Никола-чудотворец охраняе жизнь морякив. Бачиш – Скрыпа вже тэбэ нэ поможе. Так шо лизай.

Мытэря виновато буркнул Зарамуку: "Слыхал? Шо сидишь? Готовься. Надо стрелять быстро, но метко. И ты это... прости, шо я подумал, ну шо ты этот..., ну который нашими женщнами торгу-ет... Чёрт попутал.

Зарамук и не двинулся, оставаясь молчаливым и невозмутимым.

– Братци! – продолжил Иеронима. – Молэбня нэ будэ. Молицца будымо по морьскому... коротко и по-козачьи нэ журясь...

Спаси, Господи Иисусе! А хто здесь – упэрэд не суйся, но и взад не отставай!

– С Богом, палй! – рявкнул Зряховцов.

Первым выстрелил, став удивительно проворным, Зарамук. Он успевал быстро подниматься в мгновение прицеливаться, стрелять, почти всегда попадать и укрываться для моментальной перезарядки своего ружья. Плыли параллельно галера и шлюп, нещадно расстреливая друг друга всего-то с десятины метров.

У Мытэри и ещё двух, с тульскими длинноствольными, тоже дело пошло. У других казаков, с их карабинами, как и обещал Иеронима, только шуму и дыму много.

Пороховой дым застлал пространство между кораблями непроницаемой стеной. Бессмысленная стрельба прекратилась, оглушая вначале звонкой тишиной, а затем криками раненых.

Дым ушёл, открывая галеру контрабандистов, заваленную трупами. На ней осталось в живых всего несколько человек. Невольников там не было. Судя по всему корабль, заполненный только стрелками, выполнял роль основной ударной силы контрабандистов.

Победа стоила казакам одного убитого. Другой умирал, тяжело оставляя этот свет над волной. Ещё несколько – легко ранены.

Зряховцов скомандовал: "У них уже некому на вёсла. Дрызина – твоя работа. И я разворачиваю шлюп искать невольниц. Иеронима – осмотреть палубы шхуны и галеры супротивника. Они повреждены, значит, выведут невольников наверх. Ищи княжну.

Скрыпа, едва не потерявший сознания, истекая кровью, сноровисто помогал канониру, чтобы Дрызина сосредоточился только на прицеле и не думал о своевременном запале... Он знал свою работу и ему дальше уже не интересно – запалил и отвернулся. Ядро попадало в самую середину галеры, и она начала тонуть.

Все взоры обратились к Иерониме.

– На галере бачу богато нэвольников мужеского полу и зовсим малих хлопцев. Одных на рудныкы, других в мамлюкы. Женьского полу – нэма... Точно нэма!

– Что на шхуне?! – строго спросил Зряховцов, опуская веки двум погибшим казакам и крестясь.

– Бачу жинок, – крикнул Иеронима. – Едына тильки в паньском платте будэ. Воны йих ховають у самого борту. Шо будэмо робыты? Куды човн правыть, га, есаул?

Зряховцов молча передал Семирко и Мытэре подзорную трубу.

– Да, это княжна! – подтвердил Мытэря с первого взгляда, и дубль-шлюп двинулся к шхуне.

Зарамук по-прежнему молчал, с нетерпением оглядываясь теперь только на шхуну. Из его плеча текла кровь, но он не удостоил рану вниманием.

– Корпию! – скомандовал Иерониме Семирко. – У него тут пуля торчком.

Зарамук дал ему в руки кривой нож и кивнул на пулю.

– У нас полагається в этом случае плотнуть, – Семирко протянул ему кубышку.

Зарамук коротко мотнул головой.

– А-а! Тебе ж не положено, а мне с Аллахом спорыть не с руки... Ну, ты и терпачий, шо не орэш? Легче будэ... – Мытэря старался заговорить свои действия по извлечению пули.

Иеронима поддержал Семирко: – Погукай, погукай чи про того шайтана, чи про жинку нехорошу. Оно можэ и нэ поможэ, но и нэ помиша.

"Чайка" медленно, но верно догоняла шхуну. Первое судно контрабандистов едва видно. Зряховцов успокаивал самого себя: "Ничего..., потихоньку", – как вдруг схватился за подзорную трубу:

– А, чёрт! Там мачты эскадры адмирала Лазарева! Сейчас их контрабандисты увидят и тогда...

– Княжну и Ханифу сбросять в море, – завершил его фразу Мытэря.

– Ну, братцы, напряжёмся – попросил гребцов есаул.

– Мабудь толку з того зовсим нэ будэ. – возразил Иеронима, – Грэбцов поранетых богато.

Наступившая тишина готова была сама лопнуть от нетерпения, но какого-либо решения всё не было

Иеронима сунул в рот палец и поднял его вверх:

– Господин есаул. Ото послухайтэ духовного лица безвременно лишённого сану...

– Короче! – приказал Зряховцов.

– Т рэба бартыжать! – сказал Иеронима и замолчал.

– Ну вот, другое дело, настоящий мореман, – коротко и ясно, – подытожил есаул.

– А шо ясно? – спросил Мытэря. – И хто такой мореман?

Зряховцов важно объяснил:

– Мореман, брат, это человек моря..., как рыба в воде. А бартыжать на обычном русском означает – идти с парусом против ветра зигзагами. Тогда мы будем первыми, как раз между эскадрой и контрабандистами, и может... не сразу обгадимся, ежели у них пушка только с правого борта.

– Ты подумай – одно слово, а сколько смысла! – искренне удивился Мытэря.

– А ты, Семирко – лучший из пластунских меткачей, – продолжил есаул, – выдвигайся на форштевень. Там повыше, и будет видно их палубу. Отстреливай каждого, кто попытается женщин вывести к борту. Учти, там ты будешь как на ладони для их стрелков. Кто тебя прикроет?

Семирко ухмыльнулся: "Зарамук. Я ж нужен ему живым до нашей очередной схватки".

Зряховцов махнул рукой: "Вот дурни..."

Капитан контрабандистской шхуны, шкипер Брейк – имя ли кличка, того никто не знал – был из тех наёмников паши, которые давно потеряли национальность, гордясь лишь своим европейским происхождением. Он слыл умением в самых критических ситуациях вовремя обеспечить тот самый брейк – то есть развести всех по своим углам.

В эту рискованную экспедицию на территорию русских, безжалостных к кораблям с пушечным вооружением на борту, он согласился пойти, чтобы поставить точку в своих скитаниях по морям. Четыре красавицы в известном только ему месте стоили гораздо дороже, чем эфенди платил Мехмет-паше. После бурной молодости в морских грабительских походах по туземным территориям он приобрёл несколько своеобразных для его опыта жизни качеств, которыми дорожил.

Первое из них – только европейцы понимают толк в истинных ценностях и могут их создавать. Потому вольны обращаться с прочими азиатами, африканцами и островитянами как с недоумками, даже если они богаты и могущественны. Им можно даже служить, снисходительно потешаясь в душе и пользуясь их тупой приверженностью к своим дикарским табу, адатам, религиозным запретам и смешной морали. Как, например, с Мехмет-пашой, полагающим, что маслахат – совет с ним, так дорого стоящий для азиатов, также незыблем и для Брейка.

Второе качество как раз и проистекало из первого: мораль – это лишь цветная этикетка над обычным товаром, который можно не только купить, но и взять хитростью, обманом или просто отнять. Поэтому нет ни пиратства, ни работорговли, ни измены. И во всём этом он преуспел, оставляя свою мечту – стать добропорядочным, заботливым и набожным отцом семейства – на потом, когда будет достаточно средств, чтобы поселиться в тихом европейском городке, в окружении улыбчивых и таких же добропорядочных людей с этикетками-званиями, вызывающими почёт и уважение. Пусть это будет эсквайр или синьор, падре – не важно.

Третье – никакие деньги не стоят самой жизни. Именно она и есть самая интересная, вкусная, ароматная и будоражающая душу игра, в которой есть цель – безоблачная идиллия в обществе падре..., в общем, смотри пункт второй.

Потому шкипер быстро понял: из двух противников – русского трёхмачтового корвета под всеми парусами с двадцатью-тридцатью пушками на борту и паршивого баркаса для перевозки овса на казачьи конюшни, подпортившего ему единственной пушечной корму, выбирать не приходилось. Самой опасной следовало несомненно считать... эту хитрую камышовую тварь с нелепо пришпандоренным бушпритом, конструктивно немислимым для такого класса судов, лишь напоминавшую европейскую скампавею.

– Что с килем и рулём? – спросил Брейк, кисло проглатывая необходимость видеть эту противную, но преданную рожу своего помощника-мулата, обладающего в отличие от почти джентльменского шарма шкипера самой что ни на есть пиратской внешностью. Зато его уровень рефлексов не зашкаливал в мыслительную деятельность. Чего не хватало ему в этой жизни, так это третьего уха. И не для того чтобы лучше слышать, – было бы куда повесить ещё и третью золотую серьгу немислимых размеров. Так считал капитан.

Что делать – другого помощника-турка, приставленного к нему Мехмет-пашой, пришлось "случайно смыть с борта волной", дабы не мешал задуманному предприятию по доставке и продаже перекупщику четырёх не учтённых Мехметкой красавиц.

– Руль в порядке, капитан. На наших парусах уйдём от казаков. Приступили к штопке прорехи на корме, чтобы при шторме не залило.

– Отставить штопку! – почему шкипер приказал отставить штопку, он и сам не понимал. Просто подчинился какой-то внутренней интуиции.

– Уходим как можно быстрее на эскадру русских, – завершил все свои распоряжения Брейк.

– Как в сторону – там двадцать пушек, капитан?!

– А там – Зряховцов-бей! Ты что, не узнал его?! Или ты собираешься на глазах эскадры развернуть против него наши орудия? Вот тогда корвет нас точно потопит. Так что пушки за борт, вместе со станинами... И ещё... На шхуне должны остаться только черкешенки, добровольно выезжающие в Турцию. С русской княжной... и этой горянкой Ханифой... ты знаешь, что делать. Две оставшиеся звёздочки – Гушмаф и Узас – они и не против гарема... Их – в шлюпку с двумя стрелками из верных мне черкесов. Пусть высадутся незаметно на берег, когда будем проходить мыс. Они тоже знают, что делать. Ты ещё хочешь со всем этим попасться казакам?

– Нет, не хочу, – искренне признался помощник и резво кинулся с двумя матросами вытаскивать княжну и Ханифу к заготовленным у борта смертельным грузилам.

"Странно, – отметил про себя шкипер, – эта русская княжна хоть и поняла всё, переглянувшись с черкешенкой, но не запаниковала, а достала маникюрный набор, спокойно прихорашиваясь. Смешные эти русские – даже умирать любят глупо, но красиво".

Евнух – надсмотрщик над пленницами, знающий цену товару, ринулся к шкиперу: "О, Аллах! Ты что делаешь?! Сорок тысяч пиастров на любом рынке невольниц! Ты понимаешь?! Пять твоих посуды столько не стоят".

– Пошёл вон! – коротко буркнул Брейк евнуху, даже не повышая голоса, – Я не хочу, чтобы русские сделали меня похожим на тебя.

Зряховцов смотрел в подзорную трубу: "Их вывели на палубу. Рядом два матроса. Мытэря, попробуй их хотя бы перепугать".

Семирко прикинул: "Далековато, можно женщин ненароком зацепить. Поднажми ещё!"

Барабан Иеронимы всё учащал и учащал бой, и казаки на вёслах рвали жилы из последних сил.

Мытэря уже и без подзорной трубы понял – матросы, прячась за борт, привязывают груз к ногам невольниц. Дальше тянуть нельзя. Он выстрелил.

Пуля ударила где-то у ног одного из матросов. Они упали, прижимаясь к палубе, и их понесло от резкого разворота шхуны к противоположному борту. Это шкипер отвернул судно, чтобы скрыть от преследователей место казни.

Ещё не связанная княжна выхватила что-то из маникюрной сумочки и стала быстро пилить верёвку на ногах Ханифы. Верёвка медленно поддавалась, но уже подползали матросы. Пришлось также быстро спрятать инструмент.

Моряки учли свою промашку, прячась теперь за женщин, одновременно подталкивая их к борту. Вот и камни уже вложены в связку в ногах.

Зряховцов, ожидавший ухода шкипера в сторону, быстро ответил манёвром, вновь выведя Семирко на линию огня прямо напротив женщин. Они уже стояли во весь рост.

Княжна Анна Николаевна увидела совсем близко сперва Мытэрю, целящегося в неё, вернее в моряка за её спиной, а затем Зряховцова. Он поднял руку, как по команде "товсь" и она, как жена офицера, поняла – это для неё, следующая команда с резким опусканием руки будет "пли". Именно по ней она бросилась на Ханифу, увлекая обеих на палубу, открывая на миг своих палачей. Раздался выстрел, и моряк за её спиной рухнул, парализуя предсмертными конвульсиями волю второго матроса.

Княжна успела незаметно передать Ханифе что-то режущее из маникюра. Помощник уже послал к ним ещё двоих головорезов.

Шхуна стала отрываться, выигрывая в парусности. Да и капитан – не промах, смог организовать ответный залповый огонь из ружей, выбивший из строя некоторых казаков на вёслах. Другие вынуждены были залечь, прекратив грести. Теперь со шхуны стреляли именно по фальконетчику. Ружьё Зарамука работало беспрестанно, каждый раз выбивая супротивника, но лишь ослабляла залп.

Зряховцов заорал не своим голосом Дрызине: "Останови его! Слышишь, останови!"

И уже непонятно, о ком речь – то ли о корабле пиратов, то ли о моряках, всё пытавшихся столкнуть женщин за борт.

Дрызина, не замечая пуль, истерически визжащих вокруг него, тщательно прицеливался.

Его выстрел повторно разбил рулевое управление шхуной, закрутив её на месте. На её палубе всё полетело в тартарары. Ханифа, уже почти распутавшая было верёвки, упала за борт. Княжна попала прямо в руки помощника-мулата, который по-обезьяньи проворно потащил её к противоположному борту, где огонь казаков уже не доставал.

"Чайка" по инерции влетела, скользя боком, в шхуну, и по команде Зряховцова полетели абордажные крючья. На борт шхуны контрабандистов тут же выпрыгнуло несколько разъярённых казаков. Пираты сражались отчаянно, понимая – пощады за уже убитых казаков не будет.

Зарамук суетился у борта, не зная, как помочь Ханифе: "Я не умею плавать!"

Семирко сам кинулся в воду с криком: "Княжна!". Зарамук всё понял и, хватаясь за какую-то верёвку, поднялся по ней на нос шхуны.

Зряховцов и казаки, казалось, уже расправились с последними сопротивляющимися, приближаясь к помощнику капитана. Тот закрывался княжной. Поэтому голос за их спинами прогремел неожиданно, как гром среди ясного неба:

– Всем покинуть борт! Иначе я взорву пороховой погреб!

Это был шкипер Брейк, спокойный и уверенный в своём превосходном умении всех развести по своим углам. Он держал одной рукой факел над люком, другой – заряженный пистолет.

Все замерли, понимая серьёзность угрозы. Иеронима, находящийся ближе всех к шкиперу, но с другой стороны люка, стал медленно отходить, укоряя по-отечески Брейка:

– Нэ балуй, нэ балуй, бо тэбэ Сэрэбряков в бздюльню упэчэ.

– У вас нет разумного выхода! Без команды с судном не управиться! – включился Зряховцов.

Шкипер усмехнулся:

– Но есть неразумный, мне терять нечего. Шлюпку – на воду и отойти! Я, мой помощник и эта, – он показал на княжну, – пойдём на шлюпке к тому мыску. И чтобы никакой погони. Иначе красавице не выжить.

Брейк заметил взгляд Зряховцова, брошенный им на мачты корвета Лазарева, и усмехнулся:

– Да, да, Зряховцов-бей, кажется, адмирал переключился на погоню за другой галерой, оставив нам возможность договариваться самим. Не осуждайте его таким суровым взглядом. На той галере ведь тоже полно невольников... – дешёвого мусора, в отличие от этой красавицы.

Зряховцов чуть задумался, и было о чём:

– Ведь твой товар для черкесов – порох и свинец? И чтобы контрабандист ушёл с товаром назад? Не верю. Это блеф – твой погреб пуст!

Шкипер спокойно возразил: "А заряды для моих пушек? Кто знает, сколько для них пороха изготовлено. Хочешь – проверь мой блеф, – Брейк пошевелил факелом, вызывая ещё большее оцепенение присутствующих. – А цена – всего одна женщина... Но какая! Мне за неё в Стамбуле судно построят. Ну!" – он ещё раз встряхнул факелом, уже внутренне удивляясь, почему всегда предсказуемые для него туземцы, к коим он относил и казаков, не поддаются своему тупому первоинстинкту.

Зряховцов нехотя скомандовал отход на своё судно, и помощник шкипера беспрепятственно спустил шлюпку...

Почти удавшийся брейк испортил шкиперу случайный взгляд его помощника на паруса Лазарева. Мулат в том самом первоинстинкте ужаса завыл, показывая капитану на повернувшийся в их сторону корвет. Его страх ещё более подхлестывало зрелище подожжённой пушечной гранатой галеры с мечущимся по палубе обречённым на смерть экипажем контрабандистов.

Шкипер грязно выругался: "Они не успели сбросить русских невольников! Теперь нам всем конец!"

Помощник шкипера в панике попытался уйти на шлюпке один, но получил пулю в лоб от своего капитана. А в руках Брейка – уж другой пистолет, направленный, для охлаждения пыла казаков на княжну.

"Тоже заряженный, к тому же из новых – капсульных, стреляет быстро", – отметил про себя Зряховцов, сознавая свою беспомощность.

– Ситуация изменилась! – рявкнул Брейк, мгновенно оценив сравнительно небольшое расстояние до мыса, – Всем прыгать за борт и плавать пока я с княжной не уйду!..

Его тираду прервал неожиданным прыжком из-за борта Зарамук. Его целью стал вовсе не шкипер, а факел, который следовало подальше убрать от люка. Ему удалось выбить его из руки Брейка и, схватившись за пистолет, увлечь шкипера за собой – в люк.

Но Зарамук не учёл того, что знал Зряховцов – скорострельности нового, неизвестного ему типа оружия. Брейк успел выстрелить, правда, не прицельно, и всё же ранил княжну.

Грохот падения двух тел по перегородкам трюма, продолжился внутри шхуны звуками отчаянной борьбы. Но главное – факел. Он покатился от наклона судна... к люку.

Иеронима, ближе всех находившийся к княжне, схватил её и выбросил за борт. Семирко, только что вытащивший из воды Ханифу, вновь нырнул. Собрался было и Иеронима, но неожиданно застыл, заворожённо наблюдая, как факел медленно докатившись до люка, перевесился вниз огнём и, качнувшись, упал в трюм. Залегли на своём шлюпе отступившие казаки.

– Иеронима, прыгай! Прыгай, говорю! – крикнул Зряховцов.

В трюме галеры отчётливо громыхало низкосортной, но тяжёлой мебелью, перелетающей, судя по всему, от одной головы к другой.

Иеронима всё ещё топтался, почему-то подняв глаза к полуденному солнцу:

п – Ой, нэ хóчу у пивдэнь вмэрты! – он, закрыв глаза, стал молиться. По щеке потекла чистая, как правда, слеза.

В трюме раздался чей-то нечеловеческий крик.

– Да прыгай же! – снова заорал есаул.

Иеронима от того крика испуганно вытаращил очи:

– Ой, нэ хóчу у пивдэнь вмэрты! – и опять их закрыл.

Наступила тишина, в которой особенно чётко слышалось потрескивание пламени в трюме. Наконец, из люка показалась страшная закопченная и окровавленная голова Зарамука. Он устало сел на палубе, уставившись на свои руки и поочерёдно прижимая пальцы, начал перечислять: "Нэ лизэ..., бздюльня..., бартыжжжать... – на четвёртом пальце у него наступило просветление: – Блефф! – Уах!.. Блефф!" – громко повторил он, торжествуя. И уже на черкесском, только для себя, добавил: "Какой дурной язык у этих урусов! Правильно говорил Наиб..."

Иеронима опять осторожно открыл глаза, обернулся и почти в глаза столкнулся со страшным дьявольским лицом Зарамука.

– Ой, нэ хóчу у пивдэнь вмэрты!.. Но прыдэця... – пробормотал он и смиренно прыгнул в воду.

Только теперь, увидев, как Иеронима, раскинув в широкой рясе руки, медленно и отрешённо уходил под воду, все поняли – увы, он не умел плавать.

Мытэря, только что вытащившей находившуюся в беспомощности княжну, принял вид человека, которому до смерти надоело мыться в море, и воскликнул, нарочито переходя на понятный Иерониме язык:

– В пивдэнь вже ж нэ трэба! Можэ у вичор помрэшь, га? От бисова душа! Ну, скільки ж трэба нырять!

Он почесал затылок, будто прикидывая – стоит ли, и всё-таки нырнул.

Семирко откачивал Иерониму недолго, но злобно, попутно передразнивая самого есаула, чего с ним при уважении к казацкой иерархии никогда не было:

– Мореман! Мореман! Мать его нехай. Да он в луже потопится!

Анна Николавна очнулась, почувствовав в своей руке тёплый кулачок Ханифы. Кулачок разжался и в ладони княжны остался тот самый неизвестный Ханифе режущий предмет из маникюрной сумочки, который и спас ей жизнь.

Княжна открыла глаза и увидела над собой заплаканные глаза черкешенки. Она прижалась щекой к её груди. Анна Николавна слышала где-то, что это означает признание её своей близкой родственницей, и тоже разрыдалась, выплакивая всё, что прятала всё это время за вытянутой в звенящую струну непоколебимостью превосходства светской дамы над бандитским быдлом. Струна, похоже, не выдержала и только сейчас лопнула.

Княжна вновь потеряла сознание. Семирко, повидавший всякие ранения и контузии, осмотрел её рану и сразу притих, горько и лихорадочно перебирая в уме варианты возможного выживания Анны Николавны. Но в голову так ничего и не пришло.

Казаки, как могли, помогали раненым товарищам. Только Скрыпа полуразвалился устало у своей пушчонки и ничего не делал. Зряховцов сам подошёл к нему:

– Спасибо, канонир, за хорошую службу.

Скрыпа вроде и не слушал, со странным выражением лица вглядываясь в небо, будто ожидая какого-то зова из чистой синева.

– А скажи, Скрыпа, какой-такой... бздюльней от адимарала угрожал Иеронима?

Скрыпа отвечал медленно, чуть скривив улыбку, в каком-то своём глубоком размышлении и даже боли:

Бздюльня, то на нашей доброй черноморской мове – тюрэмна камэра, не то шо вы думалы...

Он сказал и, словно на что-то решившись, оторвал руку от груди. Из-под неё начала хлестать кровь.

– Бог мой, да ты ранен! Что ж молчал? – Зряховцов пытался вновь зажать рану.

Скрыпа ответил тихим голосом грустного человека, только что всё для себя решившего: "Та никола было. Трэба було швыдче стрыляты... Спасибо Дрызине, шо вовемя заменил... Погукай Мытэрю".

Семирко был рядом, к нему и обратился Скрыпа:

– Пашка мий... Хай будэ хрыстианином! Выручы його из ясырэй. Едын вин остаеця, як ото курай-перекаты полэ. – Он достал монеты и передал Мытэри – Ось бакшиш за його. Кажи – батька збырал...

Он вздохнул облегчённо, как человек не без грешный, но сделавший в этой жизни всё что мог, и... умер. Семирко не скоро поднял голову от его ещё открытых глаз. Потом и сам поднялся, с трудом поворачивая спазмированной шеей лицо к Зарамуку:

– Его сын!.. Пашка!.. Сын его!.. – Мытэря погрозил своему извечному сопернику пальцем. – Ты обещал! Ох, обещал!

Зарамук только кивнул, но так, что этот кивок-обещание был выразительней самой изощрённой риторики Иеронимы.

Тяжело шла "чайка" к берегу. Сумрачно и горько было на её борту. И тогда звонким голосом заспивал раненый казаче, от души заспивал. Кто знает, может последнюю песнь в своей жизни.

Как только "чайка" отчалила от шхуны, оставляя её на попечение корвета Лазарева, из огромной прорехи в корме, почти сравнявшейся с поверхностью моря, выполз человек и размеренно, рационально экономя силы, поплыл к ближайшему мысу. Брейк, а это был конечно же он, умел притвориться мёртвым... Ему даже понравилось полежать в размышлениях..., пока всё вокруг суетилось в трюме. Нет, не о смерти и молитве прощения. Он-то понимал – вряд ли молитва из его уст, а тем более – помыслов, будет принята небесами... Слишком много душ загубил шкипер, переправляя хладнокровно "живой товар" на восточные рынки.

Брейк перевернулся на спину, чтобы отдохнуть и затем спокойно доплыть до мыса. Тупая боль чуть ниже копчика – следствие яростной схватки с этими казачьими мореманами, немного раздражала.

"Всё-таки они надрали мне задницу!" – подумал, чуть досадуя на казачью "чайку", и решил заглянуть в это самое глубокое и непознанное никем небо.

"Где-то там, говорят, Бог!" – он вспомнил этого бешеного казачьего священника, яростно и истоково крестившегося перед схваткой на бордаж... – Кажется, его звали Иеронима. И ведь выкрутились эти..., на своих примитивных вёслах! Чёрт меня побери! Бог, а Бог! Похоже, ты всё-таки есть!.. Да судя по всему, не про меня твоё прощение! – Он усмехнулся не то всё понимающему глубокому небу, не то своей неприкаянной душе. – Стало быть, надейся только на себя, шкипер!"

На берегу уже замелькали фигуры покорных Гушмаф и Узас. И кажется, всё опять в его руках. В руках победителя на самых крутых поворотах судьбы. Но где же привычное внутреннее торжество победы над очередными жестокими испытаниями?! И почему так гложет одиночество перед опустевшим небом запоздавшего?.. Увы, запоздавшего к Богу шкипера...

– А где тут у вас ближайший паб? – спросил Брейк устало.

Удивлённые глаза Гушмаф и Узас быстро вернули шкипера с опустевших для него небес на грешную землю.

– А-а! Ну да! Кавказ..., эти казаки... А я бы выпил с этим, как его, И-е-ро-нимой! Славный парень – из этих казаков... Хоть и при духовном сане, и с крестом, как и у нас..., но если врежет, то мало не покажется...

АЙТЕЧ ХАГУРОВ

Краснодар

В мае 2021 года свой юбилей отмечает видный кубанский учёный и писатель, доктор социологии, лауреат краевой литературной премии им. Е. Степановой и конкурса "Венок Победы" Айтёч Аюбович Хагуров. Кубанским читателям полюбились его книги "Жизнь коротка, как журавлиный крик", "Русский хутор", рассказы и очерки, опубликованные в краевых журналах.

А.А. Хагуров – философ не только по профессии, но и по жизни. Когда-то на вопрос об юбилейных датах он ответил: "К этому событию теперь отношусь философски... Физические годы, конечно, чувствуешь, это без сомнения. А вот духовно хочется жить, хочется многое ещё совершить, сделать, достичь... Вот с годами получается такое расхождение духа и тела".

Дорогой Айтёч Аюбович! Редакция журнала сердечно поздравляет вас с юбилеем! Пусть ваша физическая форма и неукротимый творческий дух всегда находятся в гармоническом единстве!

САЛЕХ И ГАНКА

*Решение жизненной проблемы
мы замечаем по исчезновению этой проблемы.
Людвиг ВИТГЕНШТЕЙН*

Судьбы человеческие, как и пути Господни, неисповедимы.

Они жили по разные стороны того мощного лесного массива, который покрывал всю территорию нынешнего Краснодарского водохранилища. Теперь уже многие забыли, какие были дремучие леса в этих местах. Начинались они сразу за Кубанью и простирались далеко в левобережье, до аулов нынешнего Теучежского района Адыгеи. Со стороны аула Глюстенхабль в этом массиве выделялись большие участки Кармалино и Закоп. Со стороны аула Шабанохабль, который был на левом берегу Кубани, напротив хутора Ленина, что на правом берегу, простирался громадный лесной участок Харзах. Со стороны станицы Старокорсунской находился участок Курго, занимавший всё пространство между реками Пшиш и Белая до станицы Рязанской. Когда строили водохранилище, весь край в течение пяти лет вырубал этот огромный лесной массив. Даже первым секретарям райкомов и горкомов партии были определены персональные делянки.

Салех – черкес, мой прадед по материнской линии, родился в ауле Кунчукохабль, что на левом берегу реки Пшиш. Ганка – казачка, из станицы Староконсунской. Дремучие леса, разделявшие их, не смогли противостоять судьбе, которой было угодно соединить их надолго крепкими узами. Чем больше я узнавал подробностей, тем больше убеждался в том, что леса хоть косвенным образом, но способствовали развитию истории их не простой, трудной любви.

Мамин род Панешей славился как род долгожителей. Когда Мама вышла замуж за отца и родила меня, второго после сестры, в ауле еще жила её прабабушка – мать её дедушки Салеха. Поэтому неудивительно, что я так хорошо помню своего прадеда Салеха. Наверное, на свете не было столь различных людей, как мои дед и прадед по матери. Первый был типичным тружеником – крестьянином и благоверным мусульманином. Он любил и знал до всех тонкостей крестьянское дело и, конечно, был образцовым семьянином.

Прадед, по-моему, никогда не держал в руке ни косы, ни тяпки, не верил ни в бога, ни в чёрта. Он был любителем приключений, человеком с сильным авантюрным характером. Дедушка всю жизнь прожил в ауле, выезжая лишь в случае хозяйственной надобности в Краснодар. Прадеду не

сиделось на одном месте. В какие только переделки и ситуации не попадал он из-за этих особенностей своего характера.

Помню, как мой дядя Гиса, т.е. внук моего прадеда Салеха, брил ему голову. Процедура эта была не простая. Специально принесли медный таз, кумган. Дядя Гиса часто наводил бритву на ремне, постоянно намыливая голову прадеда. По мере того, как дядя продвигался в своей нелегкой работе, обнажались довольно непростой рельеф головы прадеда: шрам там, ссадина здесь, шишка там... Голова прадеда напомнила топографическую карту, на которой были отмечены все основные события, точнее приключения его жизни. "А эта ссадина – та, что осталась после твоей ссоры с Жачемуками?" – уточнял дядя Гиса, хотя уже давно изучил прошлую жизнь своего деда по рельефу его головы. "Нет, – отвечал Салех, – ссора с Жачемуками не оставила следа на моей голове".

Старый Жачемук тоже хотел быть крутым, задирался, и надо было поставить его на место. В неожиданно случившейся стычке Салех, всегда носивший при себе нож, неожиданно отрезал левое ухо Жачемуку и вручил ему же, посоветовав отнести жене. Долго враждовали род Панешей и род Жачемуковых в ауле, состояние было на грани кровной мести, пока моя тетушка Алихан, младшая мамина сестра, не вышла замуж за Асламбия Жачемукова. По мосту, проложенному ею, первым побежал к Панешам внук Султанчик, потом Фатимка, потом ещё и ещё другие внуки и внучки, но в это время прадеда Салеха уже не было в живых.

Неудивительно, что Салех был известной личностью не только в адыгейской округе. Его знали во многих станицах и хуторах, особенно в Старокорсунской.

Лесные массивы от Старокорсунской доходили до хутора с вызывающим названием Городской, что в двух километрах от маминого аула Кунчукохабль. Этот лесной массив Курго до революции семнадцатого года составлял экономию помещика по фамилии Ершов, жившего в Екатеринодаре. Он был настоящим лесопромышленником и вообще энергичным хозяйственником. Начал с того, что через Курго приказал сделать просеку для узкоколейки. К ней подтягивали с массива древесину и далее по ней везли к паромной переправе. В зависимости от назначения одна её часть сплавлялась по Кубани, другая увозилась сухопутными средствами через паром и далее.

Вначале железнодорожные платформы тянули волы и лошади. Потом Ершов приобрел "кукушку", как называли здесь паровоз. Появление настоящей железной дороги в лесных дебрях поразило воображение жителей близлежащих аулов, станиц, хуторов и приковало их внимание к личности Ершова. Он удивлял и восхищал их новыми и новыми хозяйственными новациями, в которые их же и вовлекал. Люди были вовлечены в самые разные промыслы. Работа в лесу и с лесом становилась для людей округи основным занятием, а лес – местом их жительства. По периметру Курго и в нём самом росли хутора.

Когда установилась советская власть, эти некогда непроходимые дикие места были так обжиты, что в них был образован Курго-Терновский сельсовет, а бывшая экономия Ершова оставила после себя многоотраслевое хозяйство. Кроме разработки леса здесь занимались пчеловодством, садоводством, охотой, земледелием и скотоводством. Кроме всего прочего, осталась и память о Ершове и у русских, и у адыгов, живших в этих местах. На исконном крестьянском уважении к умению хозяйствовать основывалась память о Ершове, многочисленные воспоминания о котором я слышал в детстве и в аулах, и в хуторах.

Леса здесь были богатые. Обитали в них лесные звери – от зайцев до оленей. Ягод и дички было полно. Я еще застал и побывал во многих хуторах, возникших на основе этой экономии. Эти хутора в основном располагались по окраинам Курго, но были и такие, что находились в самом лесу, точнее, на лесных делянках среди лесного массива. Напротив аула Кунчукохабль, на другой стороне реки Пшиш, считавшейся русской стороной, находились хутора Братский, Фокино, Процай. Хутор Городской, в отличие от всех хуторов, находился на адыгейском, левом берегу Пшиша. Далее, уже в самом лесу, были Терновый и Мелехово. Беляев, бывший на окраине Курго со стороны станицы Рязанской, как и хутор Городской, ещё здравствует. Их я хорошо помню, бывал в них, когда мы школьниками на каникулах подрабатывали на сборах дички, которую сдавали в приёмные пункты по пять копеек за килограмм. Никогда не забуду, с каким трудом удавалось залезть по высоченному, голому, толстому стволу груши до её кроны на самой верхотуре. Такие груши я видел только в Курго. Проблема состояла ещё и в том, чтобы доставить туда длинную палку, которой сбивалась дичка. Потом надо было слезть, собрать её и мешок нести на расстояние один-два километра до приёмного пункта в районе хутора Братского.

На противоположной северо-восточной стороне Курго, напротив станицы Васюринской, было ещё семь хуторов. В советское время они составляли совхоз, возделывавший многочисленные делянки в лесу и возле него. Последним директором этого совхоза был мой двоюродный брат Рамазан Чиназиев. Потом все эти хутора, с прилегающими к Курго аулами, всего в количестве семнадцать

сельских населённых пунктов, сселили, расчищая место под будущее Краснодарское водохранилище, и тогда все следы той экономии, о которой я начал говорить, исчезли навсегда.

Однако вернемся ко времени, когда до революции эта экономия процветала. Управляющий экономией жил в Старокорсунской. Фамилию его я неоднократно слышал, но забыл. Салех был очень дружен с этим управляющим. Они делали большие дела. Однажды им показалось мало торговать налево лесом. На этом трудно было хорошо нажиться – тогда леса было много. Они придумали способ разбогатеть сразу. Когда управляющий вёз из Екатеринодара зарплату рабочим, Салех верхом выскочил из-за поворота, прострелил руку управляющего, специально выставленную из фаэтона, и ускакал с саквояжем денег в лес. Денег оказалось много. Его доли хватило не только на щедрые подарки, но и на то, чтобы купить паровую машину с молотилкой для своего сына-труженика.

Однако управляющего уволили за то, что он так прозевал зарплату рабочих. Салеху и его другу жить стало скучно. Друг однажды объяснил Салеху, что если исчезнет новый управляющий, то никого кроме него не найдут, и снова его поставят управляющим. В дебрях Курго осталась сокрытой тайна исчезновения нового управляющего. Факт состоял в том, что уволенный управляющий вернулся на свое место.

Вся эта история не была бы интересной, если бы не одно обстоятельство. Салех был безразличен к богатству и не ради денег совершал все эти и другие добрые и недобрые дела.

У управляющего экономии, друга Салеха, была сестра Ганка. Все в роде Панешей говорили, что она околдовала Салеха. Иначе объяснить его поступки они не могли. Дело дошло до того, что, имея уже внуков и внучек, Салех привёл Ганку прямо к себе в аул и стал с ней жить. Было это ещё до революции семнадцатого года. Женились тогда рано, и потому дедами и прадедами становились тоже рано. Своего сына – моего будущего дедушку Калятчерея – Салех женил, когда тому шел пятнадцатый год.

Случилось это так. Приехала как-то в аул Кунчукохабль в гости в княжеский дом Кунчуков девушка из знатного ногайского семейства. Звали её Камия. В то время по обычаю девушка в гостях была как бы в состоянии презентации: её могли смотреть и навещать все аульчане. Салеху понравилась не только красота её, но и манеры, и воспитанность. Он решил, что она в роли невестки будет украшением его семейства. В ту пору не было принято со стороны родственников давать согласие на брак девушки. Поэтому невест добывали, точнее, похищали. Это облегчало дело. Потому что по этой части Салех был непревзойденный мастер. В общем, понятно, как попала моя будущая бабушка Камия в род Панешей. Узнав об этом, мой будущий дедушка Калятчерея от стыда и страха сбежал из дому – так была для него неожиданна его новая роль. Жениха, точнее уже мужа, искали целую неделю и с трудом нашли в зарослях на берегу Шиша. Салех сам втолкнул его в комнату для молодожёнов. С лёгкой руки Салеха образовалось все остальное наилучшим образом. Об этом свидетельствовали дети, которые каждый год появлялись на свет божий из этой комнаты, и не было в ауле такой согласной и счастливой пары, как мои дедушка и бабушка, соединённые властной рукой Салеха.

Однако вернусь ко времени, когда Салех привёл Ганку к себе в дом. Оба сына Салеха были в Екатеринодаре. Это была их главная поездка на большой рынок, перед зимой, когда надо было продать основную продукцию, полученную за лето, и купить всё необходимое на зиму для большого хозяйства и большой семьи. Вместе с дорогой туда и обратно на это уходило более недели. Все это медовое время Салех жил с Ганкой в своей комнате. Еду носила им, как требовал Салех, невестка, то есть моя бабушка Камия.

Затаив дыхание от стыда и страха, Панеши скрывали от аула поступок Салеха. Ведь он позорил не только свою жену, мудрую, спокойную, хозяйственную, пожилую женщину, уважаемую во всём ауле, но и доброе имя своих сыновей, имевших уже большие семьи. Всю ночь обсуждали, как поступить, сыновья, вернувшиеся из города. Так оставить эту позорную ситуацию и не вмешиваться в неё было нельзя. Но и нрав отца им был известен хорошо. Моя бабушка, единственный человек, который допускался в их комнату, сообщила, что на стене висит ружьё. К утру всё же план действий был окончательно принят. В его осуществлении особая роль отводилась моей бабушке: она должна была, принеся завтрак молодожёнам, схватить ружьё и выбежать с ним из комнаты. Так она и сделала. Следом зашли сыновья, схватили Ганку и вытолкали непочтительно её со двора, объяснив ей, за кого они её принимают. В это время другие родственники сдерживали Салеха, точнее, они сделали из себя живую изгородь, через которую ему не удалось пробиться.

Знала ли Ганка, что попадёт в такую ситуацию? Конечно, нет. Как всякая любящая женщина, она захотела официально легализовать свои отношения с любимым. Со своей стороны Салех вряд ли ей объяснил все подробности своего семейного положения. Для него было важно продемонстрировать, что он готов ради неё идти до конца, ничего не боясь. Что он и сделал.

Конечно, Салех следом за Ганкой исчез. Его не было всю зиму, всю весну. Появился он летом, когда убранный пшеницу ссыпали в амбар. Из вагонки, в которой хранились сбрауя и горюче-

смазочные материалы, он извлёк канистру керосина и, облив им по кругу весь амбар, поджёт. Первому прибежавшему с ведром воды он сказал: "Пописать можешь, но если выльешь воду, уложу на месте". Этот ультиматум вскоре дошёл до всех, кто бежал с водой, потому что Салех с ружьём ходил вокруг горящего амбара. Спалив амбар, Салех направился в сторону лесного массива Курго. После этого случая весь род Панешей проклял Ганку и наложил табу на её имя. На долгие годы имя Ганки было связано с родовым позором.

Когда началась коллективизация, паровая машина с молотилкой, которую Салех купил на деньги, добытые отважным трудом, сыграла роковую роль, поссорив его с советской властью. Он был раскулачен и выслан в Сибирь. Но через три года вернулся. Последующие годы были для него нелёгкими. Он не мог себя найти. В родном ауле бывал редко. Работал приёмщиком грузов на пристанях – или ниже, или выше станицы Корсунской. Из своих внуков и внучек он особо выделял маму. Поэтому он был частым гостем у нас в Краснодаре. И отец мой ему понравился. Нередко они поднимали по чарке.

Когда началась Великая Отечественная война, мать, растерявшись, не знала, что предпринять: остаться в городе или уезжать с нами в аул, да и соседи давали противоречивые советы. Немцы уже начали бомбить наш город, а мама всё не решалась уехать. Квартира наша находилась в конце нынешнего Тракторного переуллка. Это где-то посередине между железнодорожным вокзалом и тоннелем, что по Ставропольской. Недалеко от горпарка. Поскольку немцы метили разбомбить эти два объекта, постольку мы оказывались в зоне активных бомбёжек. Впрочем, мы, пацаны, очень быстро привыкли к этим бомбёжкам. Они, как правило, происходили по ночам. Утром мы бежали искать воронку от упавшей бомбы. В районе взрыва можно было найти много осколков. Они были разной формы. Одни напоминали зверюшек, другие человечков, третьи – танки и т.д. Как и у других мальчиков, у меня вскоре была целая коробка этих "игрушек".

Неожиданно в один из этих дней явился к нам прадед Салех. Он стал видеть плохие сны про маму и решил проведать нас. Мать очень обрадовалась его приезду и тут же подчинилась его требованию покинуть город. До позднего вечера мы собирали вещи, упаковывали, перевязывали. Мать понимала, что уезжает надолго. А тогда нас, детей, у неё было трое. И то, и другое нужно, а купить негде и не на что. Наконец, поздно вечером стали готовить нам мамалыгу. Прадедушка в это время пил чай. Он не мог долго обойтись без чая и пил его много. Неожиданно по радио объявили воздушную тревогу, следом появился знакомый гул бомбардировщиков и залаяли зенитки. Мама приказала мне залечь под кушетку, а сама с сестрой залегла под кровать. Несмотря на уговоры матери, Салех и не подумал бросать своё чаепитие. Он только ворчал на "бусурманов", у которых нет совести и которые поэтому по ночам бросают бомбы. Послышался свист падающей бомбы, и ухнуло так близко, что вылетели и у нас, и у соседней стёкла из окон. Я видел из-под кушетки, как кастрюлю с мамалыгой продвинуло к самому краю печки, и она вот-вот должна была перевернуться. Я больше испытывал чувство голода, чем чувство страха, и поэтому, высунувшись из-под кушетки, стал кричать, что мамалыга перевернётся. Салех встал и, усмехаясь, водворил кастрюлю на место. Налёт был недолгим, и вскоре объявили отбой.

Утром Салех взвалил на спину такой тюк, который казался мне величиной со стог сена. За ним шла мама, тоже с громадным узлом, далее – сестра с сумкой. Я с чайником замыкал шествие. Мы пешком преодолели путь до хутора Ленина, переправились через Кубань. Там, в ауле Шанахабль, Салех добыл подводку и доставил нас в аул Кунчукохабль.

Как выяснилось потом, в следующую же ночь был самый мощный налёт немецкой авиации на Краснодар. Бомба угодила прямо в наше крыльцо и разрушила нашу квартиру. Во дворе были две семьи, не успевшие уйти в бомбоубежище. В этих семьях были раненые, а если бы мы оказались дома, то все погибли бы.

После того, как освободили Краснодар от немцев, и в городе стала налаживаться жизнь, мама стала довольно часто сюда ездить. Она хлопотала, чтобы нам дали квартиру взамен той, что разбомбили, о чём настоятельно её просил отец с фронта. Отцу хотелось, чтобы мы, дети, начали учиться в городе. Во всех этих поездках, которые были поездками в меньшей степени, чем трудными переходами через леса, сопровождал маму её дед Салех. По рассказам мамы, путешествие с ним, с одной стороны, было лёгким, а с другой – трудным. Лёгким потому, что она чувствовала себя с ним как за каменной стеной – столь был он надёжен везде и во всём. Везде, от самого заброшенного в дебрях Курго хутора до Краснодара, у него были знакомые и друзья, которые относились к нему с большим почтением. Из любой ситуации он находил выход. Но идти было с ним трудно, невозможно было поспеть за ним. Опередив маму на километр, он дожидался её, попыхивая сигаркой. "Дедушка, зачем же ты со мной пошёл, если я одна по лесу вынуждена идти – жаловалась ему мама. Как она рассказывала, он вроде бы и не торопился, когда шёл, но скорость его оказывалась непешеходной. Она срав-

нивала его с бесшумной машиной, которой нет износу. В нём были заданы эта сила и эта скорость, и он сам не мог с ними совладать. Он был человек без возраста.

В одну из этих поездок случилось так, что ночь застала Салеха с внучкой в станице Корсунской. Деваться было некуда, и он пришёл с мамой к Ганке. А может, он специально подстроил так, чтобы был повод наконец познакомить Ганку со своей любимой внучкой. Ведь возможно же, что ему захотелось, чтобы встретились два очень дорогих ему человека? Но однажды мама лишилась этой своей опоры. Один раз вызвали Салеха в районный центр, другой раз пришли с обыском, третий раз приехали за ним и забрали. Вина его была в том, что, когда пришли немцы, он разобрал строившийся колхозный клуб, перевёз к себе и стал из него собирать дом. Он считал, что раз в своё время советская власть у него забрала всё его добро, то теперь он имеет право кое-что вернуть себе. Но к этому еще подключились злые языки подметных писем.

Случилось так, что, когда мама взялась восстанавливать в Краснодаре сгоревшее в бомбежку моё свидетельство о рождении, потребовали почему-то меня в натуре. Я очень хорошо помню эту поездку в Краснодар, потому что мне тогда довелось видеть Ганку в первый и последний раз. Принесла тогда мама моя Ганке недобрую весть, и потому так получилось, что видел я её в трудный час жизни, поэтому хочу рассказать все подробности того путешествия.

С вечера я ощущал на себе повышенное внимание многочисленных тётушек, двоюродных братишек и сестрёнок. Так всегда было в нашей большой аульской семье, когда кто-то должен был отправляться в дальнюю дорогу. А дорога в Краснодар считалась тогда дальней и непростой. Зная этот обычай, я легко перешёл из обычного состояния, в котором было много запретов и обязанностей, в почётное состояние уезжающего, в котором уже не было обязанностей, а были одни привилегии. Этот обычай провожания особенно поддерживала бабушка Камия. Она негласно режиссировала всю процедуру прощания с отъезжающим.

Вечером после ужина наступило время, когда нас с мамой стали готовить к дороге. Бабушка у плиты готовила нам в дорогу курицу и лепёшки. Лепёшки были не простые, а слоёные, самые любимые. Пищу в дорогу отъезжающим всегда готовила она собственноручно и никому это не доверяла. Одновременно она давала все необходимые советы и распоряжения. Тётушки помогали маме собирать вещи. Прощались именно со мной, потому что я был первый из детей, кто отправлялся в дорогу так далеко. К маминим поездкам в Краснодар уже привыкли, и никто особенно не обращал внимания на то, что и она уезжает. Зато я был в центре внимания всех. Тёти давали советы, как вести себя в дороге и преодолевать её трудности. Наперебой к этим советам подключались сестрёнки и братишки, младшие из которых смешили всех своими советами. Одни советовали, как переходить через лес и не бояться, другие – как ехать в машине, когда доберёмся до станицы Корсунской, третьи – на что обращать внимание в городе. Большинство советов всё же возвращалось к тому, как себя вести в Курго. В то время наш аул был окружен лесами. Те, что были недалеко, мы, дети, знали, потому что постоянно ходили в поисках ягод, дички и просто приключений. Мы знали меру их опасности и как в них не заблудиться. Но Курго, который был за рекой, часто из рассказов взрослых в нашем воображении представлял как лес особый, фантастический и опасный. Поэтому не случайно, слушая советы относительно Курго, мой самый маленький двоюродный братик Русик Гутов выбрал у печки самое большое полено и вручил мне, чтобы я им убивал волков, которые встретятся в лесу. Прощание было предельно душевным и продолжалось до полуночи. И хотя нам всем эту атмосферу прощания хотелось продлить ещё и ещё, бабушка напомнила, что утром надо рано вставать и, читая молитвы, стала меня укладывать на сон, чего она обычно не делала.

Утром она же разбудила меня. Мама была уже готова к дороге. Только развиднелось, и поэтому ничего не хотелось есть, но бабушка настояла, чтобы я всё же попил калмыцкого чая с лепёшкой. После чая она сказала, чтобы я пошёл к дедушке прощаться. В его комнате уже было накурено. Дедушка Калятчерий положил свою большую корявую руку мне на голову, сказал, мягко улыбаясь: "Будь мужчиной" и дал мне денег. Я понял, что это были мои персональные деньги для города, в отличие от маминих денег.

Дядя Гиса вёз нас на подводе до хутора Городского. Он всю дорогу объяснял маме, что в Курго уже нечего бояться, что дедушка нас не отпустил бы, если была бы опасность, что люди уже ходят там свободно и что, если она боится, то пусть пока не поздно возвращается и дожидается попутчиков. Мама ссылалась на крайнюю необходимость быть в Краснодаре. Мне же очень не хотелось возвращаться, манила дорога.

Дальше при всём желании дядя везти нас не мог: предстояла лодочная переправа через глубокую в этом месте речку Пшиш. Потом был ещё какой-то ерик, который мы преодолели в каюке – такой выдолбленной из бревна толстой пироге. Хутора Мелехов и Терновый остались позади, и мы вошли в самую мощную лесную зону Курго.

Мне было и страшно, и любопытно впервые оказаться в Курго, о котором так много слышал. Ждал от него чего-нибудь необычного, смотрел по сторонам, отставал от мамы. Так шёл я до тех пор, пока в чаще, мимо которой мы проходили, не раздались треск, возня, топот и затем душераздирающий вопль какой-то твари – не то птицы, не то зверя. Мама покраснела от ужаса и стала причитать: "О, господи, какой только хаще-паце здесь не водится". И хотя после этого вопля воцарилась тишина, она казалась неустойчивой и тревожной. Мама взяла меня за руку, и мы ускорили шаг.

Лес стеной подступал к дороге. Порою наверху ветви образовывали тёмно-зелёный длинный тоннель. В таких местах мама читала молитвы из Корана. Она впервые здесь шла одна со мной. Раньше она ходила, чаще всего с Салехом, другой дорогой. Её страх передавался и мне. При каждом шорохе у нас замирали сердца, и мы ускоряли шаг. Мы шли и шли, а лес становился всё более дремучим и безмолвным. Я вспоминал, как вечером, накануне отъезда, зашедшая к нам соседка Хания отчитывала маму за то, что она всё же решилась одна со мной идти через такой лес. "Там могут быть и бандиты и не успевшие уйти немцы – мало ли кто может там быть?" – страшала она. И сейчас я видел по маме, что она сожалеет о том, что решилась идти одна, без попутчиков. Несколько раз я слышал, как она чуть ли не со слезами говорила: "Права Хания, права ты..." Эти восклицания повторялись каждый раз, когда после поворота дорога снова уходила в таинственную темноту лесной чащи. Но и возвращаться было нельзя – надо было добраться до города. Единственной надеждой мамы оставались молитвы из Корана, которые она все время шептала.

В одном месте неожиданно лес слева расступился и открыл поляну, на краю которой располагался небольшой хуторок. Почему-то дома в этом месте воспринимались отчуждёнными, не подающими признаков жизни. Я заметил, что мама побаивается их не меньше леса. "О Аллах, как можно жить в такой чаще", – причитала она, желая жалостью к ним обезопасить нас от них же.

Поляна вскоре кончилась, и лес снова встал стеной вдоль дороги. Неожиданно донесся скрип телеги. Мама решила, что нам надо уйти в лес от дороги, – мало ли кто мог ехать. Но прежде чем мы успели это сделать, телега появилась из-за поворота. Мы в страхе прижались к деревьям, уступая дороге. На телеге, полной кукурузы, сидел мужик с одной рукой, в которой он держал и кнут, и вожжи. Поравнявшись с нами, он вежливо поздоровался с мамой и что-то шутовское сказал мне. Потом он обернулся и крикнул: "Как там Салех? Привет ему!" Мама заулыбалась, и сразу стало нам не страшно и легко, потому что мама вспомнила, что Салех однажды разговаривал при ней с этим одноруким мужиком на пароме возле Корсунской. А там, где знали Салеха, маме ничего не было страшно.

Вскоре открылась ещё одна поляна, справа. На ней две женщины ломали кукурузу. Это были жители хутора, который мы миновали. Мама заговорила с ними о том, что боится одна идти, а те стали её утешать, что сейчас ничего нет опасного, что было опасно раньше, когда были немцы. Потом они сообщили, что из Корсунской будут возвращаться их люди, и что мы их встретим по дороге. Их слова окончательно развеяли у нас страх, и я, расслабившись, стал сильно отставать от мамы, чем её сильно огорчал. Она всё чаще стала мне напоминать, что у нас впереди ещё длинная дорога.

Ни одна душа нам не встретилась, пока мы не вышли на невысокую дамбу. По ней ещё километра два – и паромная переправа через Кубань. Дальше дорога от парома через Старокорсунскую до трассы мне показалась очень длинной. Наверное, потому, что очень я устал от ходьбы через Курго. Зато ехать в грузовике аж до Краснодара было одно удовольствие.

Обратно мы добирались до Корсунской тоже на попутке. Голосовали долго, погода была сырая, мы и продрогли. Добрались до Корсунской, когда темнело, идти через лес мама побоялась и привела меня ночевать к Ганке. Как сейчас помню её высокую, стройную, грудастую фигуру... Помню седые, до плеч, волосы... Помню, что лицо её было не по годам свежо... Накормив всякой всячиной, меня устроили на русской печке. Я заснул, а мама и Ганка долго ещё говорили.

Ночью меня разбудил не то плач, не то вой женщины, но когда я приподнял голову, услышал только, как шушукалась мама с Ганкой, и вновь заснул. Утром, когда встали, заметна была какая-то перемена и в маме, и в Ганке. Несколько раз я замечал, как у Ганки слезились глаза. Она украдкой вытирала слёзы и, придав лицу весёлое выражение, начинала шутить со мной и ласкать меня. Потом снова слезы...

Меня одели во всё уже чистое и сухое. Ганка одарила всякими подарками и лаской. Одно обстоятельство портило моё радостное гостевое состояние. Я чувствовал и в Ганке, и в маме переживание какой-то беды. Ганка плакала, переставала и снова плакала. Я догадался, что и ночью выла она. Когда она пошла провожать нас к парому, плакать прекратила, став опять ласковой и шутовской. Но когда у парома начала прощаться с мамой, рыдания затрясли её. Она отошла в сторону, чтобы совладать с собой. Эта попытка проститься продолжалась несколько раз. Наконец, она поняла, что не получится, махнула рукой и, рыдая, пошла обратно.

На пароме мама была отчуждённой, отворачивалась от меня, смотрела на противоположный берег. Когда паром причалил, мама первой заторопилась сойти, стараясь всех опередить. Мы уже шли

по дороге. Я оглянулся и увидел на противоположном высоком берегу Кубани Ганку. Она шла вдоль берега. По тому, как её локти были выставлены вперёд, а руками она держалась за лоб, я понял: она продолжает рыдать. "Мама, – закричал я, – посмотри! Она опять плачет. Почему она так много плачет?!" И тут прорвало плотину: мама затряслась в рыданиях, как и Ганка, на время остановилась и с неожиданной для неё злостью сказала, что это не мое дело и чтобы я не совал нос не в свои дела. И снова зарыдала.

За все годы войны я ни разу не видел, чтобы мама вот так плакала. Иногда бывали слезы на её глазах, но они быстро исчезали. Видимо, стиснув зубы, она преодолевала все невзгоды тех лет, не поддаваясь внутренним эмоциям. И теперь горечь, обида и невыносимая тяжесть всех переживаний, накопившиеся за все эти годы проклятой войны, прорвали её терпение и неудержимым потоком хлынули наружу. Её рыдания временами переходили в истерику, и тогда, уйдя с дороги в кусты, она не только причитала, но и хлопала себя по бокам, вероятно чтобы как-то привести себя в чувство. Мной овладел страх за неё. Я стал, хныкая, дергать её за руку. Она отдергивала свою руку, отдаляясь от меня, всеми движениями давая мне понять, что я ей сейчас не нужен и вообще оказался сейчас рядом с ней некстати. На некоторое время ей удалось от меня отделиться. Я плёлся и думал, что настал какой-то страшный конец всему. Наконец, мама подавила свои рыдания и стала меня дожидаться. Когда я подошёл, то чувствовал между нами отчуждение. И голос её был какой-то чужой: "Так вот запомни: то, что мы были у Ганки, забудь совсем. Чтобы никому об этом ни слова, понял?"

Дома дня три я ощущал на себе строгий взгляд мамы, говоривший о том, что она контролирует, как я соблюдаю тайну. Но тайна раскрылась в другом месте, где никто и не ожидал. Мои тёти, носившие в Усть-Лабинскую тюрьму передачи Салеху, стали постоянно видеть там Ганку. Она и приходила раньше них, и оставалась, когда они уходили. Весть об аресте Салеха и оплакивала Ганка в ту ночь, когда её бабий вой разбудил меня... Вскоре все мои тётки были солидарны с Ганкой. Соблюдавшийся долгие годы запрет на тему сразу был отвергнут. Это был настоящий бунт молодого поколения Панешей против всего своего рода. Не называя имени, они между собой стали говорить о ней не только с сочувствием, но и с нескрываемой любовью. Никто из посторонних не мог догадаться, о ком идёт речь: так они конспирировали предмет разговора. Но я любил в это время их подслушивать, потому что понимал, о ком они говорят. Помня мамин запрет, я боялся что-либо говорить о Ганке, но сердце моё было полностью на её стороне.

Потом прадеда этапом повезли в Сибирь. Там и затерялись его следы. Как-то услышал от тёток: и Ганкины следы затерялись там же...

...Много раз проезжал я по трассе мимо станции Старокорсунской, и не было случая, чтобы не вспоминал Ганку и Салеха.

Дорогой мой далекий и в то же время близкий предок Салех! Нелегко было тебе в жизни, как всякому, кто не вмещается в её обычные рамки. Много неудобств и даже горя причинил ты людям из-за этого. Но одно тебя оправдывает – твоя последовательность в любви, верность и беспредельная преданность этому чувству, – всё равно: была ли эта любовь к родственнику или к женщине. Твоя верность чувству любви к внучке спасла моей маме и её детям жизнь. Верность этому чувству делала несчастными твою жену и детей. А что она дала Ганке? Всё и ничего. Всё – потому, что она в любви была человеком твоего склада, и ничего, потому что она была женщина и хотела того женского счастья, которого ты ей не дал.

У нас в доме, в маминой комнате, висит фотография Салеха. Поражали меня всегда глаза на фотографии прадеда – глаза учёного и мага одновременно, глаза, знающие такое, что обычные смертные знать не могут. В детстве, когда я видел живого прадеда, внимания на его глаза, конечно, не обращал. Открыл эти глаза, когда повзрослел, ещё в студенческие годы, по фотографиям. Эти глаза смотрят на вас, и вы чувствуете, как они вас понимают больше, чем вы сами себя понимаете, потому что смотрят с мудрой теплотой. Эти глаза делают обычное черкесское лицо необычным. Я уверен, что Салех знал о любви такое, что простым людям было неизвестно.

Что же такое – любовь? Не знающая преград, не укладывающаяся в рамки этнически устоявшейся жизни, национальных преград и многого другого?.. Не исходит ли она из самых глубин нашего Я?..

Любовь помогает видеть вещи не только такими, какие они есть, но такими, какими они могут быть. В понимании человеческих отношений и самого человека это много значит.

Наука познаёт мир с помощью физических приборов. Но, может, есть другая реальность, скрытая от этих приборов, по отношению к которой сам человек выступает прибором? Градуирован этот прибор по шкале любви. Мы не очень понимаем, что такое любовь, но мне кажется: через это непонятное можно понятным образом объяснить ещё более непонятное...

СТЕПАН ДЕРЕВЯНКО

Краснодарский край

Есть писатели, чей литературный стиль ни с кем не спутаешь. О таких говорят: "пишет, как дышит". Таков и наш собрат по перу, прозаик Степан Деревянко, которого в Москве называют "кубанским самородком". Живёт Деревянко в станице Стародеревянковской... Честное слово, это не придуманный каламбур – так случайно совпало. Вот и в рассказах Деревянко нет никаких выдумок – всё подсмотрено, подмечено, подслушано и списано из одного неисчерпаемого источника, имя которому – жизнь.

Когда Степан Павлович читает свои произведения вслух, на его глаза часто наворачиваются слёзы. И мы тоже невольно испытываем внутренний трепет, сочувствуя и сопереживая его героям. Верно сказал кубанский поэт и журналист Владимир Нестеренко: "об их судьбах, зачастую, без душевного волнения читать невозможно".

Некоторые критики упрекают Деревянко за изобилие "балачки". Писатель спокойно их выслушивает и снова щедро сдабривает свои рассказы кубанским говором. А как же иначе? Ведь он – казак! Он гордится своим почётным статусом и всеми силами старается сохранить родной диалект. Благодаря Деревянко, теперь и в Москве знают, кто такие – кубанские хуторяне, патриоты родного края.

В мае земляки поздравят писателя с юбилеем. Редакция журнала "Краснодар литературный" горячо присоединяется к добрым словам и поздравлениям. Ваши произведения, уважаемый Степан Павлович, дороги нам узнаваемостью героев, теплом сердечным и состраданием к ближнему. Всем тем, что и составляет главное достоинство русской литературы.

ВСТРЕЧА ПЕРЕД ПАСХОЙ

Новелла

Стою в центре станицы. Через два дня Пасха, жена послала в магазин, скупился и собираюсь домой. Но торопиться не хочется – день тёплый, солнечный и тихий, про такой можно сказать "ласковый". Гляжу, с трассы съезжает старенькая иномарка и, не сбавляя скорости, ныряет в стоянку машин на свободное место рядом со мной. Из неё выскакивает худой, высокий и склонённый как камышина мужик и, швырнув дверь машины, устремляется к магазину. Да это ж Казанок, друг детства!

– Мыкола, тпр-р-у! – кричу я.

Так мы всегда в нашей компании его останавливали – он не ходил, а почти бегал, и, как помню, с малых лет был худой и высокий, такой и остался. Мыкола на быстром шагу тормозит, поворачивается, прищуривает глаза от солнца и бежит ко мне. Обнимаемся.

– А я думаю, хто цэ мэнаэ останавлило, а цэ Стыпан! Здоров, старый кинь!

Помнит, что мы пацанами так обращались друг к другу, а кинь – это конь на балачке.

– Здорово, здорово, друг. Скилькэ цэ мы ны бачилысь? – спрашиваю я.

– Та давно, годив дэсять, може бильш, – говорит Мыкола.

– И як поживаешь, дружок-пирожок? – перешёл тоже на балачку, потому что знаю, Николай, бывший колхозный механизатор и хуторской житель на чистом русском чувствует себя неуютно.

– Вжэ нычэгэнько, доктора трошки поризалы, довго болив, но очухався, слава Богу. Бачишь – бигаю.

– Та бачу, як витэр пронисся и мэнэ ны побачив. А куда биг?

– Та мамка послала якись симина помидорив купыть, два часа мотаюсь – ныма нызэ, можэ, у вас тут найдуця.

– Мамка послала? – переспрашиваю я.

– Мамка, а шо? – удивляется он.

– Жива?

– Жива, а шо?

– Та скилькы ж йи?

– Тилькы дивяносто два. Та вона ще двир пидмита, город полэ, мэнэ ганяе, шоб ны сыдив биз дила.

– Так тоди ты, дружок, из долгожителив и радуйся – мамка жива! Тэбэ ще сыном е кому назвать!

– Та радуюсь, и тётка жива, той дивяносто чытыри, ще до нас в гости прыходэ. И тоже така суха и высока. Мы вси таки, всэ мамкынэ пориддя. А твоих батькив вжэ ныма? – осторожно спрашивает он.

– Ныма, ты ж знаешь, воны ны молоди булы, колы я родывся. Гододовку, войну пырыжили. Давно помэрлы. Воно и нам с тобой, Коля, чырыз мисяц семьдесят.

– Та ото ж, ну мини, дружок, бигты нада, звиняй. Забижы на Пасху, побалакаем.

– Пидожды, мамка ще пыче птычок из тиста*, як колысь пыкла?

– Пыче! И пирижкы, и птычкы, и бублыкы, и паскы с жинкой пычуть. Та забижы на Пасху, мамка порадуеця, вона помнэ тэбэ, жинка ей твои кныжкы читае. Та й посыдым, як люды.

И он обнимает меня, трётся небритой щекой о моё ухо и улыбается, как его мамка, тётя Дуся, всегда улыбалась, даря нам, Колькиным друзьям, на Пасху испечённые маленькие пасочки, пряники, бублики и сладких соловьёв – так она называла пасхальных птичек. Дарила их, крестила нас и говорила, что в каждом соловье на Пасху живёт Бог. И улыбалась при этом широко, радостно, а глаза её щурились и смеялись. Шибутная была в молодости тётя Дуся! Я потом долго носил в кармане штанишек завернутого в бумажку сладкого соловья, и мне так хотелось его съесть, но я боялся съесть Бога, и аж когда соловей превращался в крошки, я съедал их и говорил: "Спасибо тоби, Боже, шо ты такой вкусный".

Жива тётя Дуся, Колина мамка, он живой, жива его жена Тася – какая радостная встреча у меня сегодня! Обязательно поеду к ним в гости, проведу и, может, получу из рук тётя Дуси соловья, в котором живёт Бог...

* Пояснение автора: Христианский праздник "День памяти сорока Севастийских мучеников – Сороки – 22 марта. Песня птиц в этот день символизирует обращённую к Богу молитву мучеников. Этот день считают Днём всех православных мужчин, защитников христианства. Но праздник ушёл в прошлое, стал людьми забываться. Но не забыты птички из теста – символ этого праздника, которые пекут женщины (и тётя Дуся) вместе с пасхальными куличами (взято из интернета).

КАЗАЧКА КЛАВА

Рассказ

Меня пригласил старый друг погостить у него в донской станице. Мы с Мишей почти полвека знакомы, дружим семьями, оба казаки, только я кубанский, оба начали в девяностых возрождать казачество, оба от этого возрождения не в восторге, потому что обычным, "бездолжностным", казакам

от него никакого толку. Оттого новое казачество и идёт вперёд ни шатко ни валко. Мы это оба понимаем, но кровь предков не даёт нам покоя, и мы, два немолодых казака, в этом непонятном деле ещё на что-то надеемся. Но на темы возрождения мы с Мишей говорим мало, ибо что ни говори и не думай, всё упирается в сердце современного человека – там, как сказал патриарх Кирилл, всё решается. Только чего в этом сердце больше – добра или зла, греха или праведности, сам человек не знает и не понимает, и что хуже – знать не хочет, отупел от интернета и поисков заработка. А "инет", в отличие от Господа, разума не добавляет, но душу выедаёт. Миллионы в России таких калек. А сколько их в казачестве? Но мы завтра на эту тему с Мишей потолкуем, если удастся. Завтра спозаранку мы отправимся на ловлю леца (чебака) – лец, не выдержав засолённости Азовского моря, пошёл в Дон на пресную воду и добрался уже до Мишиной станицы, потому я приглашён. "Завтра, – предвкушаю я, – "заарканим" азовского бродягу!" Рыбалка – единственная мужская радость и промысел на вольной реке, бесплатный в нынешние российские времена.

– Размечтался? – "приземляет" меня Миша, – А надо ещё сварить приваду и подготовиться. Счас съездим в магазин за крупой.

Съездим так съездим. Миша петляет по кривым улочкам станицы, ругается на дорожников, налепивших крутогорбых "полицейских", а я любуюсь старыми казачьими домами, которых здесь ещё немало. Дома эти усадебные, просторные, с круговыми балконами под окнами, как в кавказских селениях. Стоят на высоких, в рост человека, фундаментах из кирпича или камня. Это необходимо было при разливах Дона. Тогда в домах казаки спасали скотину и птицу от ледяной весенней воды. У нас в степной Кубани такие дома не строили, ставили турлучные или саманные хаты, но в продувные холодные зимы рождённых телят, чтоб не застудить, заносили в хату. В хате выпаивали молоком и приучали к сену аж пока не начинал выбрыкивать. Тогда переводили в хлев к мамке "Зорьке" или "Ночке", чтоб коровушка порадовалась дитяти. А пока бычок или тёлочка жил в хате, у детей была обязанность – подставлять горшок, когда тот писает. Я после войны, в пятидесятых, пацанёнком горшок подставлял, а если опаздывал, получал иногда от родителей подзатыльник. Но зато каково было под смех старшей сестры давать "Звёздочке" под шершавый язык свой кирпачный нос! Такой жизнью жили казаки и в этих донских домах.

* * *

Миша остановил УАЗ "Патриот" у магазина.

– Посидишь или пойдёшь со мной? – спросил он.

– Посижу, тебе ж не мешок нести.

Миша ушёл. Сижу, смотрю на пустырь напротив – бурьяны, сколько глаз видит! Это места былых сильных затоплений. Видимо, власти не знают, что с ними делать – люди не берут под застройку, боятся, хотя Дон давным-давно не разливается – зимы малоснежные. Вообще, станица построена интересно: состоит из нескольких близких хуторов, разделённых такими пустырями. Теперь их превратили в улицы с названиями, но люди по-прежнему не называют улицу, где живут, а говорят – хутор.

Пока я так думал, увидел мчащуюся в мою сторону серебристую иномарку. Не доезжая до магазина, машина ушла на гравийную обочину и полетела в лоб УАЗу. "Вот это гонщик! – пронеслось у меня в голове, – Пьяный, что ли?" Но машина резко затормозила, подняв облако пыли, и остановилась почти у бампера "Патриота". Я собрался было выйти и сказать что-нибудь "ласковое" водителю за такую езду, но раскрыл рот. Из пыльного "Ниссана" вышла "фея", мило мне улыбнулась, подмигнув, и пошла в магазин. Наверное, я не закрыл рот от удивления – фея была роскошной молодой женщиной, и настолько крупной, что бёдра под лёгким весёленьким платьицем играли как у мощной машины шатуны, поддувая движением ситчик. "Вот это да! – выдохнул я, – разве таких женщин ещё

рождает Россия?". Но ведь и лицом хороша! И руки красивые, словно точёные, правда, кулачок крепкий, крестьянский. О груди умолчу – туман глаза застил...

Видно, был я ошарашен в самом деле, коль не обратил внимания, как сел за руль Миша и от моего вида захохотал.

– Что, сдрейфил и обалдел от нашей казачки?

– Есть маленько. Но у вас что – все так ездят? – пришёл в себя я.

– Она ездит, у неё прозвище Бешеная Клава. Но учти – ни одной аварии до сих пор!

– Отчаюга! Но хороша, поверить невозможно, что не перевелась порода таких женщин.

– Не перевелась, слава Богу, у неё и дочь такая растёт – крупнокалиберная.

– А муж есть? – спросил я.

– Был, но сбежал, видать, придавила бёдрышками...

– Уже, наверняка, пожалел, что сбёг... А чем она занимается?

– Фермерствует, коровы у неё дойные, две лошади, одна выездная, на ипподроме купила больную, выходила, и теперь сама в роли жокея на выездке. Лихая дама, скажу тебе! – Миша аж прицокнул языком.

– А кто в хозяйстве работает?

– Сами с дочкой справляются, доят коров вдвоём. С молока живут, молодцы, настоящие казачки!

Так, с разговором, мы заехали к Мише во двор. Потом варили из перловки, чеснока и ещё чего-то пахучего приваду, накачивали спустившую резиновую лодку, проверяли мотор, снасти и утром, когда забрезжил рассвет, пристегнули лодочный прицеп со всем "хурхуажем" к УАЗу и через минут сорок стояли на якоре вблизи донского фарватера и рыбачили.

Начало рассветать, и недавно чёрная вода стала зеленоватой, по лесистым берегам прекратили своё уханье и устроились на сон совы, и где-то в станице затарахтел пускач трактора. День начинался. Миша подсёк крупного леща, я подвёл подсак, и живое азовское серебро оказалось в лодке. Сам я удил невнимательно, поклёвки срывались. Миша это заметил и сказал:

– Ты сегодня вроде как без рыбацкого интереса, витаешь где-то или наша Клава во сне привиделась?

– Ты прав, – ответил я, – сюжет рассказа о ней в башке вертится, но пока не складывается.

– Сейчас сложится твой сюжет, я тебе вчера не всё рассказал про Клаву, про её прозвище.

Миша помолчал, передёрнул поплавок и продолжил:

– Два года назад её остановили дэпээсники на трассе за станицей. Дело было в летнюю пору, вечером. Она остановилась, вышла из машины, улыбнулась им – а была одета так же лёгенько и красиво, как вчера ты видел, ну, у ментов челюсти и поотвисали. Автоматчик, когда обрёл дар речи, выдал: "Вот тебя бы я поимел, красавица!". "Когда?" – спокойно спросила Клава. "Да хоть сейчас!" – загоготал мент. "Счас поимеешь", – и вlepила кулачком ему в глаз. Мент от неожиданности ошалел, а второй, чтоб "не поиметь", спрятался в машину. Клава уехала.

Менты подали на неё в суд, но судья-мужчина, не поверив в случившееся, вызвал Клаву для объяснений. Она рассказала, как было дело. Когда Клава ушла, судья, усмехнувшись, сказал, чтоб слышала секретарь: "Да, такая могла "засветить" дураку хороший фонарь". Потом, подумав, позвонил ментам и посоветовал заявление забрать, чтоб с них не смеялся весь Дон. С того случая на трассе и прилипло к Клаве прозвище, а она – нормальная трудовая женщина, любящая быструю езду.

Против течения на нас надвигалось большущее судно, гремя дизелями.

– Танкер, зараза, разгонит рыбу. Поднимай якорь, переплывём. Рыбаки, вон, убегают от фарватера, – сказал Миша.

Он завёл мотор, мы переплыли на новое место, но уже начало хорошо пригревать солнце и лещу расхотелось кормиться нашей привадой.

– Амбец рыбалке, скоро припечёт – не усидишь. Сколько поймали?

Я вытащил из воды садок.

– Кажись, пятнадцать.

– Неправильно. Пятнадцать чебаков и один сюжет наудили мы с тобой, друг, – пошутил Миша, – будем сматывать снасти.

Вскоре мы прибыли к Мише во двор, отдали рыбу его жене Любаше, и стали ждать уху. Миша ушёл делать что-то по хозяйству, а я сел в беседке, чтобы набросать канву будущего рассказа, и задумался: в чём же всё-таки беда возрождённого казачества, (если не учитывать интернет и "болезни" сердца), почему мы, казаки, лишь в малой степени похожи на своих предков, уничтоженных большевистским рассказыванием? Да, наверное, в том, что современное казачество не заявляет в ГОЛОС о своих проблемах, а живёт тихо, незаметно, трудясь там, где удалось найти работу. Казакам не хватает того, что досталось от рода казачке Клаве: смелости, решительности, задора – всего того, за что любили казаков.

...А к обеду поспела с ухой Любаша. И мы втроём хорошо "посидели", попели, как по Дону гулял казак молодой, а потом пошли с Мишей на кладбище поклониться стародавним казачьим могилам. И, стоя перед оббитыми наклонёнными крестами предков и стирая ладонью слезу, я понял, чего ещё не хватает моему казачеству – вот этих крестов с исчезающими зубильными надписями: сотник..., хорунжий..., казак... Поисчезало на наших станичных погостах наследие вековой казачьей памяти. Воистину: что имели – не сохранили, потерявши – заплакали.

С какой-то саднящей душевной болью покидал я станичное донское кладбище, где покоились казаки и их потомки одной фамилии многих поколений – от дней былых до дней нынешних. Целые родовые пантеоны! Как это всё просто, понятно и нужно живым...

Солнце клонилось к вечеру, когда мы покинули погост и вышли на асфальтированную дорогу, которая огибала кладбище и вела в станицу. Мы шли к Мишиному дому не спеша и молча – каждый думал о своём. Но наши раздумья прервал цокот копыт. На перекрёстке показалась каурая* лошадь, запряжённая в тренировочную ипподромную качалку.

– Гляди, наша амазонка, выгуливает кобылку, – сказал Миша.

– И себя, красивую, – добавил я.

Мы улынулись. А Клава гикнула, лошадь пошла иноходью, и возле нас наездница повертела над головой батошкой, свистнула, и каурая наддала, зафыркав. Мы залюбовались скачкой. Клава сегодня была в другом нарядном платье с шарфиком, и шарфик метался, как хвост запущенного в небо змея.

– И ветру её не догнать! – восхищённо произнёс Миша.

* Каурая – рыжеватая масть лошади

ИРИНА ИВАНЧЕНКО

Краснодарский край

Ирина Иванченко, прозаик, активный участник литературного объединения "Поиск", г. Новокубанск

МЫ ПОМНИМ...

Усач торпедой выметнулся из-под воды. Хищное серебристое тело рыбы изогнулось полумесяцем, на короткое время словно бы застыло в воздухе, роняя с хвоста капли и... сорвалось с крючка!

От обиды на несправедливость и жестокость происходящего у Кости даже в ушах зазвенело. Потом он понял, что звенел мобильник из сумки. Ну вот, ещё и это! Кому там завтрак поперёк горла без Костиного общества?

– Костя, ты подъехать сможешь? – Юлия Александровна! И тебе ни "здрассти", ни "как живёте". Когда Костя вступал в волонтерскую организацию станицы, он даже не подозревал, сколько всего ему придется делать в самых разных местах в любое время суток. Звонок куратора – и поскакали: вокруг памятника Пушкину убирать, детскую площадку ремонтировать, в конкурсе паркурщиков участвовать и старушек через дорогу переводить. И никого при этом не волнует, что волонтер на рыбалке, а рыбалка – это святое! На рыбалку даже мама не звонит!..

– Да, Юлия Александровна. Куда нужно подъехать и что случилось? – эмоции он, конечно, постарался сдержать.

– Если можешь, к дому культуры подъезжай... – Куратор говорила очень тихим и странно напряженным голосом. – У нас тут немцы!

– Сейчас буду! – Косте вдруг представилось, как по центральной улице станицы, мимо дома культуры едут немцы на мотоциклах, требуют млеко, курку и яйца, стреляют в воздух из "шмайсеров" и пьют прямо из горла высоких запотевших бутылей ядрёный трофейный самогон...

С трудом отогнал видение, быстренько собрал удочки и заспешил вверх по склону холма. Да, немцы, конечно, дело серьёзное. Среди жителей станицы Костя был одним из немногих, кто мог сказать немцу фразу длиннее: "Хенде хох! Вафн хинлэгн!" Это сейчас в школе учат только английский язык. Костина бабушка по отцу когда-то преподавала немецкий. Она очень скучала по работе, и рождение внука стало для неё подарком. Костя довольно свободно изъяснялся на немецком. Произношение немного хромало. Исключительно от того, что в станице, кроме бабушки, и поговорить-то не с кем было. А тут немцы! Языковая практика! Нужно поспешить.

У дома культуры припарковалась довольно грязная "Нива-Шевроле". Слабовато для немцев... Почему не танк? В фойе оживлённо спорили на высоких тонах. Три незнакомца что-то возмущённо доказывали двум девушкам из клуба. Костя тихонечко осмотрелся. Кроссовки пришельцев явно хлебнули грязи, значит, добирались полями. У каждого в костюме присутствовало что-то камуфляжное: у одного – бандана, у второго – куртка, у третьего – штаны... Кого-то раздели? Разговор шёл по-русски. Тот, что в бандане, молчал и скользил напряжённым взглядом по лицам собеседников.

– Гутн таг, канн их ихнен хелфен? – обратился Костя именно к нему. В конце концов, изо всех присутствующих он на немца больше всего и смахивал. Невысокий, сухопарый, белая кожа уже чуть прижарена ярым южным солнцем, глаза водянисто-серые.

– Благодарю вас, я говорю по-русски – незнакомец чуть усмехнулся краешками губ.

– Вот! Это Костя! – Юлия Александровна с видимым облегчением привлекла внимание пришельцев к своему подопечному. – Он знает всю округу и сможет показать вам всё что угодно!

– Что нужно показать? – в округе имелись такие места, куда Костя даже по личному приказу Путина никого бы не повёл. А скорее всего, именно они-то приезжих и интересовали.

– Мы из Ростова, поисковый отряд "Память". – Мужчина в камуфляжной куртке пребывал в некотором раздражении, но ещё пытался это скрывать. – Вот, девушки уже знают, работаем с поисковиками Германии по обмену. Они ищут у нас своих, мы следим у них за могилами наших... Ты действительно хорошо знаешь округу?

– Разумеется! – ласково улыбнулся Костя. – У нас-то вы чего ищете, позвольте узнать?

Мужчина фыркнул. Остальные переглянулись.

– Они же поисковики, – быстро вмешалась Юлия Александровна, – Ищут захоронения немецких солдат времён Великой Отечественной...

– Так на вашей территории есть немецкие захоронения? – активизировался немец. Говорил он неестественно чётко, слышался небольшой акцент. Его изучающий взгляд показался Косте неприятным.

– У нас в станице – нет. Неподалёку от города есть немецкое кладбище. Несколько могил, там смотрительница есть, может вам рассказать их историю.

– По нашим картам выходит, что в вашем посёлке есть захоронение порядка 80 могил, – не унимался немец.

"Карты! У них есть немецкие карты местности!" Костя даже подобрался весь. Увидеть настоящие немецкие штабные карты в определённых кругах считалось большой удачей.

В фойе дома культуры вошёл Роман Юрьевич, глава администрации станицы.

– Добрый день, чем могу вам помочь? – обратился он к приезжим. Пока шёл официальный обмен приветствиями и регалиями, Костя наострил ушки. Он очень хотел увидеть карты. Поэтому сделал максимально компетентный и заинтересованный вид, протиснулся ближе к столу вахтёра, на котором поисковики начали раскладывать своё добро. Целых 16 листов довольно чётких ксерокопий. Немец тыкал длинным пальцем в карту и требовательно вопрошал: "Санитарное захоронение..., госпиталь, что там у вас сейчас?"

– У нас нет данных ни о каких захоронениях, – Роман Юрьевич говорил негромко, чуть отстраняясь от напористого немца.

– Но это же ваша история! Стыдно не знать её! – возмутился немец. Карты соскользнули со стола и веером разлетелись по полу.

Нет. Этот тип Косте определённо не нравился. В другое время он, конечно, и не подумал бы лезть под руку главе администрации, но любое напоминание о Великой Отечественной тревожило, саднило душу... Словно не 73 года назад война кончилась, а вот только вчера. И он, Костя, с неё ещё не совсем вернулся...

– Наша история? – поднимая карты с пола и стараясь хоть что-то понять и запомнить, переспросил Костя. – Это, извините, не наша история, а ваша. Свою историю мы знаем. Хотите могилу Неизвестного солдата покажу?!

– Что значит, "не знаем"? – глава администрации тоже повысил голос. – Вы вообще представляете, о чём спрашиваете?! Я в этой станице с рождения живу. Мои деды и прадеды здесь жили. Если бы где-то у нас под боком похоронили 80 человек, неужели бы я не знал?!

– Госпиталь у нас в станице действительно был, – продолжил Костя. – Здесь квартировали румынские мотострелковые части. Особенно жестоких боев за станицу не было. Только за переправу наши дрались отчаянно, даже мост подорвали... Им это, правда, не помогло. Но 80 человек... Это слишком много... О таких потерях наши старики не рассказывали...

– Вы можете показать нам в реальности это место? – предводитель поисковиков указал точку на карте.

– А может, вы бы в музей проехали? В наш, краеведческий, – предложил Роман Юрьевич. – Там вам в подробностях всё расскажут и даже покажут...

– В музей мы и так поедem, но позже.

– Хорошо, я провожу, – кивнул глава. Особого энтузиазма в его словах не было.

– Роман Юрьевич, можно с вами?! – вскинулся Костя. На его глазах разворачивались интересные события, и он не собирался ничего упускать.

– Да, конечно. Давай в машину, – глава попрощался с девушками из дома культуры и проводил приезжих за дверь...

У главы станичной администрации такая же "Нива-Шевроле", только чистая. Он окинул Костю пронизательным взглядом и сурово предупредил.

– Пока я не получу официального подтверждения из района или из края, что эти парни действительно поисковики и имеют полномочия кого-либо искать, чтобы духу твоего возле них не было, понял? И дружкам своим скажи... Опасные у вас увлечения...

– А мы что, мы ничего... – Роман Юрьевич раньше в школе ОБЖ преподавал. Про него там до сих пор легенды ходят.

– И лишнего в их присутствии не болтай.

– Про немцев в огороде у бабки Ули не рассказывать? – на всякий случай уточнил Костя.

– Рыбкой молчи, – кивнул глава, – только официально известные места. Мемориал, старая мельница, можешь госпиталь показать... И больше молчи, парень ты ушлый, как бы беды не вышло... Коллекционеры – люди опасные. Сдаётся мне, с этим немцем не всё чисто.

Вот в этом Костя был абсолютно согласен с Романом Юрьевичем. Ростовские поисковики скорее всего были настоящие, а вот гражданин Германии мог и умолчать об истинной цели своего визита. Костя вырос на рассказах о войне. Так уж получилось, что история всегда была его любимым предметом в школе. А тут ещё Юлия Александровна со своими подопечными. Волонтёры часто общались со станичными стариками. Помощь по хозяйству, с днём рождения поздравить. Довольные вниманием хозяева не упускали возможности поговорить с молодежью за жизнь. Костя всегда старался свести эти разговоры к событиям Великой Отечественной. Не давала ему покоя эта война. Столько вокруг неё было накручено разного, героического и подлого, трагичного и смешного. Живые рассказы делали своё дело... Вот и сейчас не мог Костя спокойно упустить этого немца, не мог...

Как и предполагал Костя, официальные памятники и могилы гостей не заинтересовали. Они вежливо выслушали подробный Костин рассказ о боях за родную станицу, но от своей идеи разыскивать на улицах следы захоронений не отказались. Пока Костя рассказывал, Роман Юрьевич успел кому-то позвонить. После этого разговора вид у него стал еще более задумчивым и даже немного встревоженным. Совместными усилиями постарались совместить старые карты с нынешними данными спутников GPS. Выяснив примерное местоположение интересующего немца объекта, разошлись по машинам. Глава администрации недоумевал.

– Бред какой-то... – сказал он Косте. – Ну пустырь там... Всегда пустырь был. Мальчишками в футбол играли... Ни про каких немцев слыхом не слыхивали. Восемьдесят человек всё же не троепятеро. Такое от людей не скроешь...

Поисковики прошлись по пустырю, окружённому десятком домов. Слишком много времени прошло. Обычный участок земли с неровным рельефом, заросший бурьяном с обязательной тропинкой наискосок, по которой местные срезали путь между двумя улицами.

– Судя по картам, они здесь, – настаивал немец. – Нужно проводить раскопки.

– Никаких раскопок без разрешения краевых властей! – жёстко ответил Роман Юрьевич. – У меня тут люди живут...

– Это варварство! – не унимался немец, – Мы сохраняем могилы ваших солдат, а здесь кто-то специально все сровнял с землёй... Мёртвым не мстят.

– Никто никому здесь не мстит, – тяжело вздохнул Роман Юрьевич. – Свидетелей-то уже в живых не осталось. Больше семидесяти лет прошло. Тогдашние дети теперь уже старики... Можете нам не верить, но тут действительно никого не хоронили. Если добудете разрешение, я никаких препятствий чинить не буду...

– А почему мы должны оправдываться?! – не выдержал Костя. – Варварство – это когда немецкому офицеру не понравилась беременная женщина и он в неё выстрелил! Просто так! Попал бы много выше, я бы с вами не разговаривал, потому что это была моя прабабушка. У нас в семье до сих пор про это рассказывают. И таких историй по нашей стране сотнями тысяч. Двадцать пять миллионов погибших... Да если бы тут действительно лежали эти ваши солдаты, я бы лично им памятник отгрохал. Людей бы сюда водил на экскурсии...

– Спокойно, пацан, спокойно... Ты чего несёшь-то... – один из поисковиков придержал Костю за плечо. – Какой еще памятник...

– А такой! – Костя стряхнул с плеча чужую ладонь. – С надписью на всех языках: "Здесь лежат те, кто без приглашения пришел на нашу землю, чтобы грабить и убивать". Это чтобы другим неповадно было!

– Костя! Успокойся, иди в машину! – приказал Роман Юрьевич. – Довольно митинговать, я свои предложения озвучил. Возвращайтесь с официальным разрешением на раскопки.

– Молодой человек! – немец растерянно посмотрел на Костю. – Я не ... Вы не так поняли... Я просто хочу, чтобы все солдаты обрели покой. Мы все этого хотим. Когда мы похороним последнего солдата этой страшной войны, тогда она закончится...

– Главное, чтобы новая не началась, – вздохнул Роман Юрьевич, подталкивая Костю в машину и хлопывая за ним дверцу.

Суматошный этот день уже подходил к завершению. Глава станичной администрации, ненадолго заскочивши в свой кабинет, присел за рабочий стол. Ослабил узел галстука, задумался... Недавние приезжие всё никак не шли у него из головы. Роман Юрьевич набрал на мобильнике номер.

– Ну что, Леонидыч? – поинтересовался он в трубку. – Как там наши немцы, добрались к тебе в музей?... Нет ещё... Ну что ж, будем ждать... Будем ждать.

ЭХО МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ

Для хозяйственных нужд понадобилось выкопать небольшую яму. Саня отступил от сарая с десятков шагов, поплевал на ладони и взял в руки лопату. Нет. Денёк начинался радужно и к раскопкам вовсе не располагал. Вот с удочками и на речку бы сейчас, это да...

Работа шла споро. Яма правильной четырёхугольной формы увеличивалась в размерах, отвал земли рос. Немного пришлось повозиться со старой тютиной, чьи корни назойливо лезли под лопату. Зарываясь все глубже в родную землю, Саня невольно начал подумывать о кладе. В самом деле, а почему бы и нет? Район у нас с признанной древней историей. Всякие племена проживали на его территории. Отчего бы какому-нибудь ушлому князю побогаче и не зарыть часть своего имущества на месте Саниного огорода? Лопата со скрежетом врубилась во что-то металлическое. Саня с сожалением отставил мысли о кладе в сторонку. В благодатной почве вот уже второй час подряд в изобилии попадались различные предметы. Старые лопаты, обломки сошек и прочая ветхая металлическая утварь. Душа уже не вздрагивала в предвкушении: а что же на этот раз?

Немного расчистив землю, Саня увидел стенку довольно большого железного ящика. Ого! Да неужели?! Князя в таких сокровища, конечно, не хранили... Но в более поздние времена отчего бы и нет... Неловкое движение лопатой и сопревшая от времени стенка ящика просто отвалилась. Под ноги Сане выкатились ... миномётная мина и граната Ф-1, в просторечии именуемая "лимонкой".

Н-да... Вот те и клад... Саня присел над "сокровищами" и задумчиво заглянул в развороченный ящик. В нем виднелось ещё несколько подобных "подарочков" судьбы. Ржавые. С выкрученным стабилизатором. Неужели со времен войны здесь лежат?! И что теперь делать? Саня аккуратно выложил гранату и мины на край ямы. Получилось символично. Сидит он на дне окопа, над головой облака...

У соседей залаяла собака. Наваждение сгинуло. Копать больше не хотелось. Да и с минами явно что-то нужно решать. Пришла жена. Саниного энтузиазма по поводу находки не разделила. На "сокровища" смотрела с явным испугом.

– Надо вызвать МЧС! – категорично заявила она с ходу.

– Зачем? – удивился Саня.

– А что ты с ними делать собираешься? Обратно закопаешь?

– Как вариант... – Связываться с официальными властями Сане не хотелось. Он представил себе, как по его огороду будут галопировать разномастные камуфляженосцы, и тяжело вздохнул. Жене хорошо говорить, она на работу упорхнёт и поминай, как звали. А Сане объяснительные писать замучишься.

– Здорово, Санёк! – на поле боевых действий появился шурина. Жизнерадостно потирая руки, склонился над ямой. – Ох ты! Чего это у тебя тут?

– Да вот, – Саня уныло ткнул боеприпас носком кроссовки, – эхо минувшей войны, блин... И что теперь с ним делать?

– Как что делать?! – в глазах шурина возгорелся огонёк. – Эх ты! Да мы с ними такую рыбалочку замутим!

– А кто ваши кишки с деревьев собирать будет? – вмешалась жена. – Эти штуки могут рвануть в любой момент, а не тогда, когда вам этого больше всего хочется...

– Это минометные мины, – пояснил Саня штатским членам своей семьи. – Они так просто не взрываются. Вот если только "лимонка"...

– Вы как знаете, а я звоню в МЧС. И сразу скажу, сколько их было. – Жена заметила мечтательный взгляд своего брата. – Если хоть одна пропадёт, сами объяснитесь.

Кому она там звонила, неизвестно, только под вечер пришёл участковый. Осмотрел место происшествия, обсудил с Саней цены на бензин и вчерашнюю игру спартаковцев, выпил чашку кофе. У него боеприпасы тоже вызвали неподдельный интерес. Он даже с ними немного пофотографировался мобильником и ушёл, пообещав, что скоро приедет группа для охраны объекта. Саня понял, что в ближайшее время докопать яму точно не получится.

Гости прибывали. На милицейском УАЗике приехали представитель военкомата и три милиционера. Все охали, ахали, фотографировались с минами в обнимку и пили Санин кофе. Представитель военкомата доверительно сообщил, что граната представляет наибольшую опасность из найденного, но чтобы её уничтожить, нужна специальная группа, которая прибудет только через сутки. Милиционеры – молодая симпатичная девушка и два парня, записали показания Сани по поводу обнаружения боеприпасов, весело поболтали о том о сем и уехали, оставив у ямы самого весёлого в качестве охраны на ночь. От вездесущих мальчишек, дабы они не растащили найденные Саней "сокровища" на сувениры.

Саня уже порядком устал от посетителей, а тут ещё любопытные не в меру соседи, которых очень беспокоили зачистившие милицейские УАЗики. Однако для пресечения паники Сане запретили говорить о боеприпасах.

Сержанту Серёге выделили одеяло и кофе, постелили на диване в кухне и стали ждать обещанного фейерверка. За ночь милицейский УАЗик подъезжал к дому ещё пару раз, проверить бдительность сержанта Серёги и сохранность ямы с боеприпасами. Саня уже готов был закопать яму вместе с минами и бдительной женой в придачу...

Специалисты по взрывам прибыли к вечеру в воскресенье. Вот это уже от соседей скрыть было невозможно. Здоровенный армейский грузовик, солдаты в форме... Соседи высыпали на улицу и прямо поинтересовались у Сани, какого хрена он отрыл у себя на огороде, что это настолько заинтересовало правительство?!

– Атомную бомбу! – ляпнул доведённый до предела терпения Саня.

Милиционеры принялись отгонять любопытных подальше. Командир спецов, судя по погонам, майор, заявил, что граната может и рвануть... Саню, как хозяина, почему-то никто не трогал. Он наблюдал процесс извлечения и транспортировки боеприпасов в грузовик от начала и до конца. У парнишки в бронезилете по бледным щекам стекали капли пота... Коробка с минами не могла быть настолько тяжелой. Саня сам несколько раз перекладывал их с места на место... Когда последняя коробка, в которой лежала граната "лимонка", оказалась в грузовике, майор снял фуражку, вытер мокрое лицо и сказал тихо:

– Ну, слава Богу... Теперь поехали потихоньку.

А ведь эти люди боялись. И они знали, чего боялись...

Как только грузовик в сопровождении милицейского УАЗика скрылся из виду, соседи обступили Саню, и на его голову посыпались различные версии о том, как именно ящик с минами попал в его огород.

– Здесь окопы были, – вспомнила соседка напротив. – Мне бабушка рассказывала. Как раз в твоём огороде у них штабная землянка находилась...

– Ведь мы же все могли взорваться! Все! – причитала соседка слева. Словно в подтверждение её слов где-то за рекой в отдалении ахнул взрыв. Это специалисты-подрывники разобрались с боеприпасами на противоположном берегу реки.

Саня с большим трудом сумел уйти домой.

Конец этой эпопеи вышел неожиданно приятным. Спустя месяц Сане позвонили из военкомата и сообщили, что он может получить деньги, за сдачу боеприпасов. Получилась довольно кругленькая сумма. Пересчитывая новые хрустящие купюры, Саня заметил жене:

– Знаешь, отец рассказывал, что у нас в огороде со времён войны где-то неразорвавшаяся авиабомба лежит... Поищем?

ПЛАВАЛИ – ЗНАЕМ!

Натужно взрѣвывая мотором, лязгая гусеницами по камням, танк выполз на пригорок. Отсюда открывался отличный вид на Химмельсдорф. Но привлекала не только зрелищная панорама. С пригорка танки противника просматривались как на ладони. "Подохну, так хоть "подсвечу" напоследок" – решил Саня. Что-то грохнуло. До него не сразу дошло, что звук идёт снаружи. Однако громкость звука не позволяла его игнорировать. С трудом оторвавшись от монитора, Саня выглянул в окно. Его

семейство в каком-то нездоровом ажиотаже суетилось во дворе. Жена набивала припасами здоровенную клетчатую сумку – "мечту оккупанта".

– Эй, вы что тут делаете? – нетерпеливо осведомился Саня, за спиной всю разворачивалось сражение.

– К потопу готовимся, – мрачно ответила жена. – Ты ж на фронте... Так и будешь сидеть, пока водой не унесёт!

– Типун тебе... Да не будет ничего! – злость Сани мешалась с виноватостью. Носиться по дому угорелой белкой в попытках поднять всё имущество на недосыгаемую для воды высоту ему вовсе не улыбалось. К тому же, домашние неплохо справлялись: в комнатах царил хаос. Детскую кроватку подняли на кирпичи, сложили в неё одежду. Посреди кухонного стола возвышалась торба – документы, деньги и упаковка памперсов сверху... С ума сойти...

Призывный грохот боя вернул его обратно за комп. Нет, пофигистом Саня себя не считал. Его тоже нервировало постоянное ожидание катастрофы. Просто за последние тринадцать лет ситуация повторялась ежегодно, по одному и тому же сценарию с незначительными вариациями. В этот раз, к примеру, жену отпустили с работы пораньше, и она успела подготовиться к потопу на свой вкус: книжки и рукописи спрятать повыше, всё ценное – в детскую кроватку, задранный чуть не под потолок – красота!

Приехал шурин.

– Ну чё, эвакуироваться будем? Эвакуатор подан! – громогласно заявил он с порога. – Только давайте поживей, я сегодня на днюху к другу еду...

– Саня... – жена как-то жалко улыбнулась и без сил опустилась на стул. Приезд брата явно утвердил её в наихудших опасениях.

– Так, собирайтесь, живо! – скомандовал Саня, подхватывая на руки младшую годовалую дочь.

– А ты?! – выдохнула жена.

– А я плавать умею, – ляпнул Саня, не подумавши, но быстро исправился. – Ну, чего ты, в самом деле... На дом уйду, там бомбёжку пересидеть можно, не то что наводнение...

– Мы туда запас еды и воды перетасили, – доложила старшая дочь. – И ещё тёплые одеяла. Пап, а можно я с тобой останусь?!

– Ещё чего! – в унисон с женой воскликнул Саня. – Давай быстренько... в гости к бабушке..., пока трамваи ходят...

Выпроводив семейство в эвакуацию к теще на высокий берег, Саня призадумался. Червячок сомнения, точивший его ещё с утра, вымахал в здоровенную змею. При отсутствии шума и суеты, производимой женой и детьми, все слышнее становились громогласные просьбы сохранять спокойствие и ожидать транспорта на ближайшей автобусной остановке. Смущало то, что поселковые громкоговорители молчали, как убитые. Шум доносился от соседей – канал переяди, и уже другой населенный пункт.

Санины соседи тоже забеспокоились. Стояли на улице всей семьей: тетя Алла, её дочка с мужем и ребёнком.

– Вы уезжаете? – поинтересовался у них Саня.

– Нет... – отозвалась Анжела. – Надоело уже..., каждый год нервы треплют. В прошлом году уезжали, и ничего не случилось. А ты своих отправил?

– Ну да. Юлька ещё совсем малая, куда с ней плавать...

Соседский зять, Лёва, ошарашенно помалкивал. В посёлке он был человеком новым. Приехал откуда-то из Армении, и ранее в потопах ему участвовать не доводилось.

– Смотрите там, – сказал Саня соседям, – если что, приходите ко мне на дом – места всем хватит...

Дом тоже являлся в какой-то мере памятником миновавшему разгулу стихии. Его построил после наводнения Санин отец. Хата буйства воды не вынесла и растаяла в Кубани, как кусок рафинада в чае. Выделенных государством средств хватило аккурат на возведение трёхэтажного дома в конце участка. На внутреннюю отделку денег уже не было, и дом пополнил собой ряды недостроенных посёлка. Но у него, по крайней мере, имелся ряд преимуществ: относительно свежая кладка, приличная высота и наличие окон и дверей. Можно было пережить потоп с относительным комфортом.

Под заунывные требования громкоговорителя собрать вещи и документы, Саня подумал, а не махнуть ли на дом уже сейчас? Пока не отключат электричество, можно будет даже в танчики "зарубиться". Останавливало только то, что компьютер с большим монитором туда волоочь затруднительно, а на ноуте Саня играть не любил – формат не тот, полного погружения не чувствовалось...

До вечера было относительно спокойно. Ну, разве что жена звонила. Похоже, на высоком берегу потопа боялись даже сильнее, чем здесь, в эпицентре, так сказать. Слухи носились по посёлку один страшнее другого. То выше по течению прорвало дамбу, то соседний посёлок уже топит и всех вывезли... Соседский зять, Лёва, не выдержал мук неизвестности, сел в свою "девятку" и поехал на берег – смотреть на воду.

Саня ещё немного поиграл... Удовольствия не было. Всеобщая нервозность с улицы тихонько заползала в опустевший дом. Заглянул в интернет. На "Одноклассниках" всю паниковали и вспоминали наводнение 13-летней давности. То самое... Страшное. Сане тогда повезло – гостили с семьёй у тестя. А вот родители наплавались вдоволь. Отец сидел на чердаке, мама ушла с коровами на Венцы...

Саня вспомнил, как проснулся от шума воды. Дом тестя стоял на высоком берегу недалеко от обрывов, ведущих к Кубани. В то утро на берегу было многолюдно. Местные, беженцы с затопленного берега... Все смотрели, как неузнаваемая, вздувшаяся и грязная река вгрызалась в дамбы, стремясь вырваться. Бурная мутная вода несла деревья, заборы, цистерну с бензоколонки. Истошно визжа, в этом клокочущем потоке проплыла чья-то свинья... Люди бродили над обрывом растерянные, лишившиеся всего... От некоторых домов над водой виднелись только крыши...

Старый мост, переживший революцию и две мировые войны, не выдержал напора стихии. На мгновение скрежет сминаемого металла перекрыл даже шум воды. Посыпались искры, и выдранный из бетонных опор-быков мост ухнул в беснующуюся реку...

Из воспоминаний Саню вырвало возвращение соседа Лёвы. Он вышел из машины и нервно закурил.

– Ну что? Как вода? – спросил его Саня.

– Там столько людей! – покрутил тот головой. – Вода уже вышла на поле...

– Она так каждый год выходит, – успокоил его Саня. – Это нормально. Максимум до Проточной доберётся, и то не факт.

– В Поляне всех эвакуируют, а почему у нас нет?

– Не знаю я... Кто хотел, уже сами уехали. Да расслабься ты! Не будет ничего... Каждый год здесь такая веселуха, я уже привык...

– Как же вы тут живёте?!

– Нормально, – махнул рукой Саня, – Это ж раз в году. Как Новый год, только летом.

Они еще немного постояли, прислушиваясь к заунывному вещанию громкоговорителя в соседнем посёлке.

– Если что, мы тебе посигналим, – пообещал Лёва и пошёл к себе. Машину он загонять во двор не стал.

Подошла незнакомая женщина с красной повязкой на рукаве. Спросила, сколько человек проживает в домовладении, есть ли инвалиды, нуждающиеся в транспортировке. Что-то пометила напротив Саниной фамилии в списке и вручила отпечатанную на листке памятку поведения при чрезвычайных ситуациях. О! Что-то новое. В прошлом году такого точно не было. Никто по домам не ходил, ни о чём не спрашивал. Даже сердце нехорошо ёкнуло. Неужто в этом году и правда поплывём?

Не спалось. Саня играл, периодически мониторил интернет. Позвонила жена. Сказала, что у них чуть ли не вся станица под забором собралась – потопа ждут. "Громкоговорители слышно, как при конце света", – с нервным смешком добавила она. Саня постарался уверить её в том, что у него всё под контролем. Нет, водку не пьёт; нет, не играет; нет, не спит и даже не собирается; и да, сейчас же пойдёт на дом, чтобы ночевать там.

Около часа ночи вышел на улицу. Оказался в очень людной компании. Все соседи, которые не разъехались в эвакуацию, собрались группками возле своих дворов. Да. Это напоминало бы народные гуляния, если бы не тревожная тишина, изредка нарушаемая призывами громкоговорителей не поддаваться панике и организованно выходить к автобусным остановкам.

– А на выезде МЧСовцы большую палатку поставили и дежурят там с грузовиком, – сообщил Лёва. В его голосе появились нотки какого-то азарта, что ли...

Через два дома под фонарём собрались человек шесть. Они живо обсуждали возможное развитие событий, и кто из них куда пойдёт спасаться, если что... Подъехала машина. Вышедшая из неё девушка назвалась представителем штаба по чрезвычайным ситуациям и сорванным голосом устало попросила людей идти спать.

– Всё под контролем, граждане, расходитесь, пожалуйста, воды не будет, – жалобно просила она.

– А чего это у соседней эвакуируют, а у нас даже матюгальники молчат?! Не работают, что ли?! – напустились на неё уставшие ждать потопа.

– Всё работает! Просто пока в этом нет необходимости...

– Ну конечно! Необходимость возникнет, когда вода по дороге пойдёт!

– Не беспокойтесь, в этом случае я вас лично разбужу, – пообещала девушка из штаба.

– Наблюдатели у моста сказали, что до критической отметки ещё сорок сантиметров, – заметил Лёва.

– Ну и отлично! Можно идти спать, – кивнул Саня. Хотя на улице было как-то спокойней, что ли... Сосед пообещал ночевать в машине и в случае появления воды посигналить. На том и разошлись. Саня закутался в плед и постепенно уснул под монотонные воззвания громкоговорителя.

Проснулся поздно. Сходство с новогодними праздниками усиливалось отсутствием людей на улицах и закрытым магазином. Что ж, вода в этот раз не пришла. Оставалось жить дальше. До следующего потопа.

СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ

Мать обещала вернуться с работы пораньше. Витька отвёл близняшек к соседке Аделаиде Эдуардовне, строго наказал им вести себя хорошо и отправился на промысел. Дело привычное, рутинное, хоть и не лишённое определенного риска. Разрешения на оружие у Витьки по малолетству не имелось, охотничьего билета тоже. По закону весь его промысел считался явным браконьерством. Мать ломалась на двух работах, Витька получал в училище повышенную стипендию, но денег всё равно не хватало. А близняшкам нужно и молоко, и мясо... Они ведь растут ещё.

Охотничье ружьё, старенькая двуствольная "тулка", и мешочек пороху достались Витьке от деда. Он же и научил стрелять. Разбирать следы в лесу... Словом, мудрёному охотничьему ремеслу. Дедова наука здорово выручала Витьку. Ведь, как ни крути, а он в семье старший. К тому же, единственный мужик. Должен семью обеспечить. Мать день-деньской кружится, из больницы в магазин полы мыть бегает. А платят ей копейки. Только что оборванцами никто из них не ходит. Да и то потому, что мать шьёт потихоньку. Прибежит с работы и до полуночи из старых обносок новые вещи выстрачивает.

Как всегда, при мысли о матери у Витьки подкатил к горлу горький колючий комок. Худенькая она, на вид совсем девчонка. Витьке по плечо будет. Поначалу, когда в Вийск переехали, её соседи за старшую сестру принимали и всё интересовались у Витьки и девчонок, где же их родители... Витька такие разговоры не поддерживал. Только заикнись кому, что отец их бросил, как девчонок сразу начинали жалеть, а мать пытались познакомить с "хорошим человеком". Новый отец Витьке нужен был меньше, чем прежний, а тот ещё меньше, чем рыбке зонтик.

Нет, поначалу Витька ещё ждал, что отец вернётся. Придёт домой, как обычно с работы, повесит на вешалку у двери свою кожаную куртку, пропахшую табаком и машинным маслом, и всё будет как прежде. Мать всегда будет дома. И на кухне снова запахнет пирожками...

Близняшки отца уже не помнили. Он ушёл, когда им и года не исполнилось. Злился ли на него Витька? Сразу – да. А потом... Как сказал дед, подводя итоги материнской семейной жизни: "Насильно мил не будешь. Отпусти его, доча, прорвёмся..."

Собирался Витька, как и всегда, обстоятельно. Снарядил патроны, сунул в старенькую спортивную сумку фляжку с водой и кусок хлеба. Дед часто говорил: "Идёшь на промысел, хоть какой припасец бери, лес шутить не любит". И что с того, что необъятные леса, по которым они с дедом хаживали, остались в прошлом? Спички, соль, фонарик, разобранное ружьё, тщательно укутанное в старую и замаслившуюся олимпийку. Конечно, если уж остановят и обыщут, ружьё найдут. Но Витька всегда был очень осторожен, по главным улицам не ходил...

Если пройти на окраину города берегом, вдоль неглубокого обводного канала, перебраться через него по толстым ржавым трубам, пересечь лесополосу, можно выйти к полям. Рожь, кукуруза, ячмень... Поля и поля, простираются до самого горизонта. Но на них лучше не светиться: одинокий пацан с сумкой может привлечь нежелательное внимание. Витькин путь лежит дальше, краешком поля, в сторону от реки... Там, где обрывистый речной берег потихоньку превращается в холмы, в старом глиняном карьере привольно раскинулась городская свалка. На свалку Витьке не надо. Его дичь, дикие голуби, витьютни и горлицы, облюбовали для ночлега и кормежки самый край кукурузного поля. От свалки его отделяет небольшая группка деревьев. На глиняной разъезженной дороге к бывшему карьере почти всё время держится большущая лужа. Высыхает только уж совсем в засуху.

Голубям тут раздолье. И вода тебе, и корм. Ну, а Витька спешит на вечернюю кормёжку. Памятуя дедов наказ – брать добычу только на еду, он никогда не убивает больше четырех-шести птиц. И так два раза в неделю. Или реже. Как получается. Браконьеров Витька и сам не любит. Хуже зверя в лесу нет, чем человек, потерявший совесть... В мыслях у Витьки – дождаться совершеннолетия, сдать охотничий минимум и завести, наконец, охотничий билет и разрешение на оружие, как у деда... А пока этот не совсем честный промысел потихоньку кормит их семью.

Мать никогда не обсуждала с Витькой охоту. Щипала и потрошила добытых сыном птиц молча, только взгляд у неё был встревоженный и виноватый... Сама из охотничьей семьи, она прекрасно понимала все риски Витькиного положения. Но девчонкам нужно мясо...

В этот раз Витька никого не встретил по пути. Что само по себе было хорошим знаком. Собрал и зарядил "тулку", тихонечко двинулся в сторону поля, минуя свалку...

Возня, рычание, нетерпеливый визг и жалобное ржание привлекли его внимание. Свалка уж точно не была местом для безопасных прогулок. Запах, неблагонадёжные личности, периодически по ней шнырявшие, а также стая бродячих собак, обитавшая среди ржавеющих остовов бытовой техники и куч мусора, – словом, причин обходить свалку по широкой дуге хватало. И Витька ни за что не сунулся бы туда, особенно с ружьем в руках... Но ржание... В своих прошлых вылазках Витька не раз встречал в этих местах жеребёнка. Щуплый лошадиный подросток обычно пасся вместе с привязанной к кольшку матерью на обочине у лесополосы. Лошадей Витька любил и делился с жеребёнком хлебом. Гладил доверчивого глупыша по бархатной морде, чесал за ушком. Хозяева у этой парочки, разумеется, имелись. Иногда кобылу пастись не выгоняли вовсе или привязывали далеко от Витькиного маршрута. Взрослая лошадь на свалку бы не пошла точно, а вот не в меру бесстрашный и любопытный жеребёнок...

Витька остановился. Дед не раз предостерегал его от бродячих собак, особенно сбившихся в стаю. Собаки – те же волки. Только вот людей они совершенно не боятся. Но испуганное жалобное ржание жеребёнка заставило охотника поменять маршрут. Витька свернул к свалке. Далеко идти не пришлось. Возле груды дырявых покрышек около дюжины разномастных отчаянного вида собак окружили старого Витькиного знакомца и насакивали на него с достаточно угрожающим видом. Дюжина... Витька замер. Его верная "тулка" заряжена дробью. 16-й номер... Такая собаку только разозлит, если попадешь. Надежда, что псы испугаются выстрела, слабая... Да и стреляет ружье не так уж громко...

Все недавние истории про загрызенных собаками людей вихрем пронесли у Витьки в голове. Ладони, сжимавшие приклад ружья, вспотели... Одному ему против стаи не выстоять. Это же не домашние брехливые шавки в подворотне, от которых хорошо помогают метко брошенный камень и матерное слово... Инстинкт подсказывал Витьке: бежать, пока собаки заняты жеребёнком. Вряд ли малой долго продержится... Вон, уже темные маслянистые потеки пятнают гнедую шкуру... Кровь. Псы – хищники, они своего не упустят. Жеребёнок слишком мал, чтобы с ними тягаться. А кобыла привязана далеко и не сможет помочь сыну... Вот же глупый! Угроздило тебя... Витька с тоской оглянулся на близкое поле. Дома мать, девчонки... Он просто не имеет права так рисковать...

Жеребёнок заметил знакомого человека. С отчаяньем смертника метнулся к нему прямо через стаю, оглашая окрестности жалобным, почти человеческим криком... Псы в азарте от близости добычи с визгливым лаем бросились за ним...

Витька замахнулся на собак ружьем и рывкнул неожиданно басом: "А ну пошли на ...й!" На глинистой дороге вокруг него даже камней не видно! Чем отбиваться?!

За спиной нарастал рокот мотора. Кто-то мусор привёз, не иначе... Водитель оказался опытный, враз понял, в чём тут дело. Раздолбанная "семёрка" с прицепом, полным хлама, взревев, точно раненый бык, рванула прямо на обнаглевшую стаю, отсекая собак от помертвевшего охотника. Связываться с машиной псы не посмели. Не добежав до Витьки и жеребёнка, они синхронно развернулись и ушли в мусорные завалы.

Ноги ослабели... Витька оперся на ружье и с трудом заставил себя оглянуться. Жеребёнок неровным галопом удирал в сторону лесополосы. Какая теперь охота... Хорошо, если водитель не обратил внимания на ружьё. Витька побрел к полю, на дрожащих ногах стараясь держаться к машине боком и пряча "тулку" за собой. На окрик водителя: "Эй, пацан, с тобой всё нормально?" – он просто махнул свободной рукой.

За свалку мусора в неполюженном месте полагался немаленького размера штраф. Поэтому водитель ружья "не заметил". А Витька уковывлял помаленьку подальше от опасного места, стараясь по

пути успокоить ходившие ходуном руки. Голуби уже кормились в облюбованном поле, и хотя бы парочку на суп добыть следовало. Девчонки, мать... Ну, кто ещё, если не он?..

ЭЛЬФИЙСКИЕ БАЙКИ

Клёв сегодня никакой. Я с сожалением сматал удочки. Ну и ладненько. Будем надеяться, что дежурные по кухне что-нибудь придумали... Очередное блюдо в стиле эхо "Чернобыля": полуразогретая тушёнка, непонятно с чем. Нам-то, сталкерам, не привыкать, а вот как их эльфячьи желудки это выдерживают? Хотя за последнее время я имел возможность убедиться, что желудок голодного эльфа в состоянии переварить всё что угодно, до кроссовочных подметок включительно. Главное – правильно подать и назвать по-эльфийски. Каким-нибудь дюже заумным и зубодробительным звукоочетанием...

На ежегодный слёт к эльфам я попал совершенно случайно. Братишка меньшей у меня с ними тусуется. Родители отпускать его без сопровождения категорически отказались. Так я на скорую руку был произведён в какие-то там Странники и принят в их Круг. В подробности не вдавался. Главное, они меня не трогали, а я – их. Пока эльфы, драконы, хоббиты и разные там орко-гоблины резво носились по окружающему нас бескрайнему лесному массиву (до ближайшего человеческого поселения километров под сто на электричке), я с переменным успехом ловил рыбу в речушке без названия. Рыба шла в общий котел. Кстати сказать, грибов тут тоже было море. Хоть косою коси! Я научил эльфов печь эти грибы на прутиках над костром. Всё лучше, чем изрядно надоевшее нечто из тушёнки и непознанных вкраплений в котелках... Да живут дежурные по кухне долго и счастливо...

По пути в лагерь привычно избегаю "заминированных" мест. У меня на них очень развита интуиция. По опыту знаю, что вести с эльфами беседы о гигиене лагеря – дело бесполезное, бить их – себе дороже, ибо много их тут, а я один такой... Странник. Вот и остаётся добираться до становища маршрутом шахматного коня. Утомляет, но что поделаешь. Заметил: общение с эльфами и прочими братьями нашими меньшими, а также с первозданной природой постепенно привело меня в состояние, близкое к просветлению. Я ещё не в нирване... Но скоро войду...

Костров у нас несколько. Народу много, вокруг одного поместиться попросту нереально. Как и перезнакомиться со всеми прибывшими на слёт. По крайней мере, для меня. Мой братан быстро срубил фишку (выражаясь языком сильно продвинутых по Пути эльфов) и легко вписался в здешнюю табель о рангах. Он у них тут эльф не из последних. Я привычно нахожу его взглядом и успокаиваюсь – здесь, живой. А как иначе? Единокровная наша мать "эльфью" не является, и порчу сына в бою с восторгом не воспримет. Снимет голову с меня при любой царापине на малом, это уж как пить дать. Я за этого паразита с пятого класса отвечаю. Есть печальный опыт...

Около костров обычная шумовая завеса. Гитарный перезвон – по меньшей мере пять менестрелей струны дерут, народ байки травит, а также проводится разбор сегодняшних боёвок. Чем это отличается от травли баек, не знаю. По-моему, сюжеты одинаковы. Я иду к нашему костру. Меня нагоняет хоббит Пин (в миру девчушка Рита Белозерцева). Правда, распознать в чумазом создании в мешковатых штанах и кедах сорок второго размера даму весьма затруднительно... Но не всем же быть прекрасными эльфийками типа этой..., как её..., Арвен.

– Странник! А ты что-нибудь принёс? – она заглянула мне в руки.

– Нет. Клёва не было. Вы ж всю кукурузу слопали, того и гляди до мучных червей доберётесь...

Скоро рыбу ловить не на что будет.

– Мучные черви? А они вкусные? А у тебя ещё есть?

– Насколько я помню первоисточник, хоббиты червями не питались.

– Ой, да я не про это... – опомнилась она. – Слушай, там какие-то типы к костру подошли!

Странные такие! Не наши, точно! Уши острые, прикольно так! Спрашиваю, как уши делали, не говорят, только косятся подозрительно. А костюмы – обалдеть! Как настоящие...

– Пойдем, покажешь.

Всерьёз переживать я бы не стал. Мало ли какие малахольные припрутся. Уши и костюмы хорошие – наверняка из Москвы ребята. Там денег побольше в ролевуху вкладывают. Решили отдохнуть на всю катушку, уехали в глушь, на реальную природу, не испорченную близостью мегаполиса.

Пришельцы сыскались у центрального костра. В разгар вечера туда потихоньку сползались основные эльфийские силы. А сейчас здесь было не особенно многолюдно. Время ужина. Эльфы алчно облизывают извлечённые из-за голенищ сапожек ложки в предвкушении очередного шедевра дежурных по кухне. Я даже представить себе не могу, как это будет называться, потому что пахнет приго-

ревшей гречкой. Так и есть, мечта чернобыльского сталкера – гречневая каша с тушёной, звучно именованная по эльфьему – язык сломаешь как. И эль. В роли эля "Балтика-9". Я, конечно же, не расскажу об этом маме при ежевечернем выходе на связь. Пусть спокойно спит ночью. Если сможет...

– Не соблаговолит ли благородные эльфы выпить эля? – вовсю старалась Пин, мелким бесом увиваясь вокруг новоприбывших, которые довольно робко сидели в сторонке и не жаждали общения с местными сородичами. Что было странно для эльфов. Как правило, на слетах они отрывались всю. Ведь не секрет, что обычные люди считают «толкнутого» своих сограждан не особо нормальными и не всегда понимают и принимают их веяния и чаяния. Поэтому на слётах эльфы из разных концов нашей большой страны стремятся перезнакомиться, всласть наобщаться, да хоть просто поговорить вволю с братьями по разуму. Пришельцы на контакт шли неохотно. На предложенную девочкой бутылку пива реакция вообще была – страннее некуда.

– Эль?! – Эльф взял бутылку так, словно в ней плескалось не пиво, а Молотов-коктейль.

– Ну да! – Пин энергично кивнула. – Пейте ребята! Есть хотите? Вот тушёнка..., стужёнка..., сардины с картошкой... Кстати, а всё-таки, колитесь, как вы себе такие ушки прикольные сделали?

Судя по вытянувшимся и побледневшим лицам пришельцев, вопрос про ушки был совершенно нестати. Они пошушукались и выложили из вещмешков на общий дастархан странного вида лепёшки и фляжки.

Надо сказать, что характерной чертой общеэльфийского стола являлось то, что никто не обращал никакого внимания на подобные мелочи – кто что смог принести, главное – еда. Я отщипнул кусочек лепёшки. Странная. И вкус странный. Но сытная. И вкусно. Очень. Я в еде разбираюсь. Много чего пробовать доводилось. Такое в первый раз ем. Отломил кусок и сунул в карман, потом разберусь.

Вечер вступал в баечную фазу. Под гитарный перебор народ по очереди рассказывал разные истории. Людей было много, истории повторялись редко. Некоторые несколько напоминали анекдоты, но рассказчики уверяли, что всё это – истинная правда.

– Это под Гулькевичами случилось. Собрались мы на слёт, всё как обычно: приехали, разгрузились, лагерь поставили. Договорились наутро немного с мечами попрыгать, исключительно для тренировки. Полгода в городе, сами понимаете. А наутро туман ещё – красота! Ну, мы в тумане с мечами скачем. Весело. И тут попёрли на нас какие-то раскрашенные гоблины. В камуфляже, с автоматами и штык-ножами. Стрелять – не стреляют. Только дерутся больно. Мы сначала офонарели... немного, а потом Эйнарх как заорёт: "Мочи козлов! Смерть Саурону!" И началась тут нешуточная драка. У этих камуфлированных пижонов поначалу был численный перевес, но морально мы оказались сильнее.

А потом подъехал ОМОН, и нас растащили. Оказалось, что в местной школе у старшеклассников были военные сборы... Пока мы с ними гасились, военрук по мобильнику ментов и вызвал... Зато потом, пока в "обезьяннике" сидели, мы с Гэндальфом познакомились. Серый, помнишь?

– Такое разве забудешь, – смущённо прогудел высокий худой парень и ближе подсел к костру.

– Кстати, а за что ты в "обезьянник" угодил, Гэндальф? Тоже в битве при Гулькевичах участвовал?

– Нет. Там вообще идиотская история вышла. У нас с Морханном дуэль была. Не совсем по канону, конечно... Морханн просто пижон, любит выпендриться. Что-то с предками у него вышло, и они его дома заперли. Под домашним арестом, значит. Так он мне на мобильник сообщение сбросил, типа, выручай. Я пришёл, попробовал квартиру открыть – не вышло. Тогда Раэнн с Дором, они как раз двумя этажами выше Морханна живут, стали меня на верёвке к нему на балкон спускать. Вот тут-то соседская бабка милицию и вызвала... Домушники, говорит, проклятушие... Так мне пришлось в "обезьяннике" сидеть, пока родители Морханна не приехали и не забрали меня оттуда.

Полуторалитровая пластиковая бутылка "эля" пошла по кругу. Пришельцы брали её с опаской. Странные всё-таки ребята. Особенно для москвичей. Ведут себя уж очень скованно. Прямо как не родные. А вот оружие у них знатное. Это я по ножнам сужу и по колчанам для стрел. Уж больно реально все мелочи проработаны. Явно не самодел, как большинство тутошних деревянных "изделий"...

– А я вот ещё один случай расскажу, – один из духовных эльфийских лидеров, Элронд, подкинул в костёр дровишек. – Есть тут неподалеку дивное местечко. Ростомыш называется. Луга заливные. Речка. Словом – благодать! Выбрали мы себе место для лагеря, в аккурат под горой. На широком таком лугу. Палатки поставили. Костры разожгли. Эль в речке охлаждается. Красота!

Смотрим, а по реке, как раз в нашу сторону, девушки плывут. Чистые наяды... Ну, в смысле... безо всего... Натуральные русалки в собственном соку. Нам подмигивают, хихикают. Не иначе, по-

знакомиться хотят. Ну, нас, ребят, на берегу человек пять было. Мы быстренько шмотки долой, в воду попрыгали и за ними..., как идиоты... Мы к ним, они от нас. И всё с шуточками, прибауточками, то да сё... Главное, плавали мы вроде неплохо, а угнаться за этими русалками так и не смогли. Они потом нырнули и пропали куда-то, как не было. Наваждение...

Вернулись назад не солоно хлебавши. А пока мы там за русалками по всей речке наяривали, кто наше пиво спёр.

Оказалось, на горе ферма колхозная стояла. Обидно нам стало. Пошли разбираться. Не сказать, чтоб пива жалко... Но не по человечески как-то, да? А у них там скотники – здоровенные такие ребята, да и бригадир – бывший спецназовец... В общем, так у нас и не вышло дружбы народов...

– А пусть наши гости чего-нибудь расскажут! – звонкий голосишко Пин произвёл на пришельцев неизгладимое впечатление. Они вздрогнули и заозирались по сторонам. Самый высокий (не иначе, старший группы) откашлялся и произнёс негромко:

– Мы благодарны вам за гостеприимство и угощение. Я хочу рассказать историю о великой войне и великом подвиге. Случилось так, что мрачный Чёрный Властелин создал на погибель всем мощный артефакт. И никто не мог его разрушить. Нёс он всем гибель. Началась долгая и страшная война, народы гибли от Тьмы, населившей земли. Не было у нас иной надежды, только вернуть артефакт в лоно той горы, где он был создан. Многие народы объединились в борьбе против зла, но оно было неистребимо. Собрался совет эльфов – решать, что же делать с проклятьем Чёрного Властелина. Одна из дев, чьё сердце разрывалось от скорби, подслушала то, о чём говорилось на совете – было решено покинуть эти земли и перебраться за море. Собрала дева девять своих друзей и решились они на коварство, чтобы достичь благородной цели. Она соблазнила Чёрного Властелина и украла артефакт. И отправилась на Чёрную Гору, чтобы вернуть его туда, где он был создан. Друзья сопровождали её в нелёгком пути. Когда достигли они горы, и уже стояли над огненной рекой, оказалось, что артефакт слился с душой девушки и отравлял её злом. Дева поняла, что никак не получится ей расстаться со зловещим артефактом, и, решившись, прыгнула вниз, в огонь, поглотивший и её, и зло. Так был побеждён зловещий Чёрный Властелин. А деву звали Тающая Звезда, и память о её подвиге будет вечно жить в наших сердцах.

Ответом на сагу была тишина. Затем челюсти стали звучно захлопываться.

– Во даёт! – воскликнул кто-то.

– Не, ребята, так Толкиена перев... перевести... – это ещё умудриться надо. – Гэндальф покрутил головой. – Вы что, не по канону играете, что ль?

– Что, простите? – пришельцы недоуменно переглянулись.

Нет, братцы! Не пью я пива сегодня. Не даёт мне покоя эта компания и всё тут. Глаз с них не спущу. И хорошо бы подобраться поближе. В свете костра эфесы мечей и кинжалов, наборные пояса этих странных парней отливали настоящим металлом. Не удивлюсь, если камешки, вделанные в оголовья мечей, драгоценные – ишь как сверкают! Даже заигравшиеся вусмерть ролевики так себя не ведут – уж больно в роль вошли. Но кто они?! Настоящие эльфы?! Я понюхал пиво. Дежурные по кухне у нас, конечно, личности абсолютно безответственные, но не настолько же, чтоб всякую гадость в бутылки сыпать...

Меня глючит. Я решительно встал и двинулся в обход костра к странным ребятам. К ним уже вовсю приставали мой братан и Мастер по оружию Койон (в миру Димка Матецкий).

– Ребята, а вы мечи сами делали или заказывали где? Посмотреть можно?

– У кузнеца заказывал... – невысокий, чуть выше моего малюго, эльф опасно придерживал эфес обеими руками.

– А Кузнец с вами? – не унимался мой малой. Он такой... Кого хочешь достанет... Оружейник..., блин.

– Н-нет.

– Так давай мылом меняться! – радостно завопил мой и ткнул эльфа в плечо кулаком. – А меч посмотреть дай! Может, я сам себе такой же сделаю!

– Мылом? – переспросил эльф и полез в свой вещмешок. Моё чудо раззявило рот от уха до уха в ожидании вожделенного мэйла. Но пришелец выудил из вещмешка пахучее нечто, завернутое в большой зелёный лист, и со странной улыбкой протянул это брату. Пока тот раздумывал насчёт обидеться или не стоит, я шагнул вперёд, привычно отрядил ему лёгкого подзатыльника, принял из рук эльфа нечто и скомандовал малому:

– Метнись за мылом, живо!

– Серёга, ты чо?! – заныл тот.

– Я кому сказал? – ласково повторил, думая про себя, что эльфийские посиделки действуют на брата чересчур расхолаживающе. Брат вернулся через мгновение с бутылкой жидкого "Сорти". Где достал? Не иначе, у девчонок свистнул...

Эльф принял мыло из моих рук с почтением индейца, принимающего из рук вождя раскуренную трубку мира. В глазах его недоумение и тоска смешивались в странный коктейль. Я ещё больше уверился, что парни эти – точно не ролевики. Или доигрались до психушки...

Койон настойчиво тянул к себе понравившийся меч. Хозяин меча очень не хотел его отдавать.

– Тебе что, показать в лом, да?! – возмутился оружейник. – Хочешь, мой посмотри. Он покрутил перед носом ошарашенного эльфа своей деревяшкой. Весьма искусно выточенной, никто не спорит, но всё-таки деревяшкой. Эльф извлёк из ножен меч. Все обалдели, а кое-кто даже протрезвел. Меч был настоящий. В смысле, стальной...

– Ни фига се... – прошелестело у меня за спиной благоговейно.

– И как его менты не повязали? – задумчиво уронил Гэндальф.

После некоторой заминки, вызванной демонстрацией оружия, пришельцы собрались, вежливо распрощались, поблагодарили за высокую честь и гостеприимство и ушли обратно в лес. Их никто не удерживал...

Я немного проводил странных гостей. Они и по лесу шли необычно: без тропы, как по дороге, словно колючие кусты перед ними сами расступались. При таких условиях угнаться за ними нечего было и думать. Я быстро отстал. За пределами лагеря вновь столкнулся с вездесущей Пин.

– Знаешь, Странник, – она запыхалась и раскраснелась, в поднявшейся дыбом шевелюре торчали сухие веточки. Эге, наш любопытный хоббит явно только что пробирался через подлесок, играючи в шпионов. – А эти парни не пошли на станцию! – Пин обвиняюще пырнула указательным пальцем прямо мне в грудь. – Они в самую чашу свернули! Напролом поёрли. И это после того, как я их догнала и популярно объяснила, что они заблудились, и дорога на станцию в другой стороне. Я даже проводить их предложила. Отказались. Не слишком вежливо, между прочим. Странные, правда?

– Да, Пин... И ты даже не представляешь, насколько...

ЗАЧЕМ НУЖНЫ МИШКИ

Воспоминания детства иногда бывают не совсем точными, но почти всегда они яркие и красочные. Мне шесть лет. Маму забрали в больницу. Я гуляю во дворе нашего дома. Из подъезда выбегает соседский Витька и громко злорадно кричит:

– Славка, у вас девчонка родилась! Девчонка!

Девчонка... Но как же... Мама обещала мне братишку. И я уже думал, как мы вместе будем играть в солдатики, кататься по очереди на моем новеньком велосипеде и колотить вдвоём вредную Витьку. Не всегда, а так, когда заработает... А тут... девчонка... Обида сжимает горло. Ну что, что я буду делать с девчонкой?! К чему мне девчонка?! Они ведь вредные, похуже Витьки, а колотить их совсем-совсем нельзя!..

– Теперь её будут любить больше, чем тебя! – приплясывал Витька напротив меня. – Ну конечно, она ведь маленькая. И отдадут ей все твои игрушки и новые вещи, вот!

Мои игрушки? К чему девчонке мои солдатики? И кораблик на верёвочке? И машинки из спичечных коробков? Девчонки, они ведь в куклы играют... А кукол у меня нет...

Оглушённый новостью, я медленно бреду домой, совершенно не обращая внимания на Витьку, который идёт рядом и заглядывает мне в лицо. Кажется, ему даже стало меня жалко...

Дома кутерьма. Словно Новый год встречают. Вся семья собралась в нашей квартире. В моей комнате стоит маленькая деревянная кровать. Бабушка укладывает туда матрасик, красивое одеяльце... Отец бегает по квартире, хлопает дверями... Дядя Лёка, мамин брат, хватает меня на руки, подбрасывает к потолку и весело кричит:

– Славище, ты теперь старший брат! Брат, понял?!

Ничего я особенно не понял, но общее веселье и нетерпение заражает меня. Я уже жду эту неведомую мне Ольгу, надеясь только, что она будет вредничать меньше Витьки и мои новые вельветовые штаны на лямках ей не понадобятся...

Оказалось, что младший ребёнок в доме, это совсем не так интересно, как я думал раньше. Целыми днями Ольга спит в своей кровати, засунув в ротик свой крохотный пальчик, который умудряется вытащить из пелёнок, как бы её туда не укутывали. Играть с ней пока нельзя. Мама усталая и

немного виноватая. Вечно куда-то спешит. Гладит меня на бегу по волосам... Хорошо ещё, что игрушки не забирают...

Дядя Лёка теперь ещё и Ольгин крёстный. Он куда-то уходит с таинственным выражением лица. Возвращается почти вечером и зовёт меня с собой.

– Славчик, дело серьёзное. Помочь можешь только ты..., мы сейчас кое-кудаходим...

Мы идём по городу, и я с трудом поспеваю за широкими дядиными шагами. Незнакомые улочки выводят к старинному дому с высокой скрипучей дверью. Даже дядя с трудом открывает её... Позеленевшие бронзовые завитушки удерживают мутные стёкла... Дом похож на аптеку. И пахнет внутри почти так же. Я робко прохожу в большую комнату. Полумрак. Высокий резной деревянный прилавок со стеклом наверху. Точно, аптека! Однако, когда глаза привыкают к сумраку, я понимаю, что ошибся. Вместо лекарств на полках сидят... мишки. Много мишек! Самые разные мишки! Тряпичные, меховые, пластмассовые. В жилетах и штанах. Совсем без одежды. Только мишки. Нет ни солдатиков, ни кукол, ни весёлых клоунов. Дядя Лёка звонит в колокольчик. Где-то за прилавком, мне не увидеть, скрипуче открывается дверь. К нам выходит худой парень. Светлые волосы его торчат в разные стороны. Поверх рубашки на нём рабочий фартук. От парня вкусно пахнет разогретым деревом и краской...

– Добрый день! – он подмигивает мне одним глазом и здоровается с дядей Лёкой за руку. – Пришёл мишку для сестрёнки выбрать? – Парень присаживается напротив меня на корточки и словно складывается пополам. Глаза у него светлые, прозрачные, под густыми песочного цвета бровями. В них словно притаилась смешинка. – Смотри, малец, бери любого, который тебе понравится.

Странно, но я совсем не робею. Дядя Лёка подхватывает меня на руки, и мы медленно идём вдоль полок с мишками.

– Не спеши, – тихонько говорит дядя мне в ухо. – Бери только того, который очень тебе понравится.

– А моего мишку тоже здесь покупали? – так же тихо спрашиваю я его.

– Да.

– А кто его выбирал?

– Лёва...

Лёва – мой двоюродный брат. Сын папиного старшего брата. Он уже совсем взрослый. Студент.

– А если я выберу, а Ольге не понравится? – сомневаюсь я. Мишек столько... И все очень красивые. Хотя среди них есть даже не новые игрушки. У некоторых заштопаны лапки и на животиках виднеются аккуратные заплатки. Точь-в-точь, как бабушка делает на моих шерстяных носках.

– Тебе твой нравится?

– Конечно! – Ещё бы, мишка – мой самый лучший друг! Он со мной, сколько я себя помню... Он участник всех моих игр, я до сих пор сплю с ним вместе... Так уютно и тепло обнять его под одеялом, уткнуться носом в упругий бок... Сколько приключений пережили мы с ним! Мама аккуратно зашивала все его боевые раны. Иногда стирала и вешала за ухо сушить на верёвку. А я нетерпеливо ходил под ним в ожидании, пока друг высохнет, и с ним снова можно будет играть... Мне тогда казалось, что прищепка больно давит мишке на ухо. Я чувствовал его боль, как свою... А когда чистый и заштопанный мишка, наконец, возвращался в мои руки, он ещё долго пах душистым мылом и немного мамой...

– Конечно, ей понравится, – улыбается дядя Лёка, – Ты же старший брат. Только ты и знаешь, какой мишка понравится сестрёнке. Так всегда бывает. У меня тоже был мишка. Его твоя мама выбирала...

Успокоенный словами дяди, я снова внимательно осматриваю плюшевую армию. Мишка для Ольги должен быть такой... Пушистый... Мягкий... Славный... Я его вижу! Он сидит на самом краю полки. Довольно большой, чтобы уютно было с ним спать. У него светло-кофейная нежная шерстка, на шее вязаный шарф.

– Кажется, выбрали, – обращается дядя к продавцу.

– Мишка – дело серьёзное, – качает головой тот. – Возьми его и поддержи. Мы тебя сейчас испытываем.

В руках у продавца большой клетчатый платок. Бабушка такие на голову повязывает. В коробку на полу он сажает больше десятка совсем разных мишек и среди них – того, который мне понравился. Мне завязывают глаза.

– Вот теперь – выбирай! – торжественно говорит продавец. Мне и смешно, и немного страшно. А вдруг я сейчас не того мишку выберу? А мне он уже очень нравится, почти так же как мой...

Я запускаю руки в коробку. Глажу мишек и тихонько уговариваю про себя: "Ну же! Подай мне какой-нибудь знак! Вот увидишь, тебе у Ольги понравится!.." Мне показалось или один из мишек под моей ладонью слегка захряхтел?

– Вот этот! – я нетерпеливо стягиваю платок с глаз. Дядя Лёка и продавец улыбаются. Точно! Тот самый мишка! Вот здорово!

Потом я жду, пока продавец красиво упаковывает мишку в бумагу и перевязывает свёрток лентой. Они тихо переговариваются с дядей Лёкой. Мне кажется или я и впрямь слышу:

– Что внутри? – спрашивает дядя.

– Коготь гризли, – так же тихо отвечает продавец. – Ваш малец умеет выбирать... Это очень хороший мишка.

Мы уже не спеша возвращаемся домой. По пути дядя покупает мне эскимо, и мы с ним весело болтаем, как обычно. Он совсем молодой, мой дядя. У него даже ещё нет жены.

Ольгин мишка занимает место в уголке её кровати. Сейчас он пока больше, чем она. Но мама говорит, что скоро Ольга вырастет и будет с ним играть. Маме тоже понравился мой выбор.

– Ты молодец, – она ласково приглаживает мои волосы. – Ты выбрал очень славного и хорошего мишку...

Ольга росла на редкость спокойной девчонкой. Она почти не кричала по ночам. Бывало, я просыпался от её кряхтения и попискивания. Тогда мама гладила меня по голове, приговаривая:

– Спи, Славик, спи..., мы уходим... – и уносила её к себе, кормить.

А иногда не просыпался. Днём так набегаешься, что спишь как убитый и даже снов поутру не вспомнить...

В этот раз я проснулся не от писка сестренки. Мне было холодно. Очень. Одеяло сбилось к ногам. Руки и лицо заледенели, словно я оказался на улице в мороз. Надо бы подтянуть одеяло повыше, прижать к боку верного мишку, да только даже шевельнуться почему-то страшно... Я чувствую, что в комнате кто-то есть... Кто-то большой и очень недобрый. Если я шевельнусь, он обязательно бросится на меня. Полная Луна заглядывает к нам в окошко. В её свете я вижу чёрную фигуру, нависшую над ольгиной кроватью... А сестрёнка спит, тихонько сосет пальчик... Нужно что-то сделать... Закричать... Позвать папу... Нас ведь сейчас съедят! Но от ледяного ужаса я даже пошевелиться не могу. И голос куда-то пропал... Только дыхание сиплое, сбитое паром застывает в воздухе...

Страшная когтистая лапа тянется к Ольгиной голове.... Я всё вижу и ничего не могу сделать. От бессилия меня обдаёт холодным потом...

Негромкое рычание. Мишка, бессенно сидевший в углу Ольгиной кровати в ожидании, когда же хозяйка сможет с ним поиграть, шевельнулся. Стремительно вырастает голова... на лапах появляются длинные загнутые когти... И вот уже большой и косматый зверь прыгает на тёмную фигуру и отшвыривает её от кровати в сторону. Я, замирая от ужаса, не в силах даже закрыть глаза (они словно сами собой растопырились!), смотрю, как медведь дерётся с неведомым. Чёрная фигура вырастает ещё больше, когти у неё, словно огромные серпы, глаза светятся красным... Она рвёт защитника этими страшными когтями... Ему не выстоять..., силы слишком неравны... Но вдруг откуда-то выкатывается ещё один медведь, поменьше, и уже вдвоём они набрасываются на чудовище снова и снова...

Тёмная фигура расползается неровными клочьями густого тумана. Медведи, утробно рыча и фыркая, рассаживаются по местам. Ольга улыбается во сне. Ледяной ужас исчез из комнаты вслед за чудовищем. Я, наконец-то, могу укутаться одеялом и согреться. Мой мишка уютно копошится у меня под боком. Уже засыпая, я шепчу в его мягкое плюшевое ухо слова благодарности...

Утром на носу Ольгиного мишки обнаружилась свежая царапина, словно след от острого кривого когтя...

РОДОВОЕ ПРОКЛЯТЬЕ

Когда шестой раз ломаешь каблук на одном и том же месте – это начинает напрягать. На сей раз жертвой стали зимние сапожки на шпильке. Крушение, как и всегда, произошло напротив памятника Пушкину в одноименном городском парке. Да что же это такое?!

– Александр Сергеевич, мстите вы мне, что ли?! – не сдержалась я от проявления чувств. – Но за что?! У меня за вас по литературе всегда пятерка была!.. – поэт пребывал в молчании и лишь загадочно улыбался.

Н-да, ситуация. До спасительной скамейки прыгать и прыгать. Сломаю вторую шпильку. На работу уже опоздала. Как попасть домой – это ещё придумать надо... Вот уж угораздило! Ну, Пушкин,

ну... А впрочем, причём же здесь Пушкин? Хотя, шесть раз сломать каблук и не где-нибудь, а возле конкретного памятника – это уже тенденция, как говорит наш Димасик. Димасику что ли позвонить... Пусть выручает. Единственный мужчина, которому ничего не грозит при общении со мной. Не успела я нацокать на мобильнике димасиков номер, балансируя на одной ноге, как подбитая цапля на болоте, поблизости возник симпатичный молодой человек. Та-а-к, начинается.

– Девушка! Вам помочь?

– Благодарю вас, лучше не надо, – твёрдо и решительно ответила я, памятуя о том, чем закончились предыдущие "вспомоществования".

– Но вы же вот-вот упадёте! – не унимался незнакомец.

– Мне сейчас помогут.

– Извини, Мариночка, – зазвенел в трубке долгожданный димасиков голос – никак не могу подскочить! Я в травматологии сижу, ногу сломал. Гипс сделают, тогда может быть...

Интересно, как этот несчастный собирается с загипсованной ногой вести машину?

– Вот видите, – правильно понял ситуацию незнакомец. – Позвольте, я вас провожу.

"Пусть только проводит, – сказала я себе, – только проводит и всё! Я даже не хочу знать, как его зовут!"

– Меня Вадим зовут, а вас?

– Марина...

– Морская..., красивое имя.

– А главное, редкое какое, – в тон ему отозвалась я.

Ситуация неумолимо выворачивалась из-под контроля. Уже через пять минут мы оживлённо болтали, через двадцать он назначал мне свидание. А попробуйте сохранять дистанцию, когда вы полувисите на молодом человеке, потому что из двух ног у вас только одна работает нормально, а на вторую вы едва опираетесь из-за сломанного каблука!

Добравшись домой, я позвонила на работу и покорно выслушала развёрнутый монолог шефа на тему необязательности некоторых сотрудников и подозрительного количества различных проблем, генерирующихся вокруг их персон: открытых люков, падающих самолетов, бэнши в подвале...

Так, а теперь сменить обувь и срочно в травму, к Димасику. Я больше не могу оставаться с проблемами один на один!

В травматологию успела как раз вовремя. Мой друг ковылял мне навстречу, постукивая новенькими костылями по гололёду. Левая нога была заключена в скорлупу гипса.

– Димась, ну, как ты ухитрился-то? Или это моя карма повлияла?

– Что ты, Мариночка, это не карма, это Валерин идиотизм. Ты к этому никакого отношения не имеешь.

Валерий – это друг Димасика. Достаточно близкий, чтобы ноги ломать.

– Как получилось-то?

– Машину чинили, – нежно улыбнулся Димасик, пояснять не стал, видимо, чтобы не переходить к банальным ругательствам. – А у тебя что случилось? Опять... – он окинул меня понимающим взглядом поверх очков в тонкой оправе. – Знаешь... Поехали ко мне, чаю напьёмся – во всём разберёмся.

– Поехали! – я вызвала такси. Димасик – моя лучшая подруга с детства. В школе я защищала его от хулиганов, а теперь он подросток, возмужал, отслужил в армии, и уже я прячусь за его спиной от житейских неурядиц. В дружбе с Димасиком масса плюсов: я могу быть твёрдо уверена, что если нас пригласят на вечеринку, он не придёт в точно таком же платье, и оно будет смотреться на нём лучше, чем на мне, и он уж точно не уведёт у меня моего приятеля, особенно в свете последних событий... Вот именно их-то мы и обсуждали за чашкой чая в уютной димасиковой квартире.

– Подозрительная какая-то случайность получается, – глубокомысленно изрёк он и поправил очки.

– Пять раз, – я потёрла виски пальцами. На мониторе димасикова компа расцветал многоцветьем веселенький график моих сердечных дел. Я бы раскрасила его чёрным. Ибо дела сердечные у меня, если честно, были не очень... Особенно в последнее время. Стоило с кем-нибудь познакомиться, как происходило нечто из ряда вон выходящее, и я вновь оставалась одна. Самое безумное: все мои знакомства начинались со сломанного каблука у памятника Пушкину в одноименном городском парке...

Дело даже не доходило до серьёзных отношений. Какие там отношения! Жертва номер 1 – Сергей: лето прошлого года, попал под автобус, слава Богу, остался жив. Мы были знакомы с ним буквально дня три, не больше. Жертва номер 2 – Игорь: методично падал в канализационные люки. Это

было бы смешно, как говорят в Одессе, если бы не было так грустно... Его хватило на две недели. Жертва номер 3 – Славик. Очень хороший парень. Был укушен собакой. Уверял, что встретил вервольфа. Больше я его не видела. Как знать, может, та собака и впрямь оказалась вервольфом... Четвертый – Стас, просто исчез без объяснения причин. А пятого – Серёжу, увели цыгане!

– Димась, скажи, я страшная?

– Да ну, что ты, Мариночка, вовсе нет, ты у нас просто красавица!

– Толстая? Дура, с которой не о чём поговорить?

– Нет, нет и нет!

– Тогда почему?!

– Понятия не имею, – честно ответил он, снял очки и протёр их специальной салфеткой. – Тут явно что-то не так...

– Да уж... Впору к цыганам на рынок бежать и просить: снимите порчу, яхонтовые мои, ручки позолочу и зубки золотые вставлю.

– Ты думаешь, это порча? – Димасик тонко улыбнулся. Он-то уж в подобные вещи отродясь не веровал. Димасик у нас твёрдо верит лишь в одну религию: что-то типа да здравствует Windows и Билл Гейтс, пророк его.

– Ой, Димыч, давай не будем...

– Давай, – на редкость легко сдался он. – Ты устала, а я и того больше. Давай, как в старые добрые времена, постелю тебе на тахте в зале. Не бескорыстно, разумеется – завтра отвезёшь меня на работу, я ведь теперь инвалид. Машина пока твоя. Согласна поработать моим личным водителем?

– Любой каприз за ваши деньги, на вашей машине, шеф, – я чмокнула его в щёку, – всё-таки славный парень мой Димка! Жаль только, девушки его совершенно не интересуют...

Мои родители довольно давно и прочно обосновались в городе белых ночей – Питере. Посему мне нет нужды звонить им и сообщать, что я ночую у подруги. С другой стороны, иногда грустно – в пустой квартире никто не ждёт... Так, вот об этом сейчас не надо. Я уютно устроилась на знакомой с детства тахте и спокойно уснула. Снилось мне, впрочем, какая-то ерунда. Александр Сергеевич Пушкин собственной персоной в питерской квартире родителей, указывал на портрет покойной ныне прапрабабушки и, многозначительно улыбаясь, громогласно возвещал: "...То была Наина!"

Проснулась в холодном поту и с колотящимся сердцем. Раннее утро. На паласе возле книжного шкафа лежала раскрытая книга. На ней огромный чёрный котьяра. Светил в мою сторону зелёными фарами глаз и буквально гипнотизировал...

– Димааа! – заорала я нечеловеческим голосом. Закрыла глаза, изо всех сил ущипнула себя за ногу, открыла глаза. Кот и не подумал исчезать. По-прежнему сидел на книге, обернув лапы пушистым хвостом. Я не стала сдерживаться. Помчалась к Димасику в спальню, прямо в чём была. Тут не до приличий! У Димки НЕ БЫЛО НИКАКИХ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ! НИКОГДА!

Когда я ворвалась к Димасе под одеяло, он таки проснулся. Немного обалдел – не без того, разумеется. Раньше мы как-то с ним не доходили до подобных отношений.

– Ммариночка, – одной рукой он безрезультатно пытался нашарить очки на тумбочке, – что случилось? – При этом другой рукой старательно запахивал на груди пижамную куртку. О! И что, интересно знать, я там должна была такого увидеть?!

– Дима! В зале – чёрный кот!

– Кот? Какой кот? У меня нет никакого кота...

– Так вот и я о том же! А кот сидит! На книге!

– Тебе приснилось. Успокойся.

– Пойдём, посмотришь!

– Ххосподи, – мученически простонал он. – Прости, я не одет. На гипс пижамные штаны не лезут...

– Да фиг с ними, со штанами! – рявкнула я. Вот зануда, я лично совсем без штанов... Ой, мама!..

– Вот мой халат, – дипломатично отвёл взгляд в сторону Димыч.

– Спасибо...

В три ноги мы прискакали в зал. Я втайне надеялась, что мой чёрный мохнатый глюк испарится под трезвым димасиным взглядом. Куда там! Он просто перебрался с книги на тахту и возлежал на одеяле, вытянувшись во всю свою немалую длину.

– Хм... Действительно, кот... – Димасик вытянул руку по направлению к зверю и несколько неуверенно позвал: кис-кис-кис...

– Не трогай его! – шёпотом предостерегла я.

– Почему? – удивился Димыч.
– Почём ты знаешь, может, это и не кот вовсе...
– А кто?!
– Откуда он тут взялся?!
– Через балконную дверь залез, – Димасик пожал плечами. – Чей-нибудь соседский. Надо напоить животное молоком и поспрашивать соседей на предмет пропажи чёрного кота.
– Дверь закрыта. Фомки у зверя нет. Как залез? – осведомилась я.
– Я вчера балкон открывал, проветривал, – снисходительно пояснил Димыч.
– Ты посмотри, на чём он сидел, когда я проснулась! – я подскочила к книге, лежащей на полу. Взгляд заполошённо метнулся по строчкам:

*"Тогда близ нашего селенья,
Как милый цвет уединенья,
Жила Наина. Меж подруг
Она гремела красотою"*

Наина! Имя словно молнией в макушку ударило! Я повернула книгу к себе обложкой. Ну, разумеется! А чего ещё ждать? Александр Сергеевич, милый, определённо мы с вами чего-то не дорешали в прошлой жизни. "Руслан и Людмила" – витиеватыми буквицами значилось на красочной обложке. Книжку я узнала. Сама же и подарила её Димычу на какой-то из дней рождения в далёком младшешкольном детстве.

– Вот! – потрясая книгой жестом обвинителя на Салемском процессе, подступила к этому Фоме неверующему. – А мне ещё, между прочим, Пушкин снился и про Наину говорил... Неспроста, а?!

– Мариночка, солнышко, ты мне ещё охоту на ведьм устрой в условиях отдельно взятой городской квартиры. Только учти, я тебе не помощник по причине инвалидности. Уверяю тебя, зверь – самый обыкновенный кот! Я сейчас позвоню Сеньке Рыженко из соседней квартиры... Я ему на прошлой неделе Windows переустанавливал. Совершенно бесплатно, между прочим. Вот пусть и выяснит, чьё это сокровище. И нам польза, и лампочки в подъезде целее будут...

Кот нахально улыбался в шикарные усы. Моя паника явно его забавляла.

Я честно отвезла Димыча на его фирму. Помогла ему доковылять на костылях от стоянки к лифту и от лифта до кабинета. Намучались презрительно.

– Только оказавшись в такой ситуации, понимаешь, – грустно пропыхтел Дим, – как в сущности мало приспособлен большой город для инвалидов вроде меня...

– Возьми больничный и сиди дома. Я не могу смотреть, как ты мучаешься. На крайний случай, ты можешь работать через Интернет...

– Твои слова, да шефу в уши...

В этот момент к нам подбежали два молодых человека, подхватили Димыча под руки и куда-то понесли.

– Не забудь вечером меня забрать, – только и успел крикнуть болезный. Судя по всему, он срочно понадобился своему шефу.

На работе я обедаю в "Стекляшке". Это небольшая кафешка на Замановском рынке. Кормят прилично и по деньгам не так уж накладно. Идти недалеко. Наша контора находится в большом офисном здании как раз напротив рынка. Через площадь перейти, нырнуть под голубой пластик рыночных куполов, – и вот она, "Стекляшка", между цветочным павильоном и книжным магазином.

Мне частенько приходится бывать на Замановском рынке. Просто, раз он ближайший к месту моей работы, я всегда покупаю здесь продукты и всё необходимое для дома. Экономия времени. Вот и сейчас, подумав, что гости гостями, но надо бы и свою лепту в продовольственную корзину Димасика внести, решила попутно прикупить кое-что из продуктов. Я таки твёрдо решила обосноваться у него на какое-то время. А что? Кто-то должен возить его на работу, если уж ему так хочется изображать из себя мученика и прыгать по офису на костылях. А мне совсем не улыбается тащиться потом через полгорода к себе на перекладных. Ведь гаража для его машины у меня во дворе нет...

Погружённая в свои мысли, я свернула в сторону продовольственных павильонов, и тут меня кто-то крепко схватил за руку.

– Постой, яхонтовая! – нараспев протянул грудной женский голос. – Послушай, чего скажу! Всю правду открою, ты не думай! Сглаз на тебе сильный!

Я дёрнулась, как от удара током. Цыган боюсь с детства. Столько всего про них слышала! И супертехникой гипноза они владеют. И обобрать человека до нитки им ничего не стоит. А тут отборная представительница цыганского роду-племени в цветастой юбке и шали с кистями цепко держала меня за руку и что-то плела о венце безбрачия. Дескать, знает она про мою беду – замуж мне никак без её помощи не выйти, но она обязательно поможет, потому что все люди братья и сестры, и нужна для этого самая малость – возьми денежку, заверни в неё золотую цепочку и золотую сережку из левого уха...

В нескольких шагах позади цыганки и чуть в стороне сидел большущий чёрный кот. Зеленые фары глаз очень знакомо гипнотизировали меня взглядом. Да что это за наваждение такое! "Сгинь, нечистая сила!" – сказала я мысленно. Видимо, не слишком убедительно. Кот и не подумал исчезнуть. Зато мне вдруг стало очень спокойно. Страх перед цыганкой куда-то испарился. Я не вслушивалась в её складную речь. У меня словно прояснение в голове наступило. Я вдруг отчетливо поняла, что кроме меня кота никто не видит. Однако люди осторожно обходили то место, на котором он сидел. Цыганка на самом деле молотит языком всё, что придёт ей в голову, в надежде, что ухо потенциальной жертвы уловит только то, что непосредственно её касается. Люди ведь склонны слышать только себя и только о себе. А незамужних девушек моего возраста по статистике гораздо больше, чем неженатых парней.

– Рукупусти, – сказала ей – И иди себе... Пока я тебя добром отпускаю.

Согласна, фраза странная. Но именно она подвернулась мне на язык. Чёрный кот одобрительно кивнул головой. Цыганка заткнула фонтан своего красноречия и устала на меня остановившимся взглядом. Запястье моё из пальцев, однако, выпустила. Я испытывала странное чувство – сейчас она сделает всё, что я прикажу. Мгновение, и это ощущение исчезло. Не говоря ни слова, взметнув ворох цветастого подола, базарная ворожея испарилась.

Вечером из донесения мальчишек стало известно, что ни у кого в доме чёрный кот не пропал.

Наше глюкоподобное сокровище встретило появление хозяев утробным мявом и потягиванием. Димасик откровенно любовался статью и грацией неопознанного животного. Я паниковала. В красках расписала встречу с цыганкой на рынке, не забыв упомянуть про явное или неявное присутствие там именно этого кота. Димыч, угостивши животину рыбными консервами, явно наслаждался его обществом. О том, чтобы благоразумно избавиться от странного вторженца, не могло быть и речи.

– Ты преувеличиваешь, – поглаживая широченную спину котяры, чуть не мурлыкал мой друг. – У кисыча явное алиби на весь день. Он же был заперт в квартире. Это был другой кот.

О! Уже кисыч!

– А не много ли чёрных котов поблизости в последнее время?! – не выдержала я. – Всё! Хватит! Мне надоело! – существовал только один человек, способный пролить свет на все эти непонятные происшествия с парнями, сломанными каблуками и появлением из ниоткуда чёрных котов. – Ты мою двоюродную бабушку Марину помнишь?

– Из Белозёрок? Разумеется, помню.

– Одолжи мне машину – я еду к ней!

– Одна?! С ума сошла?! Это почти под Питером... Я тебя одну не отпускаю...

– Ну да, а с твоей сломанной ногой мы проведём время в дороге куда как веселей...

– Плевать на мою ногу! Одна ты куда не поедешь! Я сказал.

Победила, разумеется, дружба. И никто из нас даже не удивился, что в нелёгком пути к дачному посёлку Белозёрки, что под Санкт-Петербургом, нас сопровождал уютно свернувшийся клубком на заднем сиденье димычева "Вольво" большой чёрный кот.

В Белозёрках бабушка Марина жила всегда. По большому счёту, посёлок только назывался дачным. Жили в нём люди и в не дачное время. Был он довольно большой. До города недалеко. В ранешкольное детство я иногда проводила в нём лето. Хотя бабушку Марину побаивалась. Старушка была с причудами...

Дом её стоял на отшибе, окружённый высоченными соснами. За столько лет соседские дома так и не смогли до него добраться и взять его в плен.

Возле некрашеного штакетного забора стояло несколько машин. Что за дела? Я помогла Димасику выбраться и подала костыли. Кот шмыгнул мимо нас и по-хозяйски махнул через забор. Странное поведение для городского животного.

Мы прошли через двор к летней кухне. Обычно бабушку именно в ней и можно было найти. Перед кухней толпились люди...

– Ты уверена, что с твоей бабушкой всё в порядке? – шепнул мне Димасик встревоженно.

– Мама с ней всё время общается. Если что, уже позвонила бы...

Никого из присутствующих я, понятное дело, не знала. Кто были эти люди? Соседи, знакомые... Но уж точно, не родственники. А может быть, бабуля на старости лет вступила в какую-нибудь секту? С твёрдым намерением выяснить, я шагнула к порогу. Димасик прыгал следом. Кота нигде не было видно. Хорошо бы сгинул, наконец!

Однако пройти мне не дали. Бойкая на вид пожилая мадам в дублёнке заступила мне дорогу.

– В очередь, молодые люди! Мы по записи приехали и с утра стоим, а вы только появились и уже пройти хотите?!

– Мы родственники, – брякнула я.

– Все такие родственники, – грудью наступала мадам в дублёнке, оттесняя меня назад. Я чуть не упала на Димасика.

– Да постойте вы! Я к бабушке приехала! Что здесь происходит?!

– Вечно эта молодежь без очереди проскочить норовит, – поддержали мадам из толпы. – Бабушки, дедушки..., становись в очередь и не мешай! Здесь нельзя шуметь!

– Что делать будем? – Димасик оттащил меня в сторонку от возмущённого народа. – А может, твоя бабушка дом продала и переехала куда-нибудь?

– Мама сказала бы мне... Да и чего ей ради дом продавать...

– Сколько лет ты здесь не была?

– С детства.

– А бабушку сколько не видела?

– Бабушку видела в прошлом году в Питере, отстань! Она бы мне сказала, что продаёт дом! Сама же звала на лето в отпуск...

Тут дверь кухни открылась и на пороге возникла моя бабуля. Вообще, старушкой её называть, конечно, язык не повернётся. Статная женщина пожилого возраста со следами былой красоты, как сказал бы поэт. Последуем его совету. Тем более, что бабушка Марина с характером, и если ей что-нибудь не понравится... О! Я вам заранее сочувствую.

Меня она заметила практически сразу. Улыбнулась, кивнула.

– Заходи в дом, Марина, я сейчас. Вот только освобожусь.

Да, меня назвали в честь двоюродной бабушки. Мама настояла. Видимо, ей казалось, что одной Марины в семье маловато...

Мы с Димасей двинулись в сторону дома. Вослед нам понеслись неприязненные возгласы: "И здесь блат! Наверняка столичные штучки!.."

– Они промазали на пару сотен километров, – усмехнулся Димасик.

– Пусть их, – отмахнулась я. – Нет, ну ты видел! Бабуля не иначе целительницей заделалась...

– А что? Данные у неё есть. Помнишь, как она мне тогда руку вправила?

– Вот если она мне сейчас всё объяснит...

Ждать пришлось довольно долго. В уютном доме бабушки всё было, как в обычной городской квартире. Все блага цивилизации давно уже докатились и сюда. Не то, что в благословенном детстве. Как вспомню – туалет на улице, вода из колодца, так вздрогну... В ожидании объяснений, мы с Димасем пили чай и смотрели телевизор. Всё как дома, только прапрапрабабушка с Александром Сергеевичем подозрительно переглядывались с портретов на стене...

Бабушка пришла не одна, следом за ней важно шествовал чёрный кот. А я уж надеялась, что мы его потеряли!

– Что, Дима, ногу лечить приехал? – сразу спросила она.

– В общем, нет, а вы можете? – не растерялся мой друг.

– Могу, конечно, – вздохнула бабушка, – да только дорого это обойдется... для тебя. Да я не деньги имею в виду. – заметив, как мы переглянулись, тут же махнула рукой она. – Уж лучше пусть естественным путем срастается. Ты парень молодой, у тебя быстро заживёт. Только скачи поменьше, больной ноге покой нужен.

– Постоянно ему это говорю, – буркнула я.

– Ну, раз не за этим, тогда с каким делом пожаловали, гости дорогие?

Вот тут-то я рассказала всё! Излила, как говорится, душу. И про неудачи на личном фронте, и про странную месь со стороны памятника Пушкину, и про подозрительного чёрного кота, и про цыганку на рынке... Бабушка слушала, подперев щеку кулаком. Видимо, не впервой ей подобный бред выслушивать, догадалась я. Странно, но мне здорово полегчало.

– Да не бред это вовсе, – улыбнулась бабуля. – И кот твой не... глюк, как вы его называете, а Ремигий. Бывший колдун. Натворил он бед в своё время, а теперь вот к молодым колдуньям поводырём приставлен. Оберегать и охранять, значит. Пока молодёжь в должную силу не войдет. Испытание у него такое.

– Чего? – я без сил опустила на пол. Нет... Но чтобы бабушка такое сказала... – Бабуля, ты ведьма?!

– Почему сразу ведьма? Я народная целительница, – усмехнулась бабушка.

– А чем докажете, что кот – бывший колдун? – поправив очки, азартно спросил Димасик.

О! И этот туда же!

– Дима, вещи это достаточно серьезные. Никто тебе попусту пальцами щелкать не собирается.

– Ну, так ведь можно утверждать что угодно, – не унимался Димасик. – К примеру, что я – очередное воплощение Будды.

– Как знать, – пожалала плечами бабушка. – Это тебе, Димочка, к индийским специалистам. Они и не такое лечат...

– Так, хорошо! – прервала я их любезности. – Ну а Пушкин-то здесь причём?!

– Пушкин... Давно это было, – напевно завела бабушка. – Дневниковых записей и писем, пожалуй, уж и не сохранилось. Ты посвящение к "Руслану и Людмиле" хорошо помнишь?

– Я? – вопрос меня несколько ошарашил. Честно сказать, в памяти больше застрял вариант из школьного фольклора, в котором "скелеты скачут в босоножках".

– У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том: и днём, и ночью кот ученый всё ходит по цепи кругом; – продекламировал Димыч, – идёт направо – песнь заводит, налево – сказку говорит...

– Ну вот, это он и есть, собственной персоной, – кивнула бабушка на довольно жмурящегося Ремигия.

– Чего?! – в один голос воскликнули мы.

– Александр Сергеевич был лично знаком с Ремигием, и прототипом Кота учёного стал именно он. Вряд ли поэт был знаком с другим подобным котом.

– Бездоказательно. Почему тогда не говорит? – спросил Дим возмущенно.

– Что бы вам хотелось послушать, юноша? – голос у Ремигия был высокий, с явными кошачьими обертонами.

– Гипноз? – обернулся Димыч к бабушке. Та лишь плечами пожалала. – Но кот не может прожить триста лет с гаком!

– Ну, так и Ремигий не совсем обычный кот... В нашей семье из поколения в поколение старшая дочь старшей дочери перенимает определенные способности и становится колдуньей. Испокон веку так было. Вот и прапрабабушка твоя, чей портрет на стене висит. Красивейшая женщина была. Многие за ней ухаживали, да-а. Никому от этого счастья не было, а, скажем так, совсем наоборот. Родовое проклятье. Пушкин знаком с ней был лично. Наина, что в поэме, это твоя прапрабабка и есть. Пушкину знакомство с твоей прапрабабкой тоже удачи не принесло. Особенного счастья в личной жизни у него не было, хоть и любовь крепкая, а потом и дуэль эта...

– Вы ещё скажите, что Пушкин стрелялся на дуэли из-за вашей прапрабабушки?! – Димыч ещё держался под натиском новостей.

– Нет, стрелялся-то он из-за жены, но все его неприятности – из-за того, что был знаком с прапрабабкой, – убежденно заявила бабуля. – Если хотите, Ремигий тому живой свидетель.

– Ну, а мне-то что теперь делать? – честно говоря, я просто потерялась. Бабушка всю жизнь слыла человеком крайне серьезным. Шутить подобные шуточки с двоюродной внучкой – такое в голове не укладывалось. Но если всё сказанное правда, значит я – потомственная ведьма?! Да ещё с обетом безбрачия в перспективе. Весело. Прямо до слёз.

– То же, что и все остальные до тебя, – пожалала плечами бабушка. – Тебе ещё повезло. Я, покуда жива, всему, что знаю, научу. Моя-то бабка в войну померла. Мне до всего самой доходить пришлось.

– Знаете, мне как-то не очень хочется ведьмой быть... Я больше хочу простого человеческого счастья, – не слишком уверенно промямлила я.

– Пойдите, – тут же среагировал Димасик, – тут ведь интересная вещь получается! Вы говорили: старшая дочь старшей дочери. А Мариночка – единственный ребёнок в семье. То есть, она тебе и старшая, и младшая... Может, у неё есть возможность выбора?

– Возможность выбора, юноша, есть всегда, – мурлыкнул Ремигий и вспрыгнул на кресло. – Только нужно правильно сделать выбор. Выбирай, девочка, да только не ошибись...

СЛУЧАЙ НА СТРОЙКЕ

Сегодня на левом берегу подозрительное оживление. Много машин, бульдозеры... Начали вырубать рощу. Я спросил у всезнающих мальчишек:

– И что это будет?

– А завод построят, – охотно объяснил мне вихрастый и конопатый представитель босоногого рыбацкого племени, – химкомбинат. А отходы в речку сбрасывать будут. Всё. Хана рыбалке. – Он сплюнул себе под ноги, смешно пошевелил грязными пальцами ног. – Повсплывают караси кверху брюхом...

Остальные мальчишки сворачивали удочки. Действительно, какая уж тут рыбалка... Они попрятали одежду в дупло старой ивы и махнули на тот берег – разворачивающаяся стройка их явно привлекала больше, чем тихое сидение с удочками. Я задумался. Химкомбинат, отходы в реку... С этим надо что-то решать.

К вечеру всё затихло. Периметр будущей стройки обнесли забором, на испоганенной земле появились три вагончика, возле них замерли два бульдозера. На лесенке одного из вагончиков сидел сторож и курил, у бульдозера привязали большого злющего пса. Роща попросту перестала существовать...

Я уже говорил, что не люблю людей? Технику и вагончики можно утопить. Не в реке, конечно. Там на это места не хватит. Да и достать можно. Люди, они ведь настырные. Если я попрошу, земля всё примет. А я попрошу.

Пёс не сопротивлялся, когда я отвязывал его от бульдозера. Сторож долго не мог понять, чего от него хотят, но, увидев целых три бутылки водки и поняв, что со стройки воровать ничего не собираются (а чего тут воровать? Воровать-то кроме бульдозеров и забора еще нечего), подношение принял, а приняв, громко захрапел. Земля расступилась и поглотила машины и вагончики. Вскоре ничего не напоминало о недавнем варварстве. Вот только рощу никто не вернёт. Деревья растут долго... Ничего, весной река разольётся и принесёт с собой новые семена новых деревьев. А я уж постараюсь, чтоб им никто не помешал вырасти.

Утром приехавшие на машинах и автобусах работяги подняли переполох. Долго будили пьяного сторожа, вызывали милицию, искали следы... Рыть котлован начали только во второй половине дня. Я наблюдал за всей этой возней с правого берега. Ничего, ройте, ройте. Утром вас ожидает сюрприз. Вновь установили вагончики, технику, правда, оставлять не стали. Ну и не надо, мне меньше забот. За ночь я тщательно сровнял нарытое и утопил вагончики. Трёх работяг, заночевавших в них, пришлось усыпить наговором. Вспомнил детство. Меня эта возня начинала даже развлекать. Вот только рощу жалко. Весной в неё соловьи прилетали. Теперь уже не прилетят...

На следующее утро по стройке прошлось высоко начальство в сопровождении милиции. Где-то в городских верхах, видимо, назревал большой скандал.

Я мирно сидел с удочкой на правом берегу, когда ко мне подошёл милиционер с папочкой и заинтересовался:

–ловишь?

– Да так...

– Поймал чего?

– Не-а... – разумеется нет, на моих удочках начисто отсутствовали крючки. Правда, милиционеру знать об этом совсем не обязательно.

– Ты ведь тут каждый день сидишь. Наверное, купаться ходишь, ничего такого не замечал?

– Какого такого? – темните, дяденька.

– Ну, может, ходили люди незнакомые, нездешние... Ты ведь сам деревенский, ты тут всех знаешь?

– Э, да тут все время кто-нить ходит. То рыбу ловят, то водку пьют, – прикидываюсь я лопухом. – Да вы и сами не местный, дяденька!

– Ну, хорошо, – сдался милиционер, – если что подозрительное заметишь, обязательно скажи. Я ещё подойду к тебе. Ладно?

– А как же! – кивнул я. Милиции надо помогать. Только фиг вы чего найдёте, дяденька. Бульдозеры уже глубоко. Помнится, ещё в войну немцы на танках подъехали в аккурат с левого берега и туда же:

– Малшик, покажите нам мост или мы тебя немножко стреляют! – и это мордатое нечто ткнуло меня в живот дулом автомата.

Мне в принципе было абсолютно всё равно, чьи дети ловили бы рыбу в моей реке. Я не люблю всех людей без исключения. Но сама постановка вопроса меня оскорбила до глубины души. Не плюйте в колодец, господа...

– Вам лучше уйти отсюда, – сказал я им тогда. Они долго смеялись. Уж не знаю, что в этом было смешного.

– Храбрый малшик – партизанен? Мост, покажите мост...

Мост я не показал. Не из вредности или героизма. Не было моста. Его просто взорвали другие при отступлении. А когда горячие пули прошли моё тело, я попросил землю, как просил её не раз до того и после того. И она мне не отказала...

Эти танки и сейчас там. Очень глубоко. Гораздо глубже плодородного слоя почвы. Медленно погружаются к раскаленному чреву планеты, сминаясь в бесформенный комок под сильным давлением, и когда-нибудь достигнут ядра...

Все-таки люди – странные существа. Считают себя разумными. Обладатели разума уже оставили бы попытки поганить землю и воду, особенно столкнувшись со столь явным противодействием. На свой наблюдательный пункт на старой иве я поднялся ещё затемно. Высокое начальство не заставило себя долго ждать. Видимо, дело со строительством химкомбината было взято на особый контроль. В сопровождении милицейского УАЗика к строительной площадке подкатило целых три "Волги". Из машин выбрались люди со странными приборами и принялись оцеплять стройплощадку проводами. А это становится всё забавнее! Как и следовало ожидать, от усыпленных мною работяг никто не мог ничего добиться. Они лишь очумело мотали головами и вяло разводили руками. Нет, не пили... Нет, ничего не помнят... Нет, никто не приходил... Ну ещё бы! Строгое начальство никак не могло угадать, куда делись вагончики, и кто засыпал вырытый за целый день работы котлован?! В мистику строгое начальство верить отказывалось. Ну и правильно. Я в мистику тоже не верю...

Подтянувшиеся вскоре мальчишки долго возбужденно гомонили, располагаясь на берегу.

– Семёнов сказал, что из края специалистов вызвали! Будут выяснять, что на стройплощадке делается.

– Много знает твой Семёнов. Не из края, а из Москвы!

– Специалисты по паранормальной активности.

– Бери выше. Телевизионщики приехали. Передачу хотят снять, а им запрещают.

– А запрещают чего?

– Кто знает? Боятся, как бы чего не вышло...

– А моя бабка говорит, это водяной шалит...

– Ничего себе у него шалости! – прыснул кто-то.

– Пойди, скажи своей бабке, пусть специалистам из Москвы посоветует водяного задобрить. – ребятня дружно расхохоталась.

– Ребят, а вам нашу речку совсем не жалко? – раньше я с ними почти не разговаривал. Так, всё как-то не о чем было. Ну, о мелочах разных вроде наживки или спички попросят, или время узнать. Я не шёл на контакт вполне сознательно. Человеческий век слишком краток, чтобы заводить с этим беспокойным и назойливым племенем близкое знакомство. Не успеешь узнать, почувствовать, задеть тонкие душевные нити, а они уже оборвались...

– Жалко? – переспросил высокий дочерна загоревший парнишка. Остальные называли его Толян.

– А чего её жалеть? – Он вполне искренне удивился. – Чего ей сделается-то? Наоборот, построят химкомбинат, будут новые рабочие места.

– Комбинат испортит воду в реке и воздух в городе, – мальчишки перестали гомонить. Было видно, что разговоры эти они уже слышали и дома.

– Да ну вас! Что вы, в самом деле! – досадливо махнул рукой один из них. – Ну и что мы можем сделать? С плакатами пойдём? Наручниками себя к вагончикам приковывать будем? Я, например, тоже против этого химкомбината. Известное дело, им лишь бы построить. А отходы, понятно – в ре-

ку. Да тут через полгода к воде без противогАЗа не подойдёшь! Я знаю. У меня тетка в Невинномысской живёт. Там вороны на лету дохнут. Помяните мое слово, у нас такая же песня будет. Пусть этот водяной и дальше строителям пакостит, я ему только в помощь.

– Слушайте, а в самом деле, неужели это и правда водяной? – беловолосый малыш Тёмка с опаской тронул ногой желтоватую речную воду.

– Водяных не бывает, – авторитетно заявил Толян. – Бабские сказки.

– Ну, кто-то же вагончики убрал, бульдозеры угнал и котлован зарыл, да так, что следов не осталось?!

– Ага, водяной! – усмехнулся Толян. – Сами строители и пропили всё это добро. А котлован "зелёные" закопали. Они ведь протестовали против строительства?

– Они на площади протестовали.

– Филька, чего ты пристал со своим водяным?! Ты тут всю жизнь купаешься, ты его хоть раз видел?!

– А моя бабка говорила...

– Вот и иди к своей бабке! Всю рыбу распугал!..

Я поневоле задумался. Совершенно ясно, что в этот раз человеческие интересы пересеклись с моими. Вопрос идёт о жизни и смерти. Это не пустые слова. Я слишком завишу от своей реки. Если верить словам мальчика о дохнувших на лету воронах, то меры нужно принимать серьёзные и незамедлительно. Конечно, я не привязан именно к этому берегу своей реки. Я могу плыть по ней до самого моря и жить в любой точке от истока до устья. Но ведь отравы, которую люди сбросят в воду, также доберётся в любую точку моей реки. И это лишь вопрос времени. Я слишком долго живу среди людей, я их достаточно хорошо знаю. Поэтому и не люблю. Поверьте, их не за что любить.

Если жизнь в моей реке прекратится, рано или поздно погибну и я сам. Я, конечно, почти бес смертен. Но только почти... Как ни странно, я живу, только пока жив хотя бы один захудалый пескарёк в водах моей реки, ходя бы одна-разъединственная плотвица. Пока ещё плотвы в моей реке достаточно. Да что там. Скажу вам по секрету, в моей реке в глубоких омутах водятся огромные сомы. Ростом как раз вот с этих беспечных мальчишек-рыбаков.

Совещание на левом берегу закончилось. "Волги" и УАЗик уехали, вновь зарычали бульдозеры, и неугомонные строители принялись снова рыть свой котлован. В этот раз, правда, вагончиков не устанавливали, забора не ставили. Просто выкопали здоровенную яму и всё.

Мальчишки, с интересом следившие за тем, как столичные эксперты устанавливали своё оборудование, стали спорить.

– Утром котлована не будет! – убеждённо заявил Филька и ловко выдернул из воды довольно крупного коробка.

– Нее, – Толян лениво сплюнул на воду, – такую здоровенную ямищу "зелёным" ни за что без бульдозера не зарыть. А стройку милиция охранять будет. Так что всё, сказки кончились.

– На что спорим?

– Да на твою удочку!

– Ну..., хорошо. Ребят, разбейте!

Тёмка охотно разбил спорщиков. Я внимательней присмотрелся к Филиппу. Странный парнишка. На его углепластиковое удище ребятня поглядывала с завистью. Остальные рыбачили обычными бамбуковыми удочками. А тут дорогостоящая новинка. И так легко на кон поставил, словно знал, что котлован действительно за ночь исчезнет.

Милицейский кордон охранял стройку только со стороны дороги. Разумные люди считали, что зарывать котлован будут другие не слишком разумные люди при помощи тяжёлой техники. Я усмехнулся. Портить жизнь дяденькам из милиции не стал. Пусть уж спокойно выспятся на дежурстве, когда им ещё такое выдастся. Вновь аккуратно заровнял котлован и тоже пошёл спать.

– Водяной, ты где?! Я знаю, что ты здесь! Выходи! Выходи же! Очень надо, понимаешь?! – вполголоса отчаянно надрывался Филипп.

Я выглянул из-за кустов. Интересно, чего ему надо в такую рань на реке? А! Он же вчера с мальчишками спорил на свою удочку. Не иначе, пришёл посмотреть, чем дело кончилось. Не увидит ничего парень. В это утро на воду лёг густой, как парное молоко, туман. Правда, можно было услышать, как с того берега разрывается сирена милицейского УАЗика.

– Водяной, я про тебя никому не скажу, – продолжал убеждать Филипп. – Только поздно уже. Про тебя и так знают. Ты ночью на камеру слежения попал, когда котлован закапывал. Мой старший брат взломал комп этих специалистов из Москвы. Ну, в общем, долго объяснять... Ты в опасности!

Странный парнишка. Предупредить, значит, пришёл. Ладно. С этого места подробнее, куда я попал? Я вышел из-за кустов. Увидев меня, он вздрогнул.

– Ты чего орёшь? – спросил я.

– Я это... предупредить хочу, – было видно, что Филиппу сильно не по себе, но он старается держаться независимо.

– Спасибо, уже предупредил. И меня, да ещё и рыбу распугал на километр вниз по течению.

– Я серьёзно! Они скоро будут здесь, – заторопился мальчишка. – Как только сообразят, кого увидели. наших пацанов допросят, выяснят, что это именно ты сделал, и приедут.

– Успокойся, Филипп, – я вышел из воды на берег и принялся отжимать одежду. Привычные действия его действительно успокоили. Он уселся около меня на корягу.

– А ... ты действительно водяной? – спросил с интересом и затаённой опаской.

– Действительно, – усмехнулся я.

– Тогда нужно что-то делать, – он решительно тряхнул головой.

– Ты о чём?

– Тебя нужно где-то спрятать. Эти люди из Москвы. Они тебя поймут, начнут изучать, могут вообще угробить!

– Филь, ты действительно думаешь, что легко угробить того, кто может за одну ночь утопить в земле котлован, вагончики и бульдозеры?

– Но ты же не знаешь, на что они способны?! А если начнут стрелять?

– Пусть стреляют, Филь. Главное, чтобы в это время тебя поблизости не было.

– И ты не дашь им построить комбинат?

– Нет, Филипп. Я не дам травить реку.

– Мой брат, он за "зелёных". Он считает тебя мутантом. Что-то вроде человека-паука. – Филипп хихикнул. – А бабка говорит, довели природу-матушку, вот она и огрызается... Знаешь, я когда вырасту, обязательно придумаю такие фильтры, чтобы промышленные стоки очищать. Брат говорит, что работы в этом направлении – непочатый край.

– Ну, ты уж постарайся, а я тебя подожду.

Нашу мирную беседу прервал вой приближающейся милицейской сирены.

– Ну, давай, беги домой. Если что, ты меня не знаешь, – посоветовал я ему.

– А тебя точно не убьют?! – в глазах Филиппа снова появилась тревога.

– Я бессмертен. Мне столько же лет, сколько реке, а это, поверь, очень много...

Пока дяденьки милиционеры бродили по туману вдоль берега моей реки, я думал. Люди не склонны меняться к лучшему. А может, мы сами в этом виноваты? Мы допустили ошибку? Нужно было не прятаться под корягами, ожидая пока нас вытравят сточными водами и химикатами, выбьют вместе со зверьём, срубят последнее дерево в лесу. Нужно было идти к ним и учить. Учить их жить в мире с нами, в согласии с природой. В конце концов, мы с ними плывем в одной маленькой хрупкой лодке по имени Земля.

ГЕНРИХ УЖЕГОВ

Тихорецк

Литературная жизнь Ужегова Генриха Николаевича началась в 1957 году, когда он впервые пришёл в тихорецкую литературную группу, участниками которой уже были Валерий Горский и Юрий Кузнецов. С 1994 по 2021 годы им издано 22 стихотворных сборника, а также несколько книг прозы. Но основной своей работой Г.Н. Ужegov считает книгу "Словарь русской рифмы", над которой он работал более восьми лет. Сейчас эта книга стала настольной для многих поэтов.

Ещё одна работа Генриха Ужегова по теории стихотворчества "Уроки стихосложения" стала своеобразным учебником по обучению молодых поэтов и писателей основам поэтического мастерства. Эта книга получила высокую оценку российских писателей.

Будучи по профессии врачом, Генрих Николаевич написал около 70 книг по народной медицине и здоровому образу жизни.

С 2000 года Ужegov Г.Н. является бессменным руководителем Тихорецкого литературного объединения "Родник".

Стихи о стихах

Стихи – сосуд, в котором наши чувства
Приобретают контуры души,
Писать стихи – великое искусство:
Не веришь? Ну, попробуй, напиши!

Строка должна звенеть как колокольчик,
Красивой быть, как ива у пруда,
И чем стихи пронзительней и звонче,
Тем больше в них заложено труда.

Слова в строке, как камушки морские,
Обкатаны и сглажены не раз,
Поэт – пловец, поэзия – стихия,
А остров назначения – Парнас.

И чтоб стихи, взлетая словно птицы,
Могли в подлунном мире уцелеть,
Над каждым словом надо потрудиться,
И каждую строкой переболеть.

* * *

Опустился сумрак на поля и доли,
От росы склонились низко васильки,
Приподняв повыше лёгкие подолы
Ивы моют ноги ночью у реки.

Где-то огоньками светит спящий город,
Там кипит и ночью жизни суэта.
Почему в деревне, я, как прежде, молод?
Почему близка мне эта красота?

Видно оживает старая закваска,
И во мне не умер деревенский род.
Как недолговечна городская краска,
Как живуч обычный сельский приворот.

Небо распахнуло звёздные ворота,
Ветерок, лаская, гладит ковыли,
Хочется, чтоб рядом был с тобою кто-то,
Чтобы снова рядом мы по жизни шли...

* * *

Отмеряны мои земные вёрсты,
И я хочу в тот светлый мир уйти,
Где птица счастья склёвывает звёзды
Со сказочного Млечного Пути.

Тот мир не всем доступен и понятен,
Но я хочу остаться вечно в нём,
И раствориться в блеске лунных пятен,
Чтобы светить их сказочным огнём.

И пусть хоть кто-то на моей планете
Через каких-то пару сотен лет
В минуту грусти вспомнит о поэте,
Который превратился в этот свет.

* * *

В лёд январский все речки закованы,
Спит укрытое снегом село,
Все тропинки к тебе заколдованы,
Все дороги к тебе замело.

Снег под ноги позёмкою стелется,
Снег преградой лежит на пути,
И смеётся в глаза мне метелица:
– Ты не сможешь до милой дойти.

Вьюга плачет, смеётся и бесится:
– Никуда не ходи, паренёк.
Но в конце нашей улицы светится
Мягким светом родной огонёк.

Я не жду от погоды хорошего,
Но имей, дорогая, в виду,
Я пробьюсь через снежное крошево
И к тебе непременно приду.

* * *

Мой дом открыт зимой и летом,
Для всех есть кофе и кровать,
И с каждым истинным поэтом
Мне есть о чём потолковать.

А если жизнь сыграет шутку,
Укоротив года на треть...
Я просто вышел на минутку,
На вечность чтобы посмотреть.

* * *

Не грусти, моя скромная лира,
Ну, о чём нам с тобой горевать?
За кулисами этого мира
Мы успеем ещё побывать.

А пока будем жить – веселиться,
Увлечаться и просто грустить,
Будем верить, пока будет виться
Нашей жизни непрочная нить.

С этой верой в удачу и Бога
Мы по жизни пройдем, не спеша,
Пусть удачною будет дорога,
Пусть спокойною будет душа.

Маме

Жизнь земную мы делаем сами,
Сами новые ищем пути,
Только вот... возвращаемся к маме,
Когда некуда больше идти.

Только в юности ценим мы мало
Нежность добрых морщинистых рук,
А ведь только она, только мама –
Наш единственный преданный друг.

Будет плохо – она пожалеет,
Будет трудно – конечно, поймёт.
Кто ещё мир души отогреет
И растопит уныния лёд?

Кто подскажет, поддержит, поможет
В этом мире греха и вражды,
Кто ещё так бестрепетно может
Заслонить от грозящей беды?

А как трудно бывает и больно,
Когда рядом её уже нет,
Словно душу теряешь невольно,
Словно гаснет за окнами свет...

Наши страсти пылают кострами,
Но на жизненном трудном пути
Мы всегда возвращаемся к маме,
Когда некуда больше идти.

СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ

Анапа

Зубарев Сергей Куприянович родился 28 августа 1954 года в Челябинске. С детских лет живёт на Кубани. Член Союза писателей России с 2007 года. Лауреат конкурса "Память сердца", посвящённого 70-летию Победы (2015); лауреат конкурса "Сим победиши" (2015); лауреат всероссийского литературного фестиваля-конкурса "Поэзия русского слова" (2016), лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. Гумилёва (2020).

Метаморфозы

Пашет вол, не волнуясь о воле,
Он привык и к сохе, и к ярму.
Путь-дорога от хлева до поля,
А других не изведать ему.

Ночь приходит, и что ж ему снится?
Зимний рай, тот, где снег невесом,
Иль в полях золотая пшеница,
Или сено да торба с овсом?

Может, Зевсом во сне себя видя,
Он в быка обернётся вот-вот
И Европу – влюблённый! – похитит
И по морю на Крит поплывёт...

Что гадать! Что бы ночью ни снилось,
Утром снова – ярмо да соха.
Лишь одна ему выпала милость:
Быть счастливым в пределах стиха.

* * *

Ночь дождливая, ветер осенний
Мне навяли странный тот сон:
В дом без стука вошёл вдруг Есенин,
Увидав его, был потрясён.

А Есенин небритый, усталый,
Со вселенской печалью в глазах
Так стихи свои – два! – прочитал он,
Гром заслушавшись, стих в небесах.

Ветер замер, лишь дождик всё плакал
От пронзительных этих стихов,
Да тоскливо завывала собака...
Я и сам был заплакать готов.

Стихотворец во мне сразу сдулся.
Чуть помедлив, я вымолвил: "Чи?"
А Есенин в ответ усмехнулся:
"Коль запомнишь, то будут твои".

И пропал. Я проснулся от грома.
И, казалось, ругался сам Бог:
"Посылать надо было к другому,
Ничего-то ты вспомнить не смог!.."

Мечты

Одни мечтают найти золотую жилу,
Безумцы хотят владеть
 всем подлунным миром...
Я тоже мечтаю, – мне бы вполне хватило,
Чтоб хлеб был с вином, бумага, ручка да лира.

Как закружил бы тогда меня звёздный омут,
Легко унося в страну самых светлых сказок...
Дожить бы нам всем до выписки из дурдома,
Когда люди снова будут ходить без масок.

Душа болит от записок: "Вышли в окно мы,
Хоть, и не птицы, и не летали ни разу..."

* * *

Белый ангел стоит за спиною...
 Ну, не плачь, мой хранитель, не плачь!
 Если кончилось время земное,
 Ты ль – виновник моих неудач?!

Милый мой, обвинять тебя не в чём,
 Мне досталась своя колея.
 В дивном хоре кузнечиков певчих
 Есть и скромная скрипка моя.

Жизнь идёт к своему завершенью.
 Ты не плачь, ангел мой, – видит Бог! –
 Были и у меня прегрешенья,
 Ты ж от больших меня уберёг.

И спасал ты меня не однажды,
 Как спасает лишь любящий брат.
 К этой жизни смертельную жажду
 Утолит ли последний закат?..

* * *

Когда бы не было любви,
 Наш мир давно бы канул в бездну
 (с банальной рифмой, как известно!),
 Он захлебнулся бы в крови.

Да, есть страдания и боль,
 И кровь всё так же где-то льётся...
 Но есть с живой водой колодцы,
 И свет, и солнце, и любовь.

Гремят ночами соловьи,
 Их песни проникают в душу...
 Но разве б мог их кто-то слушать,
 Когда бы не было любви?..

* * *

И под смеющейся луной,
 И под плакучей тучей
 Поэзия всегда со мной,
 Будь это Фет или Тютчев.

"Смирись, мятущийся поэт!" –
 Я с неба голос слышу.
 Когда есть Тютчев и есть Фет,
 Зачем вослед ты вышел?

Пропах сиренью майской дом,
 И сад стонал от ветра,
 "Когда весенний, первый гром"
 Во мне родил поэта.

Ну, кто, скажите, виноват?
 Я или кто-то выше?
 Когда "луной был полон сад",
 А я из дома вышел?..

Объятая

Ты глянь на блеск хитрющих глаз! –
 Как ни крепки объятая,
 Нас предадут ещё не раз
 И братья, и не братья.

Когда мы и страна сильны,
 Они, конечно, с нами.
 Всё поровну: мечты и сны,
 И пиво с пирогами.

Когда болеем и беды
 Мы избежать не в силах,
 Не каждый и стакан воды
 Подаст. Вот так-то, милый!

Пусть дождик падает с небес
 Иль ярко солнце светит...
 Мы приручили их к себе,
 И мы за них в ответе...

* * *

Поэт в стихах открыт. Как на ладони!
 Ты виден всем, что, брат, ни напиши:
 И трели соловья, и грай вороний...
 И свет, и боль, и чаянья души...

Искусно рифмой связываешь строки,
 Но спрячешь ли за золотой строкой
 Свои грехи и, – если есть! – пороки?
 Не утаишь душевный непокой.

В стихах цветут и опьяняют травы,
 В какую даль по ним ты ни ведёшь,
 Читатель видит, где сказал ты правду,
 Где произнёс напудренную ложь...

Ночной диктант

Шёл человек. И дождик вслед за ним.
 Догнал его, и побежали вместе.
 От луж с ручьями вверх взвивался дым,
 Сливаясь сладко с дождевою песней...

Жаль, что всё это было лишь во сне:
 И человек, и дождь, и эти строки...
 Не знаю я, кто диктовал их мне?
 Но чувствовал себя как на уроке.

Проснулся я, диктант не дописав
И песню дождевую не дослушав
Про путника ночного. Не узнав,
Дошёл ли человек и спас ли душу?..

* * *

Душу рвёт гармошка, скрипка горько плачет...
Прожитую жизнь не переиначить.

Не вернуться в юность к отчему порогу,
Чтоб из дома выйти вешнею дорогой.

Как в пути не сделать ни одной ошибки?
Потому и плачет нынче горько скрипка, –

Их наделал много, жил не понарошку, –
Разрывает душу старая гармошка.

"Над окошком месяц...", – кто-то запекает.
Что же ты не плачешь, ведь душа живая?..

* * *

*От вас, молодые, не скрою:
Не Божью, но знал благодать,
Державу я видел такую,
Какой её вам не видать.
Николай Зиновьев*

Время тьмы иль время сумерек,
Или утренней зари...
Говори, пока не умерли,
Говори, брат, говори.

Позади дороги вешние,
Несказанный тёплый свет...
Он для нас с тобой по-прежнему –
То, чему названья нет.

Ты об этом, брат, рассказывай,
Ничего не утаив.
Со страной Советской связанный
Детства сказочный мотив

Вдохновляет нас по-прежнему
И в метели, и в дожди...
Льётся музыка та нежная,
Время света впереди...

На развилке дорог

Вот две дороги, и камень странный:
Какой дорогой теперь идти? –
"Пойдёшь направо – тебя обманут,
Пойдёшь налево – обманешь ты".

И ты упрямо пошёл направо,
И был обманут, но видит Бог, –
Пусть не стяжал ты в дороге славу,
Зато ты душу свою сберёг.

Дорога снова чадит туманом,
Развилка множество на пути.
"Пойдёшь направо – тебя обманут,
Пойдёшь налево – обманешь ты".

Наказ забыл или заблудилась
Твоя душа, но свершилось зло.
И что же делать ты будешь, милый?
Налево как тебя занесло?

И вот идёшь ты дорогой к храму,
В кудрях и летом не тает снег.
А ты пришёл бы к нему, упрямый,
Когда не сделал бы зла вовек?..

Два голоса

В душе ли что иль в голове сломалось,
Но он давно в разладе сам с собой,
И кажется ему, одно осталось:
С обрыва сигануть вниз головой.

"Не выход это!" – слышит голос справа.
А слева шёпот: "Ты вина налеи!
Испей стакан, другой... Имеешь право.
На сердце сразу станет веселей".

А справа снова ласково, но строго:
"Отринь ту мысль! Она, брат, нечиста.
Ты оглянись назад, твоя дорога
Вином и так изрядно полита".

В холодный пот бросает. Голос сладкий:
"Ну, что тебе терять кроме цепей?.."
И он уже готов налить украдкой,
Чтобы не слышать слева слово: "Пей!"

Как маятник, его всю качает
От этих голосов, туда-сюда...
И голос справа: "Принеси, брат, чаю!
Уже взошла вечерняя звезда..."

* * *

Ваш "дивный новый мир" не нужен мне,
Ступайте цифровой своей дорогой.
Довольно мне ночной звезды в окне,
Я остаюсь с поэзией и с Богом.

И с памятью я горькой остаюсь,
И со своею безутешной болью,
И напитав пронзительную грусть,
Я остаюсь с горячею любовью,

Со всеми теми, кто лежит в земле,
По ком сейчас душа моя заныла...
Свеча, тетрадь и ручка на столе,
И в жилах плещут красные чернила...

* * *

Рождество. Золотая хурма
Всё ещё дозревает на ветках.
Плюс пятнадцать. Такая зима.
И тепла нам хватает, и света...

Бесполезно перечить судьбе,
Хоть хотелось бы, чтоб запуржило.
Тем не менее, слава Тебе! –
За тепло и за то, что мы живы.

Значит, где-то нас ждут впереди
И морозы, и снежные зимы...
А душа не раскиснет в дожди, –
Мы любимыми так же любимы.

* * *

Шумела весело гулянка...
– А ты чего не пьёшь, старик?
И тот с усталостью подранка
Седую головой поник:

– Душа кровит от острых лезвий,
Каким вином её залить?
Остаток дней хочу быть трезвым,
Ни одного чтоб не забыть.

Чтобы, представ перед Всевышним,
Я вспоминал не пьяный бред,
А нежное кипенье вишни
Или последний свой рассвет...

На волоске

Не раз, хмельной, висел на волоске
Над бездною, но в пропасть не сорвался.
Плеть молнии хлестала по руке,
И гром вослед отчаянно ругался.

Но вот однажды кончилась гроза.
Гром не гремел иль заложило уши?
Он разлепил усталые глаза
И видит: сжав кулак, сидит под грушей

В своём саду. Весь этот горький срок
Он спал иль жил? – мысль трезвая мелькнула.
Разжал кулак, и Божий волосок
С его ладони тотчас ветром сдуло...

* * *

Живут рядом двое, не прячась от гроз,
Хоть день ясный более мил.
А тьму любопытных терзает вопрос:
"За что он её полюбил?"

Вопрос этот спать им всю ночь не даёт,
К утру оставляя без сил:
"Нет ангельских крыльев, характер – не мёд...
За что он её полюбил?.."

А он, не приняв любопытных всерьёз,
С любимой живёт, как и жил,
Не ищет ответ на ненужный вопрос:
За что он её полюбил?

ЛИДИЯ ВДОВЧЕНКО

Ейск

Вдовченко Лидия Андреевна родилась в конце шестидесятых годов на Кустанайщине, в семье поволжских немцев, депортированных в Казахстан во время Великой Отечественной войны.

Член литературного объединения "Парус" (г. Ейск) с 2009 г. Член Международного союза писателей и мастеров искусств с 2015 г. Лауреат Первого Всероссийского литературного фестиваля-конкурса "Поэзии прекрасный свет" (г. Анапа, 2015), автор двух поэтических сборников, награждена грамотами и дипломами краевых литературных фестивалей. Член Союза писателей России.

Разговори меня

Разговори меня, окно,
Верни мне голос.
Когда с тобою заодно
Всесущий логос –
Как заговорщики, вдвоём
Пронзаем взглядом
Рассвета дымный водоём
Над сонным садом.

Когда ты мне велишь смотреть
В просвет-прореху
На сад, присвоенный на треть
Скупцом-орехом –
Я вижу: бархатцы под ним
Горят, как звёзды.
Цветочным запахом одним
Пресыщен воздух.

Я тычусь носом, ну а ты –
Открытой створкой.
Скатилось небо на цветы
Росою робкой.
В тени ореха парфюмер
Духи варганит –
И дух шафранных полусфер
Горчит в гортани.

Когда молчать с тобой велишь –
Впиваюсь зреньем
В рассвета трепетную тишь,
Теней горенье.

Я знаю: слово бережешь.
Но для поэта
Молчанье – золото и ложь.
Я знаю это.

Пора страды

Над полем созревшего хлеба
Квашнёй поползли облака.
Пахнуло соломой из хлева
И дождиком издалека.

Стояла жара – не гадали,
Не ждали ненастья вчера.
Комбайны пшеницу глодали,
Глотали зерно бункера.

Некстати нам тучи и ливни
В кипучую пору страды.
Не хмурься, погода, не липни
Испариной душной среды.

Хотя бы три дня, в самом деле,
Нам грозами не угрожай.
Позволь до исхода недели
Дожать зерновых урожай.

Старушки на тучи косятся
И крестятся: мол, пронеси...
А в поле хлеба колосятся
На брошенной Богом Руси.

Лето в окне

Трасса грохочет – КамАЗы летят.
Строится город. Соседи утят
кормят,
их писк долетает ко мне.
Лето в окне!

Зычные звуки вихряются вокруг.
Кружит с пилою мой добрый супруг.
Только и слышу:
быррр-быррр,
вжик-вжик-вжик –
занят мужик!

Счастье, когда всякий звук по душе.
Запахом лета, лимонным драже
вкатится солнце.
К стихам аппетит
прямо в окошко
влетит.

Офисный планктон

Когда жара июньских долгих дней
Окутает удушливою тканью,
И нестерпимей сутки, солоней,
И сонный город близок к вымиранью –
С утра спешат на пляж отпускники;
Идут мальчишки табором горластым –
Рыбалить собрались озорники:
В руках садок и удочки, и ласты.

Ты из окна завидуешь. В cotton
С восьми и до пяти ты упакован.
Ты – бледный, бедный офисный планктон
И улизнуть – нет шанса никакого.

Гудит натужно дохленький кондей –
Он ветеран из бывших – вечной службы,
И ты, из бывших "ленинских детей",
Ты водишь с ним испытанную дружбу.

Ты проживаешь офисную жизнь.
День ото дня твоё желанье жгуче –
Послать бы всё! Но долг велит: сдержись,
И оплати жене каприз от "Гуччи!"
Идёшь за стол просиживать штаны.
Долги растут и плющат не по-детски –
Живёшь в тисках кредита. Полстраны
Опутаны финансами злодейски.

Когда жара отступит, зноя дух
Насытитесь земли горячим соком,
Вдруг ты поймёшь, что пафос твой потух –
Несбыточны мечтанья о "высоком",
Что отпуск съеден сумочкой жены
И шарфиком, что этим летом в тренде,
Что выходные тещей сочтены,
А ты скрипишь, а ты ещё не сбрендил.

Ещё прощаешь промахи судьбе,
Жене – долги, макушке – облысение,
Ещё не досаждаешь по злобе
Коллегам за карьерное везенье.
Тоскуя смотришь в глубину окна –
Там небо облака собрало в кучи,
И... кажется тебе, что белизна
Покрыта синим шарфиком от "Гуччи".

**ПОБЕДИТЕЛИ
ФЕСТИВАЛЯ-КОНКУРСА "ПОЭЗИЯ РУССКОГО СЛОВА"**

ТАТЬЯНА БУДЕНКОВААнапа

ЕЛИЗАВЕТА

Рассказ

Раскрасневшийся с мороза, черноволосый, черноглазый, усатый, высокий, крепко скроенный мужик ввалился в ЗАГС райцентра Кежма. Пальто нараспашку. В одной руке – бутылка вина, в другой – пакет с конфетами. Моложавая регистраторша хотела было одёрнуть нарушителя спокойствия, но он бухнул на стол бутылочку, пакет и распахнул руки в стороны:

– Это же где на нашу женатую мужскую голову такую женщину взяли и тут посадили? – и уставился на неё блестящими чёрными глазами.

– Вы зачем пришли? – и засмузилась. – Ну, то есть, по какому делу?

– Я? По делу? Это надо же? – весь его вид говорил, что теперь он будто бы растерялся. – Думал, тут сидит старуха, а тут... вы. Да вы не смущайтесь. Я вас не съем.

И он, всё так же не сводя с неё глаз, полез в карманы...

– Так вы по какому вопросу?

– Сын у меня родился, зарегистрировать бы надо. А вы... тут до сколько работаете? – и продолжил поиски документов, выкладывая на стол содержимое карманов.

– У вас сын родился, жена, значит, есть...

– Ну да, сын родился. Так отец от того не ослеп. Красивых женщин вижу.

Регистраторша украдкой вздохнула. И лет уже сорок, и замужем не была. И детей нет. Женат? Сын родился? Ну и что. Она на чужую семью не зарится. Но, может, и ей кусочек женского счастья перепадёт? Своих-то, кежемских, мужиков знала наперечёт: кто с войны калекой вернулся, кто – пьянь беспросветная, а кого жена на притужальнике держит, а тут такой – откуда только взялся?

– Вот, – он, наконец, шлёпнул перед ней паспорт и две какие-то бумажки.

Ну да, вот сейчас и посмотрит, кто таков и откуда взялся. Ага, геологоразведка, посёлок Бурный. Туда и дороги-то нет, только зимник. Так что до жены – семь вёрст до небес и всё лесом. А она вот и он... – вот.

– Ну что ж? Давайте регистрировать.

Открыла толстенный журнал, макнула перо на красивой розовой ручке в чернильницу:

– Отец – Буденков Константин Александрович, 1910 года рождения, – повторяла вслух всё, что писала. – А мамаша? Где документы?

– Так вот, – он подвинул свидетельство о рождении.

– Вы что, не расписаны?

– Мм...

– И всё равно мне нужен её паспорт.

– Расписаны мы..., а паспорт..., чёрт, куда же я его засунул? Неужели дома забыл? Вот же незадача. Придётся уезжать ни с чем, – и, с сожалением глядя на регистраторшу, добавил: – Второй раз уже сама поедет. А я уж думал познакомиться с вами... поближе..., неужели не судьба? Пойду искать, где переночевать.

– Почему же не судьба? – она передёрнула плечами. – Нет... уж! Я в журнал запись почти внесла. Что теперь прикажете делать?

– Простите Христа ради! – и склонил перед ней чёрную шевелюру, чуть кося блестящим глазом. – Повинную голову меч не сечёт.

– Свидетельство о рождении её есть – значит, год рождения и имя-отчество установлены. А фамилия... очевидно, ваша. Так что ехать ей сюда вовсе ни к чему. Вот и справка от вашего фельдшера есть.

Не было у него ни брака зарегистрированного, ни паспорта у жены. Беглая осужденная. Морозной зимой подобрал замерзающую на лесовозной трассе. Сам, хлебнув лиха на золотых приисках, приютил синеглазую, несчастную. И вот сынок родился.

– Ну, что вы так смотрите? Прямо неудобно становится, – щёки Елизаветы покраснели, и даже кончики ушей налились пунцовым цветом.

Она заполнила формуляр свидетельства о рождении, отдала ему, приложив ещё одну маленькую записочку:

– Это мой адрес. Живу одна, так что могу пустить переночевать..., коли вам негде... А вино заберите. Нам не положено.

– А нам, – он с нажимом высказал последнее слово, – а нам положено. Что же я буду плутать по райцентру? Вечером зайду, вместе и пойдём. Вас как по имени-... отчеству?

– Елизавета Фёдоровна я, ну, ваше имя-отчество мне известно, – она улыбалась грустно и немного растерянно.

– Елизавета, стало быть? – и ему отчего-то стало жаль эту женщину. – У вас и имя красивое.

Елизавета Фёдоровна сидела за столом одна в своём рабочем кабинете и смотрела в темнеющее окно. Зимой в Сибири сумерки наступают рано. Вот так и в её жизни. Только что была молодая и красивая, и парни вились возле неё... Да нет, она не приукрашивает! Перед самой войной даже замуж один предлагал. Собирался дом собственный строить..., а она тогда любви ждала, чтобы, как в книжках, цветы приносил, вечером при луне красивые слова говорил, а он... вместо цветов чулки подарил. Сказал, коли дом строить, то копеечка к копеечке подбираться должна, а чулки – вещь полезная. И так ей тогда не по себе стало, что просто больше видеть его не могла. Отец ругался, что вот останется девкой-вековухой, будет знать! И вот, знает...

Хлопнула дверь:

– Елизавета Фёдоровна? Не пора ли домой?

– Да, да, конечно. Простите, вот задержалась..., дела, – и накинула на голову пуховую шаль. – Пойдёмте.

Они шли по улице, и ей казалось, что живут они вместе уже много лет, просто он уезжал в длительную командировку и вот теперь..., теперь вернулся! Она старалась шагать рядом, но не успевала за его шагом и чуть не поскользнулась, а он..., он взял её под руку! Она поправила сбившуюся шаль, заглянула ему в лицо:

– Надо бы в булочную зайти, дома хлеба ни кусочка.

– Ну да, на одних конфетах далеко не уедешь, – деловито кивнул он.

Она оглянулась. Ей так хотелось, чтобы по улице шли люди, пусть и незнакомые, но думали, что идёт семейная пара.

Который год минул с тех пор, а казалось Константину, что только вчера утром уходил от Елизаветы, прощался, не кривя душой. А она...

– Вот ключ от дома. За приступком гвоздик есть, там и будет висеть.

– Лиза...

– Да нет, нет! Ты не волнуйся. Я же всё знаю... по документам. Ну, мало ли, вдруг проездом будешь, а... и переночевать негде. Так вот..., я так, на всякий случай.

Оказалась та встреча не единственной. Паспорта у его жены так и не было. Имелось в наличии свидетельство о рождении ребёнка, в которое вписаны отец и мать. Свидетельство выдаётся только по паспортам родителей! Значит, оба паспорта должны бы быть. И если теперь паспорта матери нет, значит или потерял, или украли. Надо ехать снова в райцентр, в милицию. Из геологоразведки отправляли сани за запчастями. Выехали затемно, приехали ранним-ранёхонько. "И где это чуть свет у тебя паспорт жены дёрнули?" – задал сам себе вопрос. А на улице не лето. Идти к Елизавете? Так, в первых, она на работе, а во-вторых, если бы и не на работе..., была бы гуляющая какая, а то одинокая и несчастная. А с чего ей счастливой-то быть? Уходит – одна, и приходит – никто не ждёт. Собачья будка под крыльцом – и та пустая. Говорит, был отцовский кобель, да помер от старости. Так что к

Елизавете ни ногой. А вот если где за рюмочкой-другой... с новыми знакомыми, а потом хватился..., это другой разговор. Бродил по улочкам районного центра, пока не наткнулся на забегаловку. Ближе к вечеру в тесное помещение набилось множество разношерстного люда. Посидел ещё чуток, достал свой паспорт с вложенными в него деньгами, рассчитался так, чтобы продавец за стойкой видела и паспорт, и деньги в нём. Продавцу откуда знать, чей паспорт? И направился в милицию.

В милиции хмурый дежурный только вздохнул:

– С виду серьёзный мужик, а пьёшь с кем ни попадя? Чем думал?

– Да вроде и ни на кого не грешу. Я же угощал! Всё-таки сын родился! Но вот: мой паспорт тут, свидетельство о рождении тут. А паспорта жены нет. Я в нём деньги хранил. Ну, достал деньги, рассчитался за всех, оставшиеся положил в паспорт, а паспорт в карман пальто. Потом пошёл в магазин, жена мыла купить просила, полез за деньгами, я же говорю, они у меня в паспорте жены лежали, а ни паспорта, ни денег.

– Всё как всегда. Чего ж тут не понять? С кем выпивали, узнать сможете?

– Ну, мужики как мужики...

Долгий и нудный разговор закончился тем, что выдали справку, что паспорт Буденковой Евдокии Ивановны похищен. И сказали, чтобы с этой справкой и с её свидетельством о рождении ехала получать другой.

– Да куда ж она с грудным дитём поедет?

– А это уж пусть тебе спасибо скажет! – оборвал его дежурный опер. Но помолчал и добавил: – Пока мы ищем. А ей не к спеху. Опять же, у неё справка есть. Ну а потеплеет, если не найдётся..., тогда и поедет. Поди, и деньги все пропил?

– Ну... – и виновато потупился, – к нам трактор с санями возвращаться будет, так я с ним. Обойдусь... как-нибудь.

Тогда казалось – дальше будет проще. Однако правду говорят: кажется – креститься надо! Так он же коммунист! Хоть и восстановленный... из врага народа. Как же ему креститься? Усмехнулся в темноте. Сыну Витьке только второй год, а Евдокия опять беременная. С одной стороны, Константин радовался прибавлению семейства, душа отогревалась от пережитых потерь. С другой – надо получить паспорт жене, чтобы легализовать её положение, а положение – на девятом месяце. Если протянуть, возникнет проблема с регистрацией теперь уже второго ребёнка. Ехать должна сама Евдокия. Посёлок Бурный, где жила семья, на левом берегу, а райцентр Кежма на правом берегу Ангары. После праздника Победы прошёл ледоход, однако по реке всё ещё плыли льдины.

Деревянная лодка из сложенных внахлест просмоленных досок качалась на ангарских водах, будто поплавок. Константин стоял в лодке с багром, чтобы отталкивать наплывающие льдины. Хозяин лодки – на вёслах. Евдокия, прижав к большому животу Витюшку, на скамье, лицом к мужу. Наконец волна с разбега швырнула лодку на мелководье. Слава богу, все живы! Договорились с хозяином лодки, чтобы подождать их, и отправились получать паспорт... в паспортно-регистрационный отдел, где работала Елизавета.

– Здравствуйте, возможно, вы меня не помните? – лукавил Константин. – В тот раз я паспорт жены забыл, и вы меня здорово выручили. Я очень помню ваше отношение... к нашей семье.

– Да-да..., я тоже помню вас, – Елизавета оглядела стоявших у порога Евдокию и Витюшку. – Вы проходите, присаживайтесь, – обратилась она к Евдокии, увидев её живот.

– Я не забыл тогда паспорт, у меня его украли. Вот справка из милиции. Надо бы получить новый.

Константин видел, как трудно Елизавете сдерживать волнение, как тяжело даётся ей такая встреча, а Евдокия вдруг побледнела и обхватила живот:

– Ммм...

– Я сейчас, сейчас, – крутила Елизавета ручку телефона. – Скорая? Тут женщина рожает! – и, уже обращаясь к Константину, – Давайте документы, пока скорая едет...

Раскрыла журнал, достала бланк паспорта, пододвинула к Евдокии.

– Распишитесь тут и тут, – указала кончиком ручки. – Вас отвезут в роддом. А я, как положено, оформлю документы и отдам их вашему мужу. Нет, пониже расписывайтесь, мне нужно место для внесения записи.

Когда Евдокию усаживали в скорую, Константин вдруг спохватился:

– Тьфу, шапку забыл! Я сейчас! – и кинулся назад.

– Лиза..., ты... ты прости меня, если можешь...

Она стояла у окна, прижавшись лбом к отпотевшему стеклу.

– За что? Ты мне не врал, ничего не скрывал. Пусть и один день, а я была счастлива. Иди. Потом вернёшься за паспортом, ну, и свидетельство о рождении получать...

В Сибири май – не лето. Надо искать ночлег для себя и сына. Не идти же к Лизавете! Расплатился с лодочником, снял на несколько дней комнату и направился узнать, как дела у Евдокии. Но только на следующий день услышал:

– Буденков? Сын у вас.

И поехал получать паспорт Евдокии и свидетельство о рождении второго сына. Зашёл в магазин, купил отрез на платье в подарок Евдокии и женские часики, которые положил отдельно в нагрудный карман.

Елизавета лишних слов не говорила. Вела себя так, будто пришёл просто давно знакомый человек. Когда все документы были получены, обошёл стол:

– Лиза, Елизавета, вот... тут подарок тебе – часы. Чтоб время у тебя счастливое началось, – кашлянул, пригладил чёрные волосы. – Ты на местных женщин не смотри, на суды-пересуды. Выбери мужика поздоровее и ребёнка роди. Ты ещё молодая, сильная. Успеешь вырастить. А дети – это, я тебе скажу, – ради них и живём. Будет у тебя ребёнок, вот и семья. А там внуки пойдут... – и осекся. Она так и сидела, не поднимая головы. – Ну, нельзя прожить пустоцветом!

Положил часы и, не оглядываясь, вышел.

Отгрели залпы Победы. Отплакали вдовы. Сироты подросли. И только Елизавете даже плакать было не о ком. Какой пулей скосило её единственного, невстреченного?

ЛЮБОВЬ ИШУНЬКИНА

Анапа

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Рассказ

Большой синий сундук стоял в углу комнаты, которая называлась бабушкиной спальней. Сундук для нас с братом был местом загадочным и запретным. Бабушка закрывала его на маленький замок и ключ прятала неведомо куда. Мы с Петькой (Петька – мой младший брат) часто играли в следопытов в надежде найти ключ и осмотреть содержимое сундука. Но бабушка, зная наше мальчишеское любопытство, была предельно осторожна.

Комната бабушки привлекала не только сундуком. В углу напротив окна стояла железная пружинная кровать, которая в отсутствие бабушки превращалась в батут. А ещё справа от входа плетёная этажерка, на нижней полке которой лежали детские книги. Старенькие, выцветшие, они были прошиты и проклеены. Бабушка позволяла аккуратно брать любую книжку и "читать". На удивление Петьки, зная наизусть многие стихи и рассказы, я делал вид, что читаю.

Папа у нас был геологом, потому дома бывал редко, а мама – учительница – тоже большую часть времени проводила в школе. Главной в доме была бабушка. По утрам нас будил запах блинчиков, который заставлял покидать тёплую кровать и бежать на кухню. А по вечерам мы усаживались на сундук и, открыв от удивления и восторга рты, слушали бабушкины сказки. После очередной прочитанной главы "Острова сокровищ" Петька тянул меня за руку и просил поиграть с ним в пиратов. Он бегал за мной с игрушечной саблей в руках и при каждом прикосновении смеялся и кричал: "Я догнал тебя, капитан Флинт!" В такие минуты дом наполнялся светлой радостью.

Так было, пока в наше счастливое детство не ворвалась война. Петьке тогда было три, а мне пять. Отца забрали на фронт в первый день войны. Вечером перед отправкой он пришёл домой в военной форме. Я завидовал ему, что он может пойти на войну и по-настоящему воевать, бить фашистов. В этот вечер мы до полуночи сидели за столом, и нас никто не укладывал спать. Мама с бабушкой плакали, мы молча смотрели на всех. На столе дымилась картошка, но никто не ел.

Утром, когда мы с Петькой проснулись, отца уже не было.

Так чередой потянулись тяжёлые дни войны. Наша жизнь медленно менялась. Вскоре все запасы закончились, и мы с бабушкой ходили на колхозное поле и собирали замёрзшую картошку и оставшиеся колоски. Мама трудилась с утра до поздней ночи – до обеда в школе, а после вместе с односельчанами – куда направят.

Однажды вечером я слышал, как она сквозь слёзы говорила бабушке:

– В Пилинково всех жителей расстреляли, а село сожгли, никого не пощадили: ни стариков, ни детей. В школе поговаривают, что наши близко, хоть бы успели.

Бабушка, утирая глаза фартуком, подошла к сундуку и дрожащими руками открыла замок. Мы с Петькой замерли, с любопытством заглядывая в загадочный тайник.

Вскоре сундук был пуст. Шаль, бусы, башмаки, полотенце с кружевом и ещё какие-то вещи лежали на полке. Мы с удивлением смотрели то на вещи, то друг на друга. "А где сокровища или хотя бы карта сокровищ?"

Ключ, который был для нас недоступным, сейчас лежал на столе вместе с замком. Мне очень хотелось подержать его в руках. Я подошёл к бабушке и почему-то шёпотом спросил:

– Бабуль, а можно я ключ возьму?

Заведомо зная, что бабушка откажет, я был удивлён, когда в ответ услышал:

– Возьми, Ванечка, возьми.

Я с гордостью повесил ключ на шею. Петька, вытаращив на меня голубые глаза, смотрел с завистью. Тогда мы не понимали, почему бабушка переложила вещи, как она любила гваривать, "у шкапчик" и почему запретный сундук стал доступным.

Всё нас устраивало в нашем укромном месте, кроме одного – в сундуке было темно. Тогда, проявив смекалку, мы решили сделать отверстие. Ржавым гвоздём по очереди с усердием ковыряли между досок, пока луч света не проник в "жилище". Щель была небольшой, но полоска света придавала уверенность и спокойствие. Этот секрет мы с Петькой хранили ото всех, особенно от бабушки.

Однажды утром нас разбудили крики и лай собак, доносившиеся с улицы. Бабушка взволнованным голосом сказала: "Сейчас поиграем в прятки. Быстро ползайте в сундук и сидите там, пока я вас не найду, и ни-ни, ни звука!" Она обняла нас и, нюхая наши макушки, прошептала: "Господи, спаси и сохрани..."

Сначала нам игра нравилась. Мы сидели и смотрели на бабушкины ноги в проделанную щёлку сундука.

– И куда это они спрятались? – тихо говорила бабушка. Она звала нас по именам, но мы ни гу-гу – выполняли её наказ.

Вскоре в доме начался непонятный шум. Послышались незнакомые голоса: "Шнеле-шнеле..., руссиш швайн..." Резкий звук, непонятная речь, чёрные сапоги заставили испытать чувство страха. Прижав брата к себе, я прикрыл его рот ладонью. Петька пытался убрать руку и что-то сказать, но тут сундук заскрипел, и мы в последний раз увидели бабушкины ноги. А потом в доме наступила тишина.

Мы сидели и ждали, когда бабушка нас найдёт.

"Я хочу есть, где моя баба Шура?" – хныкал Петька. Ноги и спина затекли, но мы сидели и ждали, когда крышка откроется, и нас примут заботливые и ласковые руки.

Сколько времени прошло, не знаю. Петька спал, положив голову мне на колени. Наконец-то входная дверь заскрипела, стукнул какой-то предмет, возможно, упал стул.

"Бабушка!" – подумал с радостью я и уже мысленно приготовился к эвакуации из сундука.

Но через несколько секунд раздались мужские голоса:

– Здесь никого нет, видимо, всю семью. Эх! Совсем немного опоздали!

Я хотел закричать: "Мы здесь!" – но вместо крика издал звук, похожий на стон. Попытка постучать по крышке сундука отозвалась резкой болью в руке. Вскоре входная дверь хлопнула, и дом снова наполнился тишиной.

Я разбудил Петьку, и мы с трудом приоткрыли крышку. Выбравшись, стали разминать затёкшие руки и ноги. С улицы доносилась чья-то речь. Я подошёл к окну и увидел солдат.

Взявшись за руки, мы с опаской вышли во двор. Стойкий, навязчивый запах дыма и страха защипал в носу. Солдаты с криками "Живые, живые!" бросились нам навстречу.

Выдав по краюшке хлеба, они увели нас в большой дом на окраине села. Это была школа. Там находилось несколько детей и взрослых.

Вскоре мы оказались в детском доме. Нам не хватало родительской ласки, семейного тепла. Петя часто со слезами на глазах упрашивал меня вернуться домой к маме и бабушке. Успокаивая брата и рассказывая на ночь сказки, я ощущал, как медленно превращаюсь в бабушку. Забота о брате легла на мои детские плечи. Петя любил говорить о доме, и я каждый раз, стараясь рассмешить его, вспоминал лохматого Полкана, старого кота Дорофея, курочек, каждую по имени, и задиру петуха, который, растопырив крылья, нападал даже на бабушку. Воспоминания придавали уверенность в том, что скоро всё станет как прежде. А пока...

В детском доме каждый сам за себя. Но нас было двое. Бывало, отвечая за задиристый характер брата, я ввязывался в драку. Петька прыгал рядом и колотил маленькими кулачками кого придётся. А потом ругался по-детски и плакал в подушку. После каждой драки хотелось сбежать и укрыться в бабушкином сундуке.

Мы с нетерпением ждали, когда за нами придут. Жить в детском доме становилось всё труднее. Дни, когда не давали хлеба и все ели только картофельный суп, повторялись всё чаще. Насквозь промёрзшие стены зимой покрывались внутри снегом, а весной и осенью с потолка текла вода. Иногда я снимал с шеи ключик и надевал его братишке. Это был для нас своего рода оберег.

Однажды воспитательница позвала меня в кабинет и сказала:

– Ваня, тебя хотят усыновить. Семья хорошая. Только вот дело в том, что могут взять одного, поэтому придётся вас с Петей разлучить.

Впервые, потеряв самоконтроль, я закричал:

– Нет! Никуда не пойду без брата!

Прибежав в комнату, я упал на кровать. От осознания собственной немоги слёзы бежали по лицу. Петя стоял и гладил меня по голове, приговаривая: "Не плачь, братка, я с тобой".

Как-то утром, открыв глаза, я увидел, что соседняя кровать пуста. Мысль о том, что больше никогда не увижу брата, внезапной волной страха пробежала по телу. Быстро надев штаны, бросился к двери, где нос к носу столкнулся с Петей. Обрадованный встречей, я хотел обнять братишку, но он отстранился и с криком "Ваня, там папа, я его узнал!" изо всех сил потянул меня за руку.

Мы выбежали в коридор, но он был пуст.

Через несколько минут в комнату вошла Наталья Григорьевна и, положив на кровать одежду, сказала:

– Сегодня важный день, переодевайся.

Новая рубашка, штаны и ботинки были великоваты, но мне нравилось. Я стоял как солдат и ждал, когда же Петю начнут наряжать, но никто не приходил. Петя сидел на кровати, поджав худень-

кие ножки. Вскоре на пороге появилась заведующая Татьяна Павловна и, взяв меня за руку, повела в кабинет. Я понимал, что сейчас мы с братом расстанемся. Стиснув его маленькую ручку, я вёл его за собой. Усевшись вдвоём на один стул, мы продолжали держаться за руки.

Спустя какое-то время дверь открылась, и в кабинет вошёл мужчина в форме. За ним показалась женская фигура в длинной юбке и наброшенной на плечи шали.

Оглушительный крик брата прервал мои раздумья – мне очень хотелось в семью, но я не мог даже представить, что когда-нибудь расстанусь с Петей.

– Папа, папочка, я знал, что ты придёшь, я тебя ждал!

Петька подбежал к мужчине и, обхватив ногу, продолжал кричать: "Папочка, мы больше не расстанемся, смотри, там Ваня! Ваня, я же тебе говорил, что видел папу! Папочка, ты за нами?"

Мужчина удивлённо следил за происходящим. Женщина утирала платком слёзы.

Взяв Петьку на руки, отец подошёл ко мне и, крепко приобняв, сказал:

– Ну что, сынки, поехали домой.

ЗИНАИДА ПАСИЕВА

Анапа

ЛИДАХА

Рассказ

Она родилась лет за десять до войны в большом украинском селе Будищи. Выросла девахой почти двухметрового роста, с некрасивым лицом. И силища была у неё не девичья: могла запросто вынести на себе из леса такую охапку хвороста, что едва умещалась на телеге. Односельчане называли её не Лидией, как значилось в "метрике", а по-народному метко – Лидахой.

С головой она тоже, как говорится, не очень дружила. Не то чтобы чудила, а просто имела какой-то наивный, почти детский ум. Никто не понимал, откуда в физически крепкой деревенской девке взялась умственная отсталость, но поговаривали, что виной тому отец. Зверским мужиком был Микола. Лютовал с молодых лет. А когда в 1941-м в деревню пришли немцы, сразу подался в полицаи. У оккупантов не было такой жестокости, как у Миколы. Бывало, сидят хлопцы на завалинке, балагурят. Или слушают, как Бориска Гаврилов на балалайке играет. Война войной, а детство – детством. И вдруг – крик на всю улицу: "Ховайтесь! Микола скачет!" Любимым развлечением Лидахиного бати было на скаку нагайкой бить подростков – всех подряд, кто зазевался и не успел убежать. Не для порядка, а так, ради удовольствия. Бил он и жену, тихую бессловесную Ганну. Доставалось от Миколы и дочери. Но ни Ганна, ни Лидаха никогда не жаловались, а в их дом на околице почти никто не заглядывал.

Оккупация длилась два года. Потом немцев погнали, и предатель Микола ушёл с ними, бросив жену и дочь. Оно и понятно. Его так ненавидели в деревне, что всё равно бы убили – без суда и следствия. Лидаха осталась жить вдвоём с матерью. Лучше всякого мужика управлялась с хозяйством и трудодни в ожившем колхозе зарабатывала наравне с механизаторами. Ганна хворала и, когда в дом изредка заходили соседи, сокрушалась, что после её смерти дочь останется одна – без опоры, без ребёнка. Лидаха на эти слова только улыбалась блаженной улыбкой. Ей вообще, казалось, не ведомы были горести.

Время бежало незаметно. И как-то деревню облетела весть: Лидаха беременна! Вот уж пересуды начались! Когда? С кем? Экая тихушница! Но деревня на то и деревня, что здесь уж точно шило в мешке не утаишь. Подозрение в отцовстве пало на неприметного нездешнего (приблудился в голодное послевоенное время) молодого пастуха. Было ему лет семнадцать. А Лидахе перевалило далеко за двадцать, однако. Расспрашивать её о любовном романе было делом безнадежным... И только когда полевые работы велись недалеко от пастбища, она время от времени распрямлялась во весь свой могучий рост и, прикрывая ладошкой глаза от солнца, подолгу смотрела в сторону пасущихся коров...

Вскоре пастушок исчез. Страсти улеглись. Лидаха родила девочку Марусю. Уж как рада была внучке бабушка, наглядеться на дитяtko не могла! Маруся и впрямь росла и становилась такой прехорошенькой, что от добровольных нянек отбою не было. Соседки, а это были сплошь солдатские вдовы, обрушили на Марусю нерастраченный инстинкт материнства. Никому и в голову не приходило осудить согрешившую Лидаху. Она как-никак была в деревне на особом счету. Вот всем колхозом и помогали ей растить Марусю до самой школы.

А там она уже сама не затерялась в толпе. Умница, красавица, она стала настоящей "звездой", как сказали бы теперь, а тогда её просто любили и жалели. Училась Мария лучше всех – была круглой отличницей. И блюла себя строго, никого из парней близко не подпускала. К матери и бабушке относилась заботливо, но как-то уж слишком ровно, без эмоций. Делила поровну трудности их безмужней жизни, по дому всё делала быстро и ловко. Но ни с кем из ровесников не дружила, в гости не хаживала и к себе не звала. Всё сама по себе.

И вот школа позади, золотая медаль и характеристика с печатью – в кармане. Маруся отбыла в город. В какой именно, никому не сказала, да никто и не спрашивал. Об этом первым узнал почтальон, когда из Москвы Лидахе пришёл первый денежный перевод. Мария училась в экономическом институте и работала. Судя по всему, без каникул и отпусков, потому что домой глаз не казала. Ганна сильно горевала по внучке и тихо, незаметно, как и жила, в одночасье умерла.

Лидаха, оставшись одна, погрустнела и ссутулилась, казалось, даже стала меньше ростом. Каждый месяц, как по расписанию, она получала от дочери деньги. Сумма росла и стала сопоставимой с зарплатой колхозных передовиков. Сама Лидаха работать уже не могла – возраст и пожизненная нагрузка давали о себе знать. Кроме денег Маруся присылала добротную одежду и обувь – на зависть всем деревенским. Излишками Лидаха охотно делилась, денег никогда не брала, дарила.

...Занялось весеннее утро. Морозец ещё давал о себе знать, но солнце светило весело. Ближняя соседка пошла к Лидахе – примерить московскую обновку. Постучала в дверь, покричала. Тишина. Дверь оказалась не запертой. На лавке, наклонившись к окну, словно всматриваясь вдаль, сидела мёртвая Лидаха. Женщина сбегала за фельдшером и участковым. Вернувшись, поискала в ящиках стола почтовые извещения. Нашла несколько штук. На месте обратного адреса всюду значилось: "Москва. Главпочтамт. До востребования". Подняли на ноги сельсовет. Марию нашли по телефону. Назавтра телеграфным переводом пришла крупная сумма денег. На похороны.

На могилу матери Маруся не приехала. По слухам, она сделала головокружительную карьеру, дослужилась чуть ли не до замминистра лёгкой промышленности. В анкетах, в графе "родители" она, как выяснилось, всегда ставила прочерки... Видно, через деда и отца передался ей ген – ген предательства.

ВИТАЛИЙ НИКИТИН

ст. Саратовская

СЕЛЬСКИЕ БУДНИ

Рассказ

Февраль стоял на исходе... Клавдия недавно приняла группу коров и понемногу привыкала к своим подопечным. Это лишь кажется, что они все одинаковые. У каждой бурёнки свой нрав: на одну прикрикнуть можно, а другая только ласку и понимает.

Приметнее всех в группе была Звёздочка. Она носила белую отметину во лбу, за что и получила своё прозвище, характер у неё был спокойный и покладистый. В ту пору большая часть коров стояла в запуске, проще говоря, находилась в ожидании потомства. Доить команду будущих рогатых мамаш не требовалось. Корми да убирай, ну и за сроком следи, чтобы день отёла не прозевать.

Так уж выпало, что первой в материнском графике значилась Звёздочка, вот Клавдия и бегала каждый вечер проверять самочувствие своей любимицы. Её еще три дня назад перевели в отдельный

загон, полагавшийся каждой буренке-роженице, а она всё никак не телилась. Опытные доярки в том видели знак, указывающий на мужской пол и большой размер теленка.

– С мальчиками все перехаживают, уж больно раздались вширь тугие коровьи бока, – рассуждали они.

– Смотри, Клава, как бы тебе Звёздочка двойню не привела, ты уж поглядывай за ней, – наставляла неопытную коллегу самая пожилая из доярок, баба Маша.

– Да я и так к ней по три раза на дню захожу и ночью навещаюсь.

– Ну, ночью спать надо. Ты сторожей наших попроси, они не откажут, им всё равно ночью спать не положено.

Клавдия вечером зашла в сторожку. На смене был Дмитрий Дмитриевич.

– Дядь Мить, можно вас об одном одолжении попросить, – доярка не стала заводить долгие разговоры и сразу перешла к делу.

– Конечно, Клава, чем смогу помогу, – Митрич был рад гостю и сразу же стал суетиться вокруг чайника. – Может, чайку попьёшь, заодно и о деле поговорим?

– Некогда мне, дядя Митя. Алька дома голодная сидит, нужно бежать ужин готовить, весь день промоталась, вот теперь наверстываю.

– Ну, говори, раз торопишься, в чём вопрос и как я тебе пособить смогу?

– Да Звёздочка у меня уже несколько дней как перехаживает, боюсь, ночью телиться станет, а я уже с ног валюсь, и так трое суток из-за неё не сплю, каждые два часа бегаю проверять. Может быть, вы приглядите за ней, а вдруг чего – меня позовете?

– О чём разговор! Присмотрю... Я и так всегда в корпус заглядываю, так что иди, не переживай. Тем более, если вдруг чего – в станицу ехать не надо, до ваших "хором" рукой подать.

– Спасибо, дядя Митя, – Клавдия чмокнула сторожа в щёку и побежала домой, готовить ужин.

К её приходу Алька уже топила печь, в комнате было тепло и уютно. Клавдия быстро сварила суп, потрапезничала с дочерью и, разложив диван, улеглась спать.

Ночью кто-то настойчиво постучал в окно.

– Мам, проснись! Нам скоро стёкла разобьют, – сквозь сон пробурчала Алька.

Клавдия села на диване, нащарила рукой будильник и посмотрела на циферблат – стрелки показывали половину третьего ночи. На утреннюю дойку вставать было еще рано. Видно, что-то стряслось или Звёздочка рожать вздумала...

– Кто там? – спросила женщина, не открывая двери.

– Кто-кто, дед в пальто. Я это, Клава, дядя Митя! Отворяй, не бойся.

Клавдия потянула щеколду и распахнула дверь настежь.

В это же время открылась и дверь напротив – на пороге стояла заспанная соседка Зойка.

– Чего тут у вас? Расшумелись на всю ферму, самое время нашли.

– Иди спать, Зоя, мы сами разберёмся, – Клавдия махнула соседке рукой.

Зойка посмотрела с ухмылкой на Митрича и аккуратно прикрыла дверь своей квартиры, оставив щёлку в двери, сквозь которую предательски вырывался луч света.

– Я вот чего пришёл-то, Клава, – перешёл на шёпот сторож. – Кажись, Звёздочка телиться будет, уж очень беспокойно себя ведёт. Давай собирайся, а я пойду дров под бочку подкину и воду подогрею.

Наспех накинув рабочий халат и фуфайку, Клавдия побежала в корпус для стельных коров. Звёздочка бродила в яслях из стороны в сторону, мотала головой и, увидев доярку, протяжно замычала, будто жалуясь на что-то и ища сочувствия.

Клавдия погладила любимицу по чёрной с одним лишь белым пятном морде.

– Я здесь, моя хорошая, здесь, не переживай! Все образуется... – казалось, что этими словами она больше успокаивала себя, чем Звёздочку.

Минут через пять в корпус заглянул Митрич.

– Клава, ну что тут у вас? Может, зря тебя разбудил?

– Да не знаю, дядя Митя, если бы у меня опыт был, а то я при отёле всего два раза присутствовала, и то помогала только. Но по всем признакам, будет Звёздочка сегодня мамой, так что я лучше тут останусь, а вы идите.

– Я чайник поставлю, приходи в сторожку, чайку попьём, да и мне веселее. Не будешь же ты тут всё время сидеть.

– Ладно, дядя Митя, посмотрим, как у нас дело пойдёт, – Клавдия опять погладила корову по морде и заглянула ей в глаза.

Звёздочка грустно, будто бы обречённо, посмотрела на доярку и снова протяжно замычала, вытянув голову вперёд.

Доярка гладила корову по спине и бокам, чувствуя, как все её тело напряглось перед очередными схватками. Взглянув на часы, засекала время. Новая схватка началась только через двадцать минут.

"Ну что ж, можно и на чай сбегать", – подумала Клава. Подтолкнув вилами солому ближе к задним ногам коровы, чтобы телёнок в случае чего не лежал на бетонном полу, доярка побежала в сторожку.

– Ну как тут чайник, дядь Мить, не успел ещё остыть? – прямо с порога воскликнула Клавдия, распахивая дверь сторожки.

В нос ей ударил приятный аромат луговых трав. В этой вскружившей голову симфонии явно доминировали нотки мяты и душицы.

– Ммм, а пахнет-то как...

– Да, Клава, специально для тебя и заварил, чабрец, мята, душица – пей, пока совсем не остыл.

Митрич поставил на стол две алюминиевые кружки и стал разливать в них ароматный напиток.

– Пряники будешь? – сторож достал из тумбочки газетный свёрток и положил его на стол.

– Нет, дядь Мить, я так. А вот от сахарка не откажусь, – она зачерпнула из банки ложечку сладкого песка.

– Да ты больше бери, не стесняйся, – Митрич подвинул банку ближе к своей гостье.

– Спасибо, хватит. Сахар вкус перебивает. Ваш чай и без сахара сладкий, дядя Митя. Руки у вас, по всему видать, золотые.

– Скажешь тоже, Клава... – Митрич невольно осмотрел свои сухие сморщенные ладони и, довольный похвалой, хмыкнул. – Обычные они. Как у всех!

– Ну нет, дядя Митя, я вот на ферме всего ничего, а успела послушаться о вас от девчонок. За что ни возьмётесь – всё получается на славу! Вот и чай у вас отменный. Сколько пью – всегда наслаждаюсь. Поговаривают, что вы и готовите здорово?

– Я, Клава, всё умею, жизнь и служба научили, да и потом, столько лет один, тут волей-неволей освоишь хозяйственные премудрости.

Девушка несколько секунд помолчала, собираясь с мыслями, и, решившись, робко произнесла:

– Дядь Мить, а я вот все спросить вас хотела, да как-то стеснялась. Почему один-то? Вон столько женщин красивых и незамужних!

По лицу сторожа словно пробежало облачко.

– Это, Клава, долгий разговор, не на одну кружку чая. Может, как-нибудь и расскажу. А сегодня нет настроения открывенничать.

Клавдия смущённо замолчала и, взглянув на часы, всполошилась:

– Ой, побегу я, дядь Мить! И так уже одни схватки прозевала.

– Иди, иди! Звёздочка хоть и корова, а всё божья животина, ей и рожать проще будет, коли ты рядом. Чуток позже наведаюсь к вам.

Закрыв дверь сторожки, Клавдия побежала в корпус. Звёздочка всё так же стояла, широко расставив ноги, ожидая очередного приступа схваток.

– Ну, Звёздочка, давай уже, не мучь ни себя, ни меня, рожай скорее, – доярка снова и снова гладила корову по огромному выпирающему боку. – Неужели там и впрямь двойня, а, Звёздочка?

Время между схватками сокращалось, значит, ждать отёла совсем недолго. Корова стала беспокойнее, она испуганно оглядывалась назад, переминалась с ноги на ногу и мотала хвостом из стороны в сторону, так что Клавдии приходилось следить, чтобы не попасть под удар.

Промежутки между схватками всё уменьшались.

– Ну, Звездочка, пора, девонька, пора, – Клавдия смотрела своей любимице прямо в глаза.

Чёрные, как ночное небо над фермой, с каждым взмахом густых длинных ресниц они роняли на морду крупные прозрачные слёзы.

– Больно тебе, милая, да? Ну, потерпи ещё немножко, всем нам, бабам, тяжело, такая уж доля наша.

Звёздочка легла на левый бок и, повернув голову назад, ещё раз протяжно замычала. Через несколько секунд из-под хвоста коровы начал расти розово-жёлтый плодный пузырь. Он увеличивался в размерах, но не рвался.

"Надо вскрывать", – подумала Клавдия и уже было стала доставать из кармана перочинный нож, но в этот самый момент в корпус зашёл Митрич.

– Ну, как дело движется?

– Да вот, дядь Митя, уже и пузырь появился, а всё не рвётся, и схватки прекратились, я уже было хотела ножом резать.

– погоди резать, Клава, – Митрич подошёл ближе к корове, – ножки-то не появились ещё. Сейчас схватки начнутся, телёнок сам себе путь копытцами и проложит.

Звёздочка снова замычала и ещё раз натужилась, пузырь заметно вырос, но копытца так и не показывались наружу. Ещё одни схватки прошли без изменений.

– Клава, я, наверное, схожу да Зойку разбужу, что-то не так идёт – она поопытнее, пусть глянет.

Митрич ушёл, а Клавдия опять стала гладить корову по голове.

Минут через десять в загоне в сопровождении сторожа появилась заспанная Зойка.

– Ну, что тут у вас за ЧП? – сонным и хриплым голосом произнесла она и, взглянув на корову, сама всё поняла без слов. – Вскрывать надо! Воды пойдут, и телок сам выплывет...

Зойка подошла сзади и стала руками разрывать околоплодный пузырь.

– У меня нож есть, Зоя, – Клавдия достала нож из кармана фуфайки.

– Оставь! Потом, если что, пуповину перережешь, а я и так порву. Ну, давай, тужься, – обратилась она к корове.

Звёздочка снова напряглась, выгнула шею и подняла заднюю ногу.

– Давай, давай, не ленись, некогда мне тут с тобой возиться, – выговаривала доярка корове.

Околоплодные воды выплеснулись на пол, огромным потоком смыв половину соломы, которую подстилала Клавдия, корова ещё раз замычала и напряглась, но телёнок так и не появился.

– Плохо дело... Наверное, головой идёт, да ещё и крупный, тащить надо, а иначе придётся твою Звёздочку дорезать, – Зойка отстранённо посмотрела на Клавдию.

– Как дорезать? Сделай что-нибудь, надо ей помочь, – Клавдия умоляющим взглядом смотрела то на напарницу, то на корову.

Звёздочка встала и начала обнюхивать место, куда вытекли воды.

– Ну чё ты нюхаешь, дура? – закричала на корову Зойка. – Нет там никого, ты рожай давай...

Клавдия увидела, как из глаз бурёнки бегут ручейки отчаянных слёз. Звёздочка плакала, тут уже и доярка, не выдержав напряжения, разрыдалась.

– Ну, развели море!– выругалась Зойка, – зоотехника звать надо. Тут или телка спасать, или корову. Сама не родит. Митрич, может, смотаешься к Яшке домой, он же тут с краю станицы живёт, на велосипеде минут десять всего?

Сторож почесал в затылке. Съездить он, конечно, мог, да если зоотехник с вечера на грудь принял, то лучше к нему не соваться: пошлёт куда подальше. В таких случаях Яшка слушался только одного человека – свою зазнобу Зойку. Может она сама смотается на велосипеде? А они с Клавдией тут покараулят, если что...

Выслушав его доводы, Зойка презрительно фыркнула:

– Да чего тут караулить? Тут или доставать надо, или живот пороть. Ладно, поеду, куда вас денешь? Велосипед где, возле сторожки?

– Конечно, где же ему быть? – закивал обрадованный Митрич– Ты поезжай, Зоя, поезжай, может, Яшка и не пил вчера, так быстро придёт, Бог даст, всё хорошо будет.

– Да ну вас, – махнула рукой Зойка, – ты еще помолись, ага. Тоже мне, горе-ветеринары... Без Яшки – никак!

Она достала из кармана фуфайки пачку "Примы", закурила и вышла из коровника.

Рыдающая Клавдия теперь смотрела с мольбой на сторожа. Что делать? Помрёт ведь Звёздочка, а то ещё хуже – резать придётся. Нет, не может такого быть... У Митрича золотые руки! Клавдия расплакалась ещё громче.

– Так, девочка моя, хватит нюни распускать, глянь, нет ли где случаем куска веревки, – сторож подошёл к корове и погладил её по спине. – Надо будет спутать ей передние ноги. И давай, мыло неси, полотенце и тазик, а я пойду воду набирать.

Сняв фуфайку, он закатал рукава, вымыл с хозяйственным мылом руки и скомандовал:

– Клава, придержи ей хвост, а я полез искать телка, Бог даст, успеем и живого вытащим.

Клавдия схватила хвост и отвернулась. Корова опять протяжно замычала и стала переминаясь, но спутанные передние ноги не давали ей возможности развернуться или лечь.

– Терпи, терпи, – бормотал Митрич и через несколько секунд удовлетворенно крикнул. – Ну, всё, нащупал я его. Головой шёл, лоб здоровый, бык, наверное. Скорее всего, ножка подвернулась, вот и не может выйти. Эх, незадача...

– Что не так, дядя Митя?

– Да надо бы ножку найти и к выходу подтянуть. Клава, давай ты, у тебя руки тоньше. А то можем не успеть, да и не верю я, что Яшка его достанет, ему проще брюхо корове вскрыть.

Слёзы текли по щекам Клавдии ручьями, она вытирала их руками и слизывала языком. Но отступать было нельзя. Сбросив фуфайку и помыв руки, женщина, пересиливая себя, стала медленно просовывать руку вовнутрь коровы, мысленно уговаривая её потерпеть. Хотя сама в любой момент могла рухнуть тут же на бетонный пол, так плохо ей было от всего, что приходилось сейчас делать. Зажмурив глаза и отвернув в сторону голову, она пыталась нащупать ноги теленка. Наконец ей удалось зацепить копытце.

– Нашла, нашла!– закричала от радости Клава, – ножку нашла, а дальше-то что?

– Тяни её, да..., вот так! Я подержу, а ты вторую ищи, – в голосе сторожа тоже появились нотки радости.

Через минуту Клавдия и Митрич обматывали вокруг торчащих ног телка полотенца. Потом накинули на них сверху петлю из верёвки и стали потихоньку извлекать. Митрич от напряжения пыхтел, упиравшись ногами в пол, а корова снова издала протяжное мычание, напряглась, но ничего не получалось.

– Неужто схватки кончились? – Клавдия в тревоге погладила корову по голове. – Давай, милая, помоги нам, поднатужься немного.

Сняв веревку с ног Звёздочки, доярка снова посмотрела ей в глаза и сквозь слёзы прошептала:

– Ну, Звёздочка, давай, телись!

Может быть, Бог услышал её мольбу, а может, природа дала телёнку еще один шанс появиться на свет, но корова снова легла на левый бок и стала невероятными стараниями выдавливать из себя телка. Митрич помогал ей всеми силами. Через минуту снаружи показалась голова малыша, красная, с большим белым сердцем во лбу.

– Ну, теперь пойдёт дело, – сказал сторож и стал тянуть телка прямо за ноги.

Звёздочка замычала ещё протяжнее, напряглась всем телом, и в считанные секунды бычок с остатками околоплодного мешка лежал на полу загона.

– Не дышит. Клава, давай воду и полотенце!

Митрич быстро обмыл мордочку телёнка от слизи и стал вдыхать ему воздух прямо в мокрый нос.

Обессиленная Клавдия, обняв корову за шею, сидела на полу не в силах пошевелиться. Она вообще смутно понимала, что делает дядя Митя. Было такое чувство, что это не корова, а она только что родила. Силы покидали доярку, голова кружилась, по телу сверху вниз катились мелкие капельки холодного пота. Не сразу до неё дошёл смысл слов машущего руками сторожа.

– Дышит, Клава, дышит! Всё хорошо.

Собрав последние силы, молодая женщина встала, подошла к ведру и прямо из него омыла водой лицо.

Митрич в это время подталкивал телка к голове коровы. Обессиленная Звёздочка вытянула шею и стала облизывать своего новорожденного.

В это же время на пороге корпуса появилась Зойка, толкая впереди себя пьяного зоотехника.

ТАТЬЯНА КУТКИНА

Горячий Ключ

ДЖЕКА

Рассказ

Горел июнь, с ожесточением, превращая крыши домов в огромные раскалённые жаровни. Безжалостное солнце выжигало не успевшую нарадоваться соком траву, иссушая мягкий зелёный ковёр то здесь, то там рыже-коричневыми опалинами.

Люди переезжали в новые квартиры, а в старых царили неразбериха и беспорядок. То и дело раздавались беспокойные голоса жильцов, которые бесконечно сновали взад и вперёд с тюками и сумками, спотыкаясь и мешая друг другу. Старый покосившийся дом притих, будто прислушиваясь к теням, которые, как в большом муравейнике, копошились в его обветшалом чреве. Привычный ритм жизни был нарушен.

Опустевшие комнаты наполнились несвойственной зловещей гулкостью. Куски оборванных обоев развевались на сквозняках, подобно флагам погибающего войска. Дом расставался с последними своими обитателями. По всем углам стояли связки вещей – тот запylённый скарб, вечный спутник человеческой жизни. Потеряв привычное место обитания, он выглядел жалким и пыльным хламом.

Особые хлопоты сулило громоздкое пианино, оно ни за что не хотело покидать своего места и жалобно роптало, когда его пытались втиснуть в узкую дверную коробку. Казалось, что всё в доме: дверные проёмы, прогнившие половицы, и кое-где обломившиеся ступени лестничных пролётов безмолвно сговорились мешать людям в их непонятной работе. Дом стал похож на живое существо, которое кряхтит и стонет под тяжестью десятка ног, а может, под тяжестью нахлынувших далёких вос-

поминаний. Он первый услышал нотки фальши в словах нарочито громко переговаривающихся между собой людей, которые как будто знали, что совершается что-то, похожее на предательство.

В этой сумятице и сутолоке они многого не замечали. Не видели люди собачьих глаз, что всё это время следили за их приготовлениями и поначалу радостно блестяли. Не слышали они радостного пронзительного лая, которым огласился двор, когда прибыли первые три грузовика. И никто не вспомнил о дворовой "ничейной" любимице, с чьей-то лёгкой руки названной мужским именем, переделанным в женское – Джека.

Все эти годы Джека принадлежала всем и никому, но кормили её всем домом. За долгие годы джекиной жизни никто уже толком не помнил, откуда она взялась. Это милое существо принадлежало к той собачьей разновидности, которую за многие метры выдаёт "дворянский" бублик хвоста. Большая рыже-белая псина была на редкость милым и разумным созданием. Своих кутят она разрешала трогать только дворовой детворе. Но особое снисхождение Джека делала малышам, им она позволяла всё или почти всё, терпеливо сидела и ждала, пока человеческий несмышлёныш наиграется с четырёхлапой "игрушкой". Но исподволь её мудрые глаза зорко следили за каждым неловким движением, и, если раздавался тоненький писк, пушистый комочек уносили восвояси крепкие мамыны зубы. Сама же Джека возвращалась и виновато виляла хвостом, всем существом своим прося прощения.

Обычно, когда просила поесть, она стучала в двери – этот звук ни с чем нельзя было спутать. Люди выносили ей еду на лестничную площадку, говорили добрые слова и даже трепали мягкие тёплые уши. А когда кто-то возвращался домой, она вихрем мчалась по лестнице к нужной двери и стучала в пустую квартиру, лукаво глядя на оставшегося позади хозяина. Люди смеялись: "Джека, ведь там никого нет!" Но собаке явно нравилась эта забава, и одному Богу известно, что делалось в её рыжей кудлатой голове. Она считала также своим собачьим долгом встречать гостей и провожать их, как истинная хозяйка, до ворот, часами дожидаясь припозднившегося автобуса. Когда гости разъезжались, она тщательно исследовала их следы и счастливая возвращалась в свой родной двор, где её ждало новое утро и новые игры.

Так было, но вот наступили запыленные "чемоданные" дни, когда вся мебель из её родного дома была вынесена, и Джеку стали пускать в святая святых человеческого жилища. Она стремительно влетала в опустевшие комнаты и ложилась на пол, где место себе облюбовало ласковое солнышко. В один из последних дней она даже перетащила свою циновку, всем видом говоря: "Видите, я тоже собираюсь". Люди гладили её по счастливой морде, и она в ответ комично причмокивала языком, как делают совсем маленькие. И только накануне отъезда она остро почувствовала что-то, что люди называют одиночеством, и изо всех сил старалась заглянуть в знакомые лица, будто хотела сказать очень важное, будто искала того, кто захочет навсегда забрать её с собой. Только к вечеру она уже ничего "не говорила", а издали глядела на непонятных людей, которых так верно и преданно любило её собачье сердце.

...Долго ещё сидела Джека на дороге, по которой, пыля и фыркая, прошли последние грузовики, навсегда унося из её жизни сидевших на чём попало людей. Пыль и бензиновая гарь больно слепили глаза. И вдруг она завывала – безысходно, протяжно, горько, как выла в жизни только раз, когда утопили всех семерых её новорождённых щенят.

ЭЛЬВИРА САПФИРОВА

Краснодар

Сапфинова Эльвира Ивановна окончила Рязанский педагогический институт, в течение сорока лет учила детей русскому языку. Написала учебное пособие и программу по изучению мировой художественной культуры.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

(отрывок из повести "За поворотом")

Каникулы! Я ждала их так, как ни один из моих учеников. Намечались не просто каникулы, а удачные каникулы в Рязани, да ещё и в гостинице на все девять дней.

Накануне отъезда, вечером, муж сел напротив стола, заваленного тетрадами, и, как истинный дипломат, начал издали:

– Ты знаешь, что я еду на соревнования, и знаешь, как мне необходима только победа с выходом в финал России.

"Ну, всё, – подумала я с тоской. – Прощай театры, вечеринки, здравствуй, гордое одиночество!"

– Так вот. Ты меня слышишь? Делай, что хочешь, ходи куда хочешь, только не мешай, – повелительно закончил мастер спорта по шахматам.

Я делала вид, что проверяю работу. Поднять глаза – значит, выдать свою боль и злость. Шахматы всё-таки выселили меня. Не дождавшись ответа, он шутливо предложил:

– Присоединяйся! Помнишь изречение Гёте: "Шахматы – гимнастика ума человеческого". Вот и решай задачи, помогай судье.

Я даже вскочила со стула. Сидеть все каникулы, уткнувшись в чёрно-белые клеточки! Да это же издевательство! Страшнее не придумать наказания! Составлять комбинации, строить козни несчастному королю, чтобы взять его в плен! Скука. Невыносимо сидеть за доской шесть часов, обхватив собственную голову руками и выдавливая из неё идеи покорения противника.

– Не мешать? – разошлась я, окончательно. – Да пожалуйста! Что я, не найду чем развлечься?! Гимнастика ума?! Великолечно! Две четверти только и делал, что ноги разминал на физкультуре, теперь можно и мозгами заняться. Да, кстати, это слова не Гете, а Ленина, к твоему сведению.

Краем глаза заметила в пыли, что он будто бы ждал этой фразы, и как только её услышал, даже повеселел, довольный тем, что теперь сможет погасить моё недовольство и, как всегда, одержать верх:

– Угу, сам так думал. В шахматном клубе, помнишь, лозунг висел и подписано под этим выражением: "Ленин"?

Я кивнула, злость постепенно уходила.

– Так вот. Ты помнишь две стопки книг, которые притащила из библиотеки и поставила там, за дверью?

– Конечно. Библиотекарь одарила. Пришла в школу на перемене, отозвала меня и пригласила зайти отобрать списанные книги для уроков. Конечно, я не просто пошла, а побежала. Знаешь, какое богатство! Такие книги! В учебниках только ссылки на них читала, никогда в руках не держала. Два часа лазила по этой драгоценной горке и вот набрала, еле донесла.

– Да, да, принесла и не притронулась, – уколол он, заставив оправдываться.

– Да ведь конец четверти, ты что, не видел, головы поднять от тетрадей некогда!

– Ну, не кипятись, это я так. Дело в том, что там я нашёл книгу "Разговоры с Гёте". Автор Иоганн Эккерман был у Гёте секретарем и записывал все высказывания великого немца. А было это в восемнадцатом веке! Ленин тогда ещё и не родился, он просто повторил слова философа.

– Вот это да! Ты уверен?

– А вот, посмотри.

Он поднял из-под кровати увесистый фолиант, раскрыл его, отодвинув закладку, и прочитал запись. Мне опять было не по себе. Я чувствовала страшное давление. Опять я в роли ученицы. Как в беге на длинную дистанцию: читаю, учу, конспектирую, и чем больше узнаю, тем меньше знаю. Где-то я читала, что один философ сравнивает знания с шаром: чем больше познаёшь, тем шире круг и дальше точки познания.

Не успела ничего сказать, как мне были вручены дневниковые записи Эккермана с философскими рассуждениями как развлечение на каникулы.

– В свободное время почитаем.

Пришлось впихивать ещё одну тяжеленную книгу в сумку с вещами. Да... С кем поведёшься...

Шахматисты – особенные люди, интроверты. Их спутать ни с кем невозможно. Может идти по улице и никого не видеть. Значит, решает очередную шахматную задачу, считает варианты. У них свой внутренний мир и свой круг общения. Можно объездить весь мир, останавливаясь на постой в шахматном клубе, как в гостинице, потому что их девиз: "Мы одна семья" – это не просто слова. Они похожи друг на друга не носами, а отношением к жизни, к людям, вещам. На соревнования берут кипы шахматной литературы и заталкивают между книг одну-две застиранные рубашки. Их непритязательность граничит с нечистоплотностью. Один шахматист зарабатывал на соревнованиях себе очки тем, что приходил на очередной тур в одной и той же майке. Примета у него была такая: в какой одежде выиграл, ту и носи, пока не проиграешь. Играли в Сухуми в августе. Жара под пятьдесят градусов. Тучный, потный, в мокрой майке, он приходил в зал, находил свой столик, расплывался на стуле, ставил рядом с доской двухлитровую бутылку воды и ждал противника, который или не приходил вообще, или сдавался, посидев несколько минут напротив.

Конечно, это крайность. Семья огромная, но трепетное отношение к чистоте я встречала лишь у немногих. Зато самозабвенная, всепоглощающая страсть к игре объединяет всех шахматистов. Человек, сидящий за доской, мысленно уходит в царство слонов, коней и пешек, королей и королев, повелевает ими, спасает, жертвует, изворачивается, убегает, наступает и, наконец, убивает. Мат.

Однажды зимой во время цейтнота на участника соревнования свалилась вешалка со всеми тёплыми пальто. Он вылез из-под груды, разбрасывая руками одежду, уселся снова за стол и сделал ход. А противник, вытаращив глаза, наблюдал за ростом фиолетовой шишки на его лбу, потерял время и, конечно, проиграл.

Дни каникул летели, пачка честно заработанных за полгода денег таяла на глазах и уже не казалась огромной. Я окунулась в уже забытую жизнь общежития, отдохнула душой в родном студенческом гнезде, спугнула нечаянно молодежь со своей потаённой в елочках скамейки около драмтеатра, прочитала описанные Эккерманом целых три дня жизни в доме великого Гёте, и назад, в деревню, служить Отечеству.

В последний выходной заехали к свекрови, нагрузились вкусностями, сколько могли унести, получили очередную порцию родительской любви, сели на дорожку, а свекровь и говорит:

– Не ночуйте сегодня дома, пойдите к соседке: дом кирпичный, промёрз за десять дней, мороз под тридцать был всю неделю. Будете печку топить, наледь растает. Угорите, если останетесь.

Мы, послушные, взрослые дети, сделали всё, как обещали. Вот только и ночи не понадобилось, чтобы наглотаться гари ещё днём, когда отогревали обледенелый дом, готовились к урокам и методично подкладывали в раскаленную печь дрова, а та, довольная, гудела, разбрызгивая вокруг тепло и искры. Стены покрылись мелкими капельками воды, и только лёд в углах держался как ни в чём ни бывало.

За окном стемнело. Женя прикрыл заслонку, и мы пошли к Нюре, соседке. Ночь – чудо! Мороз, звёзды – рукой доставай, яркие, большие. Прошлись по мелкому, как пух, снегу, подышали морозцем. Но во мне уже скопилось столько угарного газа, что часовая прогулка по краешку леса не смогла его изгнать из моего тела. К сожалению, я этого излишка не ощущала.

С весёлым шумом мы ввалились к ожидавшей нас одинокой приветливой женщине. К приходу она и молочка поставила, и печку жарко натопила. Уже в сенях в нос ударил терпкий сильный запах гари. Слегка затошнило. Но Нюра была так добродушна, весела и радовалась гостям, что это неприятное ощущение забылось за столом. Мы разложили привезённые сладости, пили молоко, потом чай, шутили, смеялись. Улеглись на почётное тёплое место, на печке. А ночью я проснулась от тошноты, кое-как сползла с печи и упала без сознания на пол.

Весь остаток ночи провела в ледяных снях в обнимку с тазиком, и холод по капельке вытягивал из меня ядовитый угарный газ, возвращая к жизни.

Только на четвёртый день я смогла подняться. О чём я думала все эти дни? О ребятах, о школе. Ну, хоть бы немного практичности и любви к себе самой! Уже тогда можно было уехать из этой глуши, сославшись на невозможные условия и проблемы со здоровьем, но я свято верила, что со мной ничего не может случиться. Во мне столько идей, замыслов! Просто некогда умирать. Меня неудержимо тянуло в школу. А тут ещё Маша пришла вечером с приказом от начальства срочно выздороветь, а то учебный процесс тормозится, без меня – никак!

Наутро проснулась почему-то рано. Темно, холодно, нос замёрз. "Вот и настал мой двадцать второй день рождения. Поздравляю! – взгрустнула я и укрылась с головой. – Дома у мамы сейчас тепло и мороз не такой жгучий, и печка не такая опасная".

Рой воспоминаний закружил. Даже стало как будто теплее, светлее, веселее. Мне шестнадцать... Дом залит светом, гремит музыка, приглашённые ребята и девушки тянутся по одному и группами, дверь всё время хлопает, но мне не холодно. Счастливая, раскрасневшаяся, я стою в коридоре в лёгком, шёлковом платье и принимаю поздравления. Идёт ленивый, ласковый снег, и легкий морозец будто оберегает, ласкает. Последним пришёл Юрка, сосед по парте, друг. Стоит в дверях, прижимая к пальто букет. Нет, нет, это были не цветы. Откуда в станице шестидесятых годов в январе могут быть цветы?! Это веточки можжевельника вперемешку с голыми стебельками ярко-красного волчьего лыка.

– Мне! Настоящий букет! Да, я уже взрослая. Неужели?..

Открываю глаза, высовываю нос, – темень, холод – и быстро опять зарываюсь в одеяло. Совсем не так как дома, у мамы! Море света, солнца и тепла...

Какое же мне платье надеть? Всё-таки как-никак праздник. Вот возьму и наряжусь! Первое нарядное платье мне сшила мама на Пасху в семь лет. Она перешила своё шоколадное крепдешинное. Это был праздник души! Все девчонки с нашей улицы трогали пальчиками кружевные рюшки и просили в который раз покружиться. А на втором курсе перед началом зимней сессии неожиданно приехала мама, и мы отправились в Москву за нарядами. Я так привыкла к тусклой поношенной одежде, что нежно-голубая куртка, отороченная белоснежным искусственным мехом, показалась верхом красоты. Это был наряд снегурочки.

А весной из сэкономленных денег мне удалось купить серый шерстяной костюм. Идеальный наряд на весну! Даже незаметно, что курточка на два размера больше и сидит мешком.

Мне было девятнадцать, и меня надо было выдать замуж. Поэтому на семейном совете решено выделить огромную сумму на наряды. Нашли заведующего промтоварным складом, армянина, который распоряжался государственным объектом как своим и строил себе отличный кирпичный дом в Пятигорске. Поскольку от папы зависела скорость строительства, то мы с мамой с благоговейным трепетом беспрепятственно посетили это тайное хранилище и целый час выбирали всё, что понравилось. Кладовщик, помню, всё улыбался, глядя на мои округлившиеся восторженные глаза. А мне казалось, что я попала, как Али-Баба, в пещеру сокровищ. Этих нарядов, купленных из-под полы, хватило на много лет. Поэтому сегодня в свой день рождения я буду нарядной и красивой. Мои яркие платья в деревне притягивали внимание, но чаще вызывали зависть и злость. Я это чувствовала и знала, что дразнить гусей опасно, но желание покрасоваться было сильнее. У детей красивая одежда вызывает совершенно другие эмоции: они становятся весёлыми, радостно улыбаются, осторожно прикасаются к одежде, глядят то рукав, то плечо.

Вдруг нос уловил тепло. Послышался треск горящих дров. Как хорошо! Значит, муж помнит о сегодняшнем дне... или не помнит, а просто ему не спалось? Кофе в постель мне не принесли, но зато заранее затопили печку, и я, "как белый человек", не спеша, сунула обе ноги в валенки, завернулась в широкий байковый халат и нехотя отошла от печки. Все ценные вещи лежали в кованом сундуке, подарок свекрови, этакий раритет девятнадцатого века, но зато в нём ничего не плесневело, как в чемодане под кроватью, а потому в деревянном ящике лежало самое ценное и красивое. Стоял он в зале-деневшем углу, около окна.

Не спеша, я надела вязаное платье ярко вишневого цвета с вышитым цветным орнаментом на груди, подошла к стоящему на столе зеркальцу, но и без него было видно, как болтается на мне моё любимое, концертное.

Праздник праздником, а работа зовёт. Ползу в тоннеле из снега, утаптываю очередную порцию, выпавшую ночью. Как же долго идти! То ли дело летом: иди, где хочешь, хоть по тропинке, хоть по траве напрямую, а сейчас – нет, только по колее, ни шагу в сторону. Серееет. Хмаро. Срывается редкий снежок, щиплет нос мороз.

Обычно в Рязани, во время учёбы в пединституте, в этот день меня вызывала на переговоры мама, и я мчалась на переговорный пункт слушать поздравления и благодарить её за очередную посылку с вареньем, маслом, орехами. Теперь и бежать некуда. Мне не то чтобы грустно, а как-то обидно: взрослая замужняя жизнь оказалась уж очень неудобной. Я была на самом её дне: и холодно, и голодно.

И что это я нюни распустила?! Хочу быть счастливой – и буду! Но как хочется, чтобы приплыл корабль с алыми парусами. Конечно, трудно делать счастливой саму себя. Ведь принца можно и не дожидаться или он будет сильно занят государственными делами. А я вышла замуж, свесила ножки с носа семейной лодки и болтаю ими в воде. Да, расписалась не только в ЗАГСе, но и собственной лени расписку дала. Решила, что счастьем меня должен обеспечивать муж. Безобразие, да и только! Чего унывать? Вытаскивай себя, спасай! Ведь один подарок уже есть. Как здорово, что я заранее о нём побеспокоилась, в Рязани, на каникулах. Однокурсница пообещала выписать детскую энциклопедию. Ей будет еще холоднее, чем мне сейчас идти в школу. Надо постоять в очереди с пяти утра, ворваться в открывшуюся дверь магазина, не потеряв заколоченную спину впереди стоящего и оттолкнув локтем нагло напиравшего сзади, заплатить в кассу деньги за последний том и получить вождеденную квитанцию, по которой год или два буду выкупать по тому.

У меня уже есть небольшая библиотека, но самое красивое в ней – тридцать одинаковых книг в тёмно-коричневом плетении с золотистым теснением. Это томики Горького. Не то чтобы любимые, но стоят они в ряд на полке, яркие, отливают солнышком, и вроде бы не так бедно выглядит моя хижина.

На пороге школы топала ногами, обивая снег. Не помогло. Наклонилась, поставив на порожек сумку с тетрадами, обмахнула их варежкой.

– Эльвира Григорьевна! Давайте донесём, – услышала я сзади знакомый голосок четвероклассника.

– Спасибо, Ванечка, донеси! – отвечаю я и оглядываюсь.

Деловой утренний шум захватывает и провожает в учительскую, где невозможно задержаться. Повесил пальто – и на выход, в класс: коллега уже ждёт в коридоре. Снимаю лишь пальто. Конечно, жаль, что толстый вязаный свитер скрывает моё нарядное платье, и валенки не делают меня стройнее, но иначе нельзя.

Открываю дверь любимого четвёртого класса и застываю в каталептической неподвижности. Нет, такого не бывает! Откуда это? Учительский стол, стул, подоконник рядом со столом – всё заставлено яркими открытками, рисунками, резными рамочками и шкатулками, чайными чашечками, вышивками и рисунками в рамках. Класс застыл в восхищении. Сюрприз удался! Тридцать пар возбуждённых глаз лукаво смотрят на меня, наслаждаясь впечатлением, которое сумели произвести. Эти искорки любви на лицах – бесценный дар. Вот это да! А класс дружно скандирует:

– С днём рождения! С днём рождения!

Не скрываю радости, в счастливом смятении, растерянно улыбаясь, спрашиваю:

– Как? Откуда? Откуда вы узнали?!

И, не дожидаясь ответа, уже говорю то, что должна была сначала сказать, а потом спрашивать:

– Спасибо! Спасибо! Какие красивые подарки! У меня никогда не было таких великолепных подарков! Спасибо!

Ребята восторженно зашумели, загудели, обступили со всех сторон. Все говорили сразу, поздравляли, рассказывая, кто и как выбирал подарок. А я всех пыталась обнять и поблагодарить. Вот он, "мой Тулон"!

Настал так неожиданно... Я купалась в волнах искренней, непосредственной детской любви и не скрывала восторга...

АННА КНЯЗЕВА

Тимашевский район

Анна Князева – ученица 9 класса средней общеобразовательной школы № 15

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК

Рассказ

*Доброе дело – то чудо,
которое два сердца
делает счастливыми.
Свт. Николай Сербский*

Рождество Христово – великий праздник, полный тайн и необъяснимого счастливого предчувствия, радостного ожидания какого-то чуда. В эту священную зимнюю ночь для каждого произойдёт маленькое чудо, но для кого-то оно станет особенным и неповторимым.

Ночь. Яркий диск луны освещает небольшое село в сугробах на окраине леса. Всё укутано мягким снежным покрывалом, и кое-где пушистый снег отливает серебристо-голубоватым сиянием. На чистом тёмном небосводе россыпью поблёскивают яркие маленькие звёздочки. Деревья величественно стоят в пушистом снежном кружеве. Сгущающаяся темнота зимней ночи растворяется мягким сияющим молочным светом.

Вокруг безмолвная тишина. Над избами дым столбом. Суровый трескучий мороз заставляет селян не выходить на улицу без причины. На заснеженных узких улочках ни души. Все давно собрались на Рождественскую Литургию в сельском Свято-Никольском храме. Вот слышится колокольный звон. И кажется, сам воздух наполняется и переливается каким-то звенящим нежным звуком.

По дорожке мелькнули силуэты. В лунном свете было видно, что это дети – мальчик и девочка. Старшему мальчонке на вид лет 12, он одет в свалывшийся тулуп и залатанную в нескольких местах шапку. Его сестра лет шести одета в старенький полушубок, валенки, явно великоватые на неё; на голове – платок, туго обёрнутый вокруг тонкой шеи. Они шагали быстро по скрипучему искрящемуся снегу, спешили поскорее добраться до храма и не опоздать на праздничную службу.

Дети вошли на церковный двор, трижды осенили себя крестным знаменем, поклонились.

– Павлик, посмотри, там у храма человек! – прошептала девочка брату, её маленькие светлые глаза наполнились жалостью.

– Как же нам быть, Настенька, если подадим ему милостыню, у нас на свечи не останется ничего. Это ведь последние деньги.

Мальчик разложил на покрасневшей от холода ладони медные монеты, их с трудом хватило бы на свечи, но сегодня не простая ночь, радостная, святая. Господь Богомладенец освятил её своим Рождеством.

Павлик мельком бросил взгляд на сидящего у входа в храм человека, дрожащего от пронизывающего холода, одетого в старые лохмотья. Его глаза, наполненные усталостью и изнуряющей внутренней болью, просили о помощи. Дети подошли к нему. Мальчик достал из кармана тулупа монеты, все до единой. На маленькой худенькой ладошке разместилось 5 медяков.

– Вот, возьмите! Вам нужнее! – он ласково протянул деньги нищему.

– С Рождеством Христовым! – добавила девочка.

Дети были рады кому-то помочь в такой великий праздник. Каждый из них почувствовал тепло в своём маленьком, но добром сердце. Они поспешили в храм.

В храме было тепло и многолюдно. Отец Василий, настоятель храма, уже кадил, на клиросе чудесно пели. Кругом витал тонкий аромат ладана. От свечей исходило горячее тепло и приятный запах воска. Мерцали лампадки. Пахло свежей душистой хвоей. Слева от входа стояла красавица-ель. Её зелёные пушистые веточки были украшены самодельными деревянными игрушками, рождественскими херувимчиками, сладостями и фруктами.

По окончании Литургии прихожане начали расходиться, поздравляя друг друга с Рождеством Христовым. Девочка робко смотрела на красное спелое яблоко, висевшее на рождественской ёлке.

– Настенька, пойдём! Бабушка просила не задерживаться после Литургии, – сказал брат, бережно взяв её за руку. Девочка продолжала любоваться то ли ёлкой, то ли яблоком. Сзади слышались незнакомые шаги. Было ясно: кто-то подошёл. Это был отец Василий. Он снял с украшенной ёлки несколько спелых яблок, румяных душистых пряников, леденцов на палочке в форме ели и протянул детям: "С Рождеством Богомладенца Христа, дорогие детки! Возьмите эти сладости! Счастливого праздника!"

Подошла матушка Агафья, женщина средних лет, ласково улыбнулась и протянула Настеньке тёплую небольшую шаль, которую связала сама к празднику со словами: "С Рождеством Христовым, Настенька!"

Настенька протянула руку с осторожностью, немного с испугом, не веря своим глазам. Павлик взял сладости и поблагодарил батюшку. Глаза детей наполнились радостью.

Счастливые дети с рождественскими подарками вышли из храма и пошли домой, где их ждали заболевшая тяжело мама и старенькая бабушка. Дети верили, что этой ночью будет ещё одно чудо – мама выздоровеет.

Морозным утром занималась заря, нежные краски окрашивали небосклон, сливаясь между собой. Сквозь сумрак пробивались лучи восходящего солнца.

Доброе дело подобно утреннему свету. Его нельзя ничем измерить, разве что любовью и милосердием. Добро всегда возвращается к тому, кто его делает, как лучи солнца на землю.

В эту святую ночь каждый получил свой рождественский подарок: нищий – последние медяки от детей на пропитание, Настенька – тёплую шаль, Павлик – сладости, которыми он поделится и с сестрёнкой, и с мамой, и с бабушкой.

**ПОБЕДИТЕЛИ – УЧАСТНИКИ ОТКРЫТОГО КРАЕВОГО СЕМИНАРА
МОЛОДЫХ И НАЧИНАЮЩИХ ЛИТЕРАТОРОВ – 2020**

ЛЮДМИЛА ЕВТУШЕНКО

ст. Марьянская

* * *

Лето проводив по травам мятым,
Ветер разгулялся по газонам,
Семена развеял дикой мяты
И разворошил у яблонь кроны.

Листья закружил и на мгновенье
Расстелил ковёр окраски редкой,
И погладил лёгким дуновеньем
Редкие антоновки на ветках.

Восхищённо, трепетно-туманно
Покорял он бархатную осень...
В час, когда ты сел на край дивана
С ароматным кофе на подносе.

* * *

У расставания бездонные глаза
С оттенками пронзительной печали.
Объявлен рейс. Смолкают голоса.
Застыло время в застеклённом зале.

И некуда, и не к кому спешить
В размеренный опустошённый вечер.
И только о запястье бьётся жизнь
Под вздохи циферблата: чёт и нечет.

Придётся постепенно привыкать
К тенистой пустоте в дороге новой
И возрождаться только от звонка
И голоса далёкого родного.

* * *

Поставила будильник на апрель,
Подушку, как спасенье, обняла.
Пускай минутной стрелки карусель
Уносит в мир уютного тепла,

Где будет время нежиться в лучах,
И сложат крылья мокрые зонты.
Котёнком рыжим станет у плеча
Мурлыкать вдохновение... А ты?

Ты, странник мой из юности шальной,
Уставший от скитаний и дорог,
Обласканный морозной тишиной,
Останься в лабиринте прежних строк.

ЛИДИЯ ЖЕЛЕЗОВСКАЯ

Краснодар

* * *

Окинула хозяйским взором
Давно созревшие поля:
Всечасно требует надзора
И обновления земля.

"Ну, что ж, пора и за работу!" –
Косу с плеча привычно сняв,
На руки смачно поплевав,
Пошла косить. Косьба в охоту!

Лишь свист косы на поле спелом
Колосьев стоны заглушал.
...И только саван между делом
Отбросила, чтоб не мешал.

Перед фотографией родителей

Нынче Радоница святая:
Далеко до родных могил.
Те погосты восходят к раю,
Добрести к ним не хватит сил.

Рюмка водки и ломтик хлеба
Знаком скорби моей стоят.
Да глаза, что безгрешней неба,
С утешеньем на нас глядят.

* * *

Как отраден и невинен
Вид заснеженных берёз!
Чистоту и свежесть линий
Снегопад с собой принёс.

Снег! Ты так недолговечен
В нашей южной стороне!
Мягко падаешь на плечи,
На ладонь ложишься мне.

И пока ты не растаял,
Не исчез с лица земли,
Я и грежу, и мечтаю,
И сжигаю корабли...

ЛЮБОВЬ ЛОЖКИНА

Новороссийск

* * *

Над осеннею рекой
цапля серая,
И калина над водой
перезрелая.
Речка быстрая спешит
к морю Чёрному,
А за нею жизнь бежит
к сроку новому.
Годы вспять не повернуть
и не хочется,
С русла речке не свернуть
в половодицу.
Будет время накрывать
зимы вёснами,
Будут внуки подрастать,
станут взрослыми.
И в один из майских дней,
как и водится,
Запоёт им соловей
за околицей.
Будет ввысь душа лететь
цаплей белою,
Будет в сердце счастье рдеть
гроздью спелюю.

ГАЛИНА ПРОЗОРОВА

Новороссийск

Ожидание

Мне больно потому, что нет тебя,
Мне скучно потому, что я одна,
Мне грустно потому, что я люблю.
В каком живёт любимый мой краю?
Но если я скажу, не жду тебя,
Не верь мне, ожиданием живу.

ТАТЬЯНА СЕРПИЯНОВА

Краснодар

Свеча

Ночную тишь окутал сон,
всё меньше огненных окон,
в своём доме зажгла свечу,
она горит, а я молчу.
На пламя пристально смотрю –
что мне свеча?! Сама горю...

Одиночество

Шумный дождик землю моет,
дверь соседская скрипит,
от тоски собака воеет,
кран простуженно хрипит.
Где-то песня раздаётся...,
тут же тонет в вышине,
ветер за окошком бьётся,
может, просится ко мне?
Может, он распутать хочет
дум моих тугой клубок,
а быть может, в этой ночи,
как и я, он одинок...

ОЛЬГА СКАЙ

Краснодар

Осеннее

Мне хочется уснуть под шорох листьев,
Вдыхая день за днём октябрь нежный...
Листая сборник повзрослевших мыслей,
Мечтать о декабре хрустально-снежном.
Мне нравится у осени учиться
Делиться самым ценным без остатка,
Наивней стать, как в холода синицы,
И прошлогодний смех в карманных складках
Вдруг находить, примерив плащ осенний...

Мне хочется в туман и в дождь влюбиться,
Стать листопада шелестящей тенью
И каждым нервом за него молиться...

* * *

Что в этой осени прекрасно?
Листвы редеющей ажур,
Кокетки зонт нарядно-красный,
Стихи, плетёный абажур.

Волнует каждый штрих осенний –
Листва, зонты, уютный свет.
Но всех чарующих явлений
Прекрасней чувств моих букет.

Расскажи мне

Расскажи мне под шёпот колосьев,
желтеющих в поле –
Отчего ветер так безнадежно
влюблён в целину?
И зачем, забывая веками
воспетую волю,
Оказаться мы можем осознанно
в этом плену,

В самом странном отрывке из всей
многожанровой книги,
Где никак не угнаться за стрелками
древних часов,
Где на вечность помножены тайны,
загадки, интриги,
И закрыты все двери на прочный
железный засов.

Зреет хлеб, заплетая колосья
в упругие косы,
И уже так далёк растворившийся
в прошлом мираж.
Осушил ветер вновь поутру
безнадежные росы,
Освежив в спящей памяти кем-то
забытый пейзаж.

Расскажи мне под шёпот колосьев,
желтеющих в поле –
Почему не отступится ветер от
зыбкой мечты?
Отчего он готов предаваться
медовой неволе,
Безответно целуя молчащие
в поле цветы?..

АНАСТАСИЯ ФЕТИСОВА

Краснодар

У моря

Покой у моря. Небо. Солнце. Чайки.
Стекляшки разноцветные на гальке,
Обкатанные пенною волной.
Прозрачные железные медузы.
В прибрежной лавке сладкие арбузы
Навалены египетской горой.

Чурчхела, мёд, орехи, абрикосы,
Везде снуют назойливые осы.
Купив арбуз, мы тащимся домой,
И мимо нас ползут автомобили,
И облака в безветрии застыли
На горизонте нежной бахромой.

Калитка. Дом. Под вишнями прохлада.
Гудит за лесом где-то автострада,
На землю падают смоковницы плоды.
И потому нам так легко и просто,
Что здесь с тобой мы маленького роста,
И нет ни в чём двум девочкам нужды.

АЛЕКСЕЙ ШУТЁМОВ

Краснодар

О своевременном

Оглянись! Ничего не потеряно.
Даже не поздно.
Наступившая ночь, как в студенчестве –
всё впереди!
И билеты разучим под небом,
манящим и звёздным;
И не время ползучему сну
подбираться к груди...
А с рассветом пора подыматься
на главный экзамен;
Потягаемся с теми, кто долго,
прилежно учил...
Не фортуна, а верно, настырность,
останется с нами;
И сияние дальних и ярких
полночных светил.

Выросший в клетке

Я не хотел летать над низкой крышей –
Меня манила поднебесья высь;
И не в погожем радостном затишье,
А в шторм, когда вдогон ветра рвались...
Когда темнели грозовые тучи
И молний вспышки рвали горизонт.
Быть может, я летать и не обучен,
Но не готов упрятаться под зонт.

МАРИЯ ИОЛАНТА САНЧЕС

Колумбия

Мери Иоланда Санчес (Mary Yolanda Sanchez) родилась в Гуамо Толима в 1956 году. Автор поэтических сборников, романов, литературных статей. Её поэзия напитана образами гражданской войны, более полувека сотрясающей страну. Лауреат национальной премии, престижных международных конкурсов. Автор и составитель поэтических антологий. Публикуемые в журнале произведения представлены в переводе Светланы Макаровой-Гриценко.

Старая газета

Когда опять утрачивает важность
лента событий полосы бумажной,
позволь промокнуть мёртвым фактам этим,
ведь старой пожелтевшею газетой
тебе легко укрыться от дождя.
Пусть информация течёт по шее,
и пусть на коже остаются имена.

С тобою вновь мы проживаем зиму,
давясь промокшим заголовком этим.
Вчера и завтра, и ещё сто лет...
И лишь вон тот мужчина неподвижный
на каждом светофорном перекрёстке
последний знак и самый верный признак
того, что мы меняем кожу всё же...

Продолжение

Однажды, в наказание за память о детях на голодных улицах, ты оставишь благодатный юг. Ты начнёшь готовиться к побегу намного раньше, чем отсчитаешь двадцать один шаг к виселице. Ты успеешь вернуться на север, где мучились наши матери. Ты даже не запомнишь пистолет, который посылал девять молчаний в твоё тело, и монстра, нажимавшего на курок. И руки, которые приказали тебе оставить детство рядом с холодом твоей мёртвой бабушки. Ты, наконец, начнёшь ценить жизнь и крепче сожмёшь бутылку, заставляющую забыть темноту. Бросишь в центр галеры свою последнюю благодарность – ту, которая никогда не была написана. А теперь ты сумел прочесть её на собственной ладони, протянутой к твоему обидчику, чтобы утолить его жажду. Однажды ты забудешь, Карлос, что слишком быстро научился находить куропаток на ужин своему хозяину и кричать новости от двери к двери, за одной из которых ты был следующим в списке...

Аккорды

У Карлоса живёт цапля, она спит, подняв одну ногу. И никому неизвестно, левая это нога или правая, ведь цапля Карлоса всегда стоит на одной ноге. Глядя на цаплю, Карлос учится лгать. Он уже умеет указывать путь, не называя ни правую, ни левую стороны, но без сомнений уверяя, что прожорливые муравьи уйдут именно по его дороге. Давным-давно, когда он был маленьким мальчиком, его фантазиям мешал яркий свет дня. С тех пор Карлос научился собственным голосом уменьшать лица реки и деревьев. Теперь Карлос знает, как пройти три шага вперёд, три шага назад и найти спящие души. В его маленькой стране трёх шагов достаточно, чтобы обрести посох и вернуться к колодцу, где он закатил левый глаз. Тот самый левый глаз, который и лишил его Божьей милости...

Возвращение

Этим дождливым вечером ты вернулся к сути вещей. Вглядевшись в кофейную гущу на дне старой чашки, ты понял, наконец, что не существует пути, по которому надеялся убежать. Ты признался самому себе: без толку менять стрелки часов, точное время и тиканье механизма имеет одинаковый смысл в любом месте. А вот носки, которые лежат в комод, заштопала и положила мама, и больше это никогда не повторится...

Глядя на хмурое небо, ты обязательно вернёшься к истокам своего горя. Ты попытаешься вспомнить себя с первой тонкой юной кожей, ясноокого и полного надежд. Но каждый прожитый день и год будут давить грузом неисправленных ошибок. Ты увидишь, что твои ноги оставляют на дороге не следы, а страх, и ты во власти толпы, лишившей тебя собственного направления. Ты прозреешь, разглядев, что многие в этой толпе ходят без тени и под звуки вечного сомнения, потому что нет никого, кто повторяет их шаги или отвечает на их ласки.

Что вы подумали...

Что вы подумали, когда закрыли глаза? Когда оставили груз своего молчания на тысяче тел. Когда в ванной промыли ваши внутренности, и вы ощутили лёгкость и освобождение от жалоб, что отрыгивает земля. На вашем лице проступили знаки, прошлые и чужие взгляды. Проявился шрам, подчёркивающий морщины на лбу, результат тайной игры запада. Вы больше не обычный человек, вы никогда не узнаете о тех, кто ушёл после вас. Вы не представляете себе буквы в письмах, адресованных вам, которые мы мысленно пишем за стеной. А мы... Мы так и не научились разделять согласные и избегать прилагательных. Зато увидели и знаем теперь, что правда на устах мёртвых – ещё одна ошибка.

Профиль

Тыходишь к зеркалу и видишь, что правой щеки больше нет. Вместо неё открывшийся, как собачий глаз, шрам, именно через него дышат те, кто сопровождал тебя. Те, кто ушли в беспорядке и оставили от тебя лишь половину, со словами прощания во рту, который ты больше не хочешь открывать. Они оставили и ключья белого шёлкового платья, того самого, что было на девушке, когда трое мужчин изнасиловали её в Уголке Радости, где впервые она когда-то поцеловала тебя. Ты не веришь отражению. Ты поворачиваешься, и зеркало показывает отпечаток руки, оставшийся на спине, когда тебя держали за ноги, чтобы при рождении вырвало, и в первый раз ты смог закричать.

Отныне для выхода на улицу тебе придётся носить полумаску. Тебе придётся идти медленно, потому что у тебя только правая нога, и она хромот. Знакомые больше не будут говорить с тобой о смерти, ты узнаешь о ней по свету в неподвижных глазах друзей. Ты не сможешь разгадывать и пересказывать их молчание, иначе боль снова сломает тебя. Те, кто увидят половину тела у твоей двери,

начнут смеяться. Они изгонят тебя в одиночество, ведь твой флаг – это лишь пятнистая испачканная рубашка в окне. Не приближайся к зеркалу. Опять укажет оно на гибель твоего шестнадцатилетия, сражённого злом. На половине твоего лба – предсказание человека, уверенно сидящего на коне.

Последние страницы

Тебе повезло, ты родился среди детей, которые не просят даже имени на земле. Вот почему ты не можешь сосчитать года, которые ходишь босиком. Тебя узнают по грязи на лице с твоего двора. Тот, кто, как и ты, похож на случайного муравья, будет скользить вслед твоему обиженному взгляду. Жизнь подарит тебе совсем немного плодов. И мать покорно смывает чувство вины в водах среди камней, в тех водах, которые впервые заговорили с тобой о наступающей весне. Конечно, однажды ты забудешь, что она звала тебя Карлос. И что дожди всё же смыли краски и оставили тебя бесцветным...

Горизонт

Вы заготовили песок и начали строить дом, когда пришёл рассвет. Хотя горожане принесли с собой лилии и осколки снарядов. В их мешках было и немного соли. Стены вашего дома поднялись там, где скользили ящерицы, всё ещё не умеющие кричать. Шипы выросли на ресницах женщины, которой долго снился шум реки. Теперь отражения в зеркалах появляются вместе со вспышками взрывов, и потому страх в коленях, от пупка до самого низа, заставил забыть даже о жертвеннике. Вы лишь осторожно касаетесь огня, он возвращает к музыке детства. Вы трижды уходили, чтобы снова вернуться в свой дом вместе с дыханием бабочек, украшающих окрестности.

Картина

Вы храните портреты теней в глотках пьющих, жадно отнимающих жизни. Так вы врачуете свою рану, самую зияющую. Медленно отсчитывая листки календаря, вы слушаете деревья, и потом запираете окно, чтобы убедиться, что здравомыслие не ускользнёт. Вы находитесь на территории радуги, берёте краски и повторяете каждую линию, каждый звук ветра, чтобы осознать себя создателем и зрителем места, которое принадлежит вам. Уже не важно, кто смотрит за угол, и даже если мясники снова придут за вами, вы будете знать, как задержать свой уход и не покинуть этот мир бесследно. Вы несёте горстку песен в воде ваших глаз.

ВАСИЛИЙ ДВОРЦОВ

Москва

Дворцов Василий Владимирович – русский прозаик, поэт, публицист. Родился в 1960 году в Томске в семье потомственного офицера. Детство прошло в селе Молчаново Томской области, на берегу Оби. После школы приехал в Новосибирск, в шестнадцать лет поступив в медицинский институт, но закончил художественное училище. Театральным художником поработал в различных городах СССР, оформил более 50 спектаклей.

С 2009 года – секретарь Правления Союза писателей России. С 2018 года – заместитель председателя – генеральный директор Союза писателей России. Лауреат престижных российских и международных премий.

ЖЕРТВА РОДИНЕ

Герои образуют время. Герои олицетворяют время. Герои и есть время.

Неразрывность исторической памяти народа – непрекращающийся перечень своих героев, чьи имена как узелки на молитвенных чётках, с которыми народ предстоит Богу, творящему "присно с нами великая же и неисследованная, славная же и ужасная, их же несть числа". Кого же народ молитвенно поминает в своё оправдание перед Творцом, Царём и Судией? Только лишь тех, кто "витязь, храбрый воин, доблестный воитель, богатырь, чудо-воин"? Нет, конечно же, шире – "доблестный сподвижник вообще, в войне и в мире, самоотверженец" (Толковый словарь живаго великорускаго языка В.И. Даля).

Само-отверженец... Самоотвержение вмещает, накрывает собой и подвиг ратника, и подвижничество инока, и надсаду орагая. Самоотверженность собирает всех лично, индивидуально, без разделения на сословия и землячества, национальности и верования, ибо самоотверженность есть изначальность, личностная способность, психозаданность конкретного человека на самоотдачу, на самопожертвование.

Жертвование собой. Жертва – чему? Кому? За что?.. "Наша философия должна быть философией Родины и Жертвы, а не какой-то там отвлечённой, головной и никому не нужной "теорией познания" или "учением о бытии или материи"" – в своём удивительном завещании русским философам Алексей Фёдорович Лосев жёстко спостулировал: "Родина требует жертвы. Сама жизнь Родины – это и есть вечная жертва. ... Я многие годы провёл в заточении, гонении, удушении, и я, быть может, так и умру, никем не признанный и никому не нужный. Это жертва. Вся жизнь, всякая жизнь, жизнь с начала до конца, от первого до последнего вздоха, на каждом шагу и в каждое мгновение, жизнь с её радостями и горем, с её счастьем и с её катастрофами есть жертва, жертва и жертва". И укрепил-утешил: "Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственно только и осмысливает жизнь. ... В самом понятии и названии "жертва" слышится

нечто возвышенное и волнующее, нечто облагораживающее и героическое". (А.Ф. Лосев, "Родина"). "Жертва" – "героическое".

Слова "подвиг" и "подвижничество" своей однокорневостью выводят на русское историческое понимание равенства жертвы "кровью" и "пóтом", и это жертвенное равенство жизни-смерти в сознании нашего народа свидетельствует о духовном его видении феномена героизма. Духовном, то есть, если не отрицающем вовсе, то предельно принижающим значение материальных выгод от совершения подвига. Ведь, если не единственное, то главное в героизме – в кратком на поле боя или многолетнем в келье или лаборатории, главное – победа над злом, над пороком и грехом. Такое видение есть результат тысячелетнего воцерковления Руси-России, тысячелетия хриstopодражания русских народов. Религиозность как личностного, так и общественного сознания, проверенная и утверждённая невероятными искушениями и невысказанными испытаниями, отразилась в оценочных канонах, в числе прочего безапелляционно высказывающих жития из биографий. Из порой феерично ярких, перенасыщенных событиями судеб князей, воевод, зодчих, рударей, законодателей, словесников, первооткрывателей и первопроходцев народ безошибочно определяет – кто вправду является знаком-узлом на его молитвенных чётках, кого следует почитать в своё оправдание перед Творцом, Царём и Судией. Народ узнаёт героя даже под спудом юродства, узнаёт его в самом "неудачливом" и "неуспешном", в ребячливом и дурашливом, и самый дорогостоящий пиар не затемнит, не отведёт глаз народного сердца: жертвенность есть устремлённость к святости, её главный и неизменный образчик – крестный путь на Голгофу.

Темы подвига и героизма без устали разрабатываются философией, психологией, социологией, этикой и культурологией. И рассыпаясь на бесконечное число определений, исследователи, при всём, равно согласны, что понятие подвига и совершающего подвиг героя оценочно связаны с моралью, с убеждениями, идеалами конкретных культур в конкретные эпохи. Отсюда вопрос-проблема наследования национальной культуры при переменах этих самых эпох. Остаться народом, нацией, нести цивилизацию через любые социальные, политические, технические и научные революции, экономические скачки и переломы, попадая под великие переселения и географические открытия, сохранять и развивать самобытность под прессом глобалистской унификации – проблема культурной самоидентификации, кроме прочего, связана и с нарастающим объёмом знаний, в геометрической прогрессии накапливаемого с каждым поколением. Как сосредоточить-сконцентрировать, во что сублимировать национальный опыт, в какие базовые элементы свести, оформить всё множасьее количество фактов, событий, открытий, что это за минимальные по объёму и максимальные по насыщенности информационные и, одновременно, идейно-эмоциональные блоки, которыми возможно продолжать национально-культурное домостроение?

Эти кирпичи-атомы, базовые элементы – образы. Эстетические и художественные образы устной и письменной литературы, наскальной и салонной живописи, колядки и кантаты, воплощающие общее в единичность, соединяющие чувственное и рациональное, эстетизирующие этическое – образы в своей взрывной сверхконцентрированности содержания неизбежно герметически замкнуты внешне, закодированы символами конкретной культурой.

Образы можно определить как творчески отражённое возвращение платоновских идей-эйдосов в идейное поле истинного бытия после народного опыта их воплощения в мире чувственном. При этом, являясь результатом авторского, личного творчества, образы, в отличие от головных тропов, – результат соработничества ума и сердца, плоды труда умного сердца. Образы, как и эйдосы, совершенно разновелики и разновесомы: образ золотого века и образ соляной круговерти, образ матери и образ прародины, образ отечественной войны и образ врага, образ справедливого отца-царя и образ героя эпохи строительства коммунизма – каждый запечатлённый искусством образ запечатывается символом. Так что за пределами конкретной культурной традиции полноценное раскрытие символов-образов практически невозможно, они есть память конкретного народа, в них самобытность нации, самобытиё цивилизации. Как бы мы не восхищались величием южноамериканских ступенчатых пи-

рамид, цветовой гаммой вавилонских и египетских фресок, анатомичностью античной скульптуры и изыском китайских рисунков – то лишь профанное скольжение в чувстве общей гармонии "золотого сечения" и "цветовых треугольников". Художественно оформленные в образы смыслы и чувства впечатляются в генетическую память: культура так же влияет на генетику, как и климат, как и образ кочевой или оседлой жизни, и богатство или бедность хранимого народом мелоса свидетельствует о его, народа, древности или молодости. Беда, когда на переломах эпох сам народ теряет ключи понимания к собственным образным кодам, когда по злой воле и собственной беспечности он обрывает свою художественную традицию культурного воспроизводства и амнезирует, не узнавая свою историю. Так литературный процесс – процесс национального самосознания – не должен прерываться ни в одном поколении: нация непрестанно формируется языком и форматируется литературой. Обрыв – и второй шанс невероятен.

Прошлое в нас. Прошлое – это мы, творящие будущее. Чем больше в человеке прошлого – прошлого нации и государства, прошлого церкви и культуры, прошлого семьи и рода, да соединённого с личным опытом, тем он сильнее, рассудительнее и милостивее. Полномерная, целомудренная, могучая и добродетельная – развитая до святости личность есть вершинная цель нации, её идея. И эта идея изначальна, она до- нации, пред- нацией, она есть высшая, главная её первозадача, промысел, её породивший, ведь "идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности" (Владимир Сергеевич Соловьёв, "Русская идея").

Если катастрофическое пресечение национального самобытия имеет себе оправдательную редкость вселенских катаклизмов, то постепенная и постоянная (!) утрата кодовых культурных ключей должна быть подсудной. Общество строит своё государство, как нация свою церковь, посему государственная ответственность – внешняя и внутренняя защита территорий и населения, экономическая стабильность и социальная справедливость согласно общественной морали, которую (общественную мораль) государство и поддерживает как базовую основу самосохранения. Но, как показывает опыт, сохранение национальных культурных кодов государству лучше не доверять: слишком государство изменчиво, слишком зависимо от тактических интересов внешней политики, подчинено экономическим превратностям политики внутренней, а ещё время от времени власть предреволюционно вступает в конфликт со своим народом, меняя или раздваивая мораль. Надёжное владение кодами-ключами от фундаментальных образов национальной памяти – функция сверхответственная, то есть – религиозная. Культура – реализация культа, и только церковь способна – и потому обязана отвечать за всеобщую, всеобъёмную доступность памяти нации для нации. Люблю цитировать явно не клирика Николая Бердяева ("Воля к жизни и воля к культуре"): "Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль – всё заключено органически целостно в церковном культе, в форме ещё не развёрнутой и не дифференцированной".

Понятно, что хранение ключей – не владение амбарами, и мы здесь говорим не о материальных носителях культуры – о музейных ансамблях, о собраниях живописи и библиотеках, о концертных залах и исторических парках. И мы говорим о церкви не как о мистическом единении верующих, не о Церкви-организме – теле Христовом, а о церкви-организации – мы говорим о социальном институте, в силу своей природной, принципиальной консервативности, идейной статичности, имеющем возможность поддерживать мосты понимания через два-три-пять-восемь и более столетий. При этом неколебимость религиозного мировоззрения распаивает двери не только в смыслы и чувства средневековья, оно единственно даёт правильную возможность вводить в эту непрерывность долгой памяти и современность. И, прежде иного, не столь давние героические события, образы которых оказались в неожиданной, немислимой ещё тридцать лет назад нечитаемости, нераскрываемости при живых участниках и свидетелях.

Так сегодня только традиционно-религиозное осмысление трагедийности Великой Отечественной (как первым её в июне 1941 года назвал митрополит Сергий) войны с её гекатомбами народных

жертв может вывести нашу национальную мысль из ловушки, построенной русофобами для материалистического сознания. Материалистическое сознание не видит, не читает, не раскрывает образ непредставимо гигантских потерь от фашистской агрессии как общенародную духовную жертву своей Родине ("Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна"), и потому неизбежно скатывается к трактовке миллионов, миллионов и миллионов погибших в боях, в плену, в рабстве, под бомбами, от ран, болезней и голода как некоей числовой мере выгоды или невыгоды свершённого народами СССР подвига. Для материалистического сознания, выпавшего из ограничений (и, таким образом, защиты) советской идеологии, лишённого опоры на советскую мораль, уже совсем не видится подлости, мерзости всё более активно внедряемой либералами мысли о том, что Россия слишком дёшево отдала столько жизней своих солдат, детей, матерей, не получив достаточного хабара. "Разного рода писаки, испорченные дурными книгами, неизученной наукой и обнаглевшей жизнью, учили нас о любви в бранных выражениях. Бескорыстная любовь всегда находила для себя осмеяние, презрение, издевательство у людей "науки", "культуры", "цивилизации". Какое это подлое вырожденство, какой духовный и социальный развал, какое ничтожество и слабоумие!" – А.Ф. Лосев, "Родина". Об этом же у А.С. Панарина ("Страхи властвующих как фактор стратегической нестабильности"): "Наша реакция на очередной "обман века" может быть смоделирована по двум разным законам: политического реализма и мистического парадоксализма. *Но следует сразу же оговориться, что политический реализм, оторванный от нашей мистико-мессианской традиции, неотвратимо вырождается в капитулянтство* (курсив мой, Д.В.) перед "реальной силой". Увы, ловушка сработала, и ответно материалисты-патриоты начали с калькуляторами в руках всерьёз спорить с материалистами-либералами о том, сколько с какой стороны было убито и покалечено, какая промышленность была обрушена, какие контрибуции способны были бы окупить оплаченное и утраченное.

Для нерелигиозного сознания образ Великой Победы никогда не сможет быть раскрыт, никогда не будет развёрнут как образ Православной Пасхи. И потому-то атеисту закрыт истинный смысл Крестных страданий России. Более того, нерелигиозное сознание никогда не поймёт своей моральной обречённости после недолгого идейно-пассионарного энтузиазма общественного богоборчества "покорения природы" угасать и расплыться в пошлость-подлость "выгод", "благополучия" и "успешности" в "обстоятельствах". Ибо атеистическая мораль заземлённо, приземлённо приспособленческая, и раньше или позже она оправдательно адаптируется хоть под военный коммунизм, хоть под развитый социализм, хоть под дикий капитализм. Этой своей привязанностью, поклонением духу времени общественная мораль периодически входит в конфликт с личной совестью – непреложным голосом вечности, и порождает цинизм. Если правы филологи и психологи, и понятие "совесть" не существует за пределами русского языка и русского сознания, то как кому объяснить, почему мы, русские, не можем зарабатывать, искать прибытка на памяти пережитого геноцида по примеру пропагандистов холокоста. Ответ торговцам и менялам списков убитых во Второй мировой – наш Бессмертный полк.

ЛЮДМИЛА МУРАШОВА

Краснодар

Людмила Мурашова – кандидат филологических наук, поэт, переводчик, лингвист-когнитолог, преподаватель, член Международного союза писателей и мастеров искусств, автор книги "Откровение", вышедшей в Москве в 2012 году. Людмила – лауреат премии главы администрации г. Краснодара "За высокие достижения в области культуры и искусства" (2014).

Не всем известно, но у Рособнадзора появились новые требования к преподавателям: все преподаватели, работающие в высших учебных заведениях, вне зависимости от их основной квалификации (инженера, переводчика, врача), должны быть дипломированными именно (!) преподавателями. Не обошло это требование и меня – по долгу службы мне пришлось поступить в Новосибирск с целью получения ещё одного диплома преподавателя высшего учебного заведения. Сейчас прохожу психологию профессионального образования и просто не могу не высказаться о той проблеме, которая тревожила меня ещё тогда, когда я писала диссертацию: о проблеме обращения с русским языком, в первую очередь, учёными и теми, кто себя причисляет к научным или околонаучным кругам.

Дорогие коллеги, мы ведь должны быть примером, должны защищать чистоту русского языка, а вместо этого мы его просто уродуем. И вот снова мне приходится читать материалы, которые написаны уже даже не знаю на каком языке: на русском или наполовину на транслитерированном английском. Кстати, слово "транслитерировать" тоже "оттуда" – от английского "transliterate" – писать буквами другого алфавита. Транслитерировать – как умно и красиво звучит, правда? А по сути, что мы с вами делаем в попытке создать заумную науку из ненауки, из того, что должно звучать доступно и просто? Мы создаем новые "термины" даже там, где они совершенно не нужны, мы пишем буквами русского алфавита английские слова, как будто русскому языку без этого не справиться, как будто русских слов для данных понятий нет, тем самым унижая и себя, и свой собственный язык. Эта инфекция на самом деле заражает всех – как истинная патриотка я должна была по идее написать: "Я читаю тексты, написанные непонятно на каком языке: на русском или на английском, переданном русскими буквами".

Читаю пособие: "педагогически фасилитатором называют преподавателя, который помогает студентам в процессе обучения". Перевожу с "русского" на русский: to facilitate (англ.) – облегчать; действовать; способствовать; помогать; продвигать. А теперь снова на английский: "pedagogically (педагогически), facilitator (фасилитатором) is a teacher (называют преподавателя) who helps students (который помогает студентам) in the process (в процессе) of learning (обучения). Теперь увидели, сколько на самом деле в одном простом предложении латинских корней? Пугает, не правда ли?

Далее, "первой задачей преподавателя всегда является установление раппорта". Поясню: ударение на 2-м слоге, ничего общего с военными рапортами и отчётами данное высказывание не имеет. Народ, вы что, с ума посходили, что ли? Конечно, хочется звучать умно и продвинуто, хочется создать научные термины даже в науке о душе, где все должно быть доступно и направлено лишь на то, чтобы помогать людям.

Для нас звучит умно то, что непонятно, правда? А вы не задумывались над тем, как смешно подобные попытки создать ореол научной загадочности и просвещённости выглядят для человека, владеющего двумя, тремя, четырьмя языками? Снова перевожу с "русского" на русский: rapport (фр.) –

хорошие взаимоотношения, взаимопонимание, понимание; согласие. А не лучше ли просто написать, что установление хороших взаимоотношений и создание атмосферы понимания очень важно для получения хороших результатов обучения? Но восприниматься эта фраза уже будет по-иному: "опять очевидное раздули до теории". Кстати, "results" – тоже слово английское. Очевидно, что в русском языке уже достаточно заимствований, от которых мы, вероятно, уже никогда не сможем избавиться (это к вопросу о том, что язык всё равно самоочищается со временем – не до конца), так зачем травить его новыми? Для того, чтобы создать науку из ненауки? Или для того, чтобы то, что является наукой, звучало как можно непонятнее для непосвященных?

Подобные примеры можно изымать из книг и статей, которые сейчас читаю, чуть ли не через предложение. Особенно это явление характерно для научных направлений, пришедших к нам с Запада, таких как когнитивная лингвистика, которой довелось заниматься самой, генеративная психология и других. Горько и смешно человеку, понимающему, что происходит, откуда что взялось, и способному сразу же перевести заумности на нормальный язык, читать такие тексты.

И звучит потом уже даже не со страниц какого-нибудь научного журнала, а "из телевизора": "Коронавирус – это вот такой челлендж для волонтеров, а с каршерингом придется пока попрощаться!". То есть, сложная задача: уже сказать нельзя "доброволец" – это вообще непрестижно, а над "каршерингом" (обменом машинами) я вообще очень долго смеялась. Сквозь горечь, потому что мама мне говорит, что без меня (профессионального переводчика с английского языка) она уже не понимает новости.

Существует распространённое, снимающее ответственность с нас, пользователей, мнение, что язык имеет способность самоочищаться. Удобно считать, что мы вот сейчас намусорим, так что язык будет просто захлёбываться нашим мусором, а время потом само всё уберёт, правда? И зачем нам тогда вообще что-то делать, как-то напрягаться? Уберёт, да не всё, к сожалению... Крупицы уберёт, а булыжники останутся.

Проходит время, и мы просто привыкаем к уродцам, как когда-то привыкли к гимнастике вместо ловкосилия, к эгоисту вместо самотника. Предупреждал об этом ещё В.И. Даль (датчанин по происхождению), который сам, кстати, знал более десяти иностранных языков, но, возможно, благодаря этому ещё более радел за сохранение чистоты родного. И чем плохо для русского уха ловкосилие? Но выжили его когда-то, как сейчас русские слова выживают, только сейчас с особенным каким-то отчаянно варварским усилием.

Ещё более безответственно, на мой скромный взгляд, считать, что русский язык таким образом за счёт иностранных слов обогащается. То есть мы, потворствуя своей безответственной привычке ходить к иностранщине за корнями, согласно данной позиции ещё и услугу языку оказываем... Но можно ли назвать обогащением то, когда уже имеющееся родное русское слово заменяют корнем-пришельцем? А потом мы просто забываем своё, исконно русское, родное, забываем, что оно было, забываем, как оно звучало. Это не обогащение, это ограбление.

Недавно в процессе подготовки к заседанию клуба молодых литераторов читала стихи, и внимание привлекла строчка, в которой Студень пришёл, Наледь обнял землю... Пришлось прибегнуть к помощи словарей, и выяснилось, что Студень, Наледь обозначал декабрь у славян. Сердце обрадовалось: у славян были свои названия месяцев, и december, october, november русскому языку по сути-то и не нужны. Так, может быть, нам лучше обращаться к словарям, чтобы очищать русский язык, а не для того, чтобы понимать тексты тех, кто его засоряет? Особенно огорчает, когда подобный сор попадает в "поэтические" тексты.

Господа-коллеги, учёные и не очень, поэты и прозаики, давайте сохранять чистоту русского языка!

НАТАЛЬЯ ШИРОБОКОВА

Краснодар

Наталья Широбокова -- выпускница Армавирского государственного педагогического института. В 2005 году по итогам литературного фестиваля "Лазоревая степь", приуроченного к 100-летию со дня рождения М.А. Шолохова, была отмечена грамотой в номинации "Проза". В 2009 году по итогам ежегодно проводимого Краснодарским отделением СПР семинара для молодых авторов получила диплом в номинации "Дебют в литературе". В 2013 году участвовала в 1 Всероссийском семинаре молодых литераторов "Кому на Руси жить...", проводимом Союзом писателей России в Вачском районе Нижегородской области. В 2015 году стала победителем Всероссийского литературного конкурса- фестиваля "Хрустальный родник" в номинации "Литературное творчество для детей". По итогам конкурса в декабре того же года была принята в Союз писателей России.

* * *

Я стихотворенье
Ночами творю.
Его, как варенье,
Усердно варю.

Возьму для успеха
Таланта чуток,
Ребячьего смеха
Плесну между строк.

Добавить сумею
Я правильных слов.
К ним рифмы насею,
И вот стих готов.

Пускай остывает
И встретит зарю.
А я его утром
Ещё доварю.

Матушка Природа и Дождь

– Матушка Природа,
Варишь что в котле?
– Я варю морозы
Будущей Зиме.

– Их мешаешь ложкой?
Дай её и мне!
– Подрасти немножко!
Ложку дам Зиме.

– Я уже не кроха! –
Губы Дождь поджал,
И, стуча по крышам,
С котелком сбежал.

Нёс неаккуратно
Дождик котелок,
Расплескал морозы...
И пошёл снежок.

* * *

Плачет снова небо, не жалея слёз.
А хотелось, чтобы поутру мороз.
А хотелось искры солнца на снегу!
Ну, когда коньками лёд я рассеку?

Я фигуру ставлю в клеточку Е2,
Дождь опять скребется за окном едва.
Заскучали скверы, парки и дома.
Где же задержалась Зимушка-Зима?

Вдруг она дорогу в город не нашла,
Или мы не звали – вот и не пришла?
Я в окошко очень громко закричу:
– Приходи скорее! В санках прокачу!

Повелитель пыльных гантелей

Повелителю пыльных гантелей,
Как обычно, опять не везёт.
И в контрольной на прошлой неделе
Вновь случился в расчётах просчёт.

Да и с русским всё тоже не ясно –
Сочинение в "нэте" нашёл.
Думал, тема раскрыта прекрасно,
А училка поставила кол.

Издательский хохот соседки,
Как хлыстом по сутулым плечам.
И кривые параболы ветки
Вновь терзают его по ночам.

Повелителю пыльных гантелей
Вновь на ум ничего не идёт.
Взял бы в руки себя, в самом деле!
И с соседкой тогда повезёт!

Одеяло для звёздочки

Ночью звёздочки сияли,
Освещали путь.
А к утру они устали.
Им пора уснуть.

Каждая накрылась пледом,
Спрятав яркий луч.
А одна не спит с рассветом,
Светит из-за туч.

Я тогда ей закричала:
– Засыпай, звезда!
А она мне отвечала:
– У меня беда!

Одеяло потеряла.
Без него как спать?
У меня лучей немало.
Чем их накрывать?

Мне звезду так жалко стало.
Я ей удружу.
Голубое одеяло
Спицами свяжу.

Неловкие руки

Однажды неловкие руки
Взялись за иголку со скуки.
Иголка в руках засакакала,
Сложила стежки как попало.

И шила не ровным пунктиром,
А будто гонялась за тигром.
Потом вдруг устроила шутку
И нитку запутала жутко.

Иголку неловкие руки
Ругали за швейные трюки
И нитку меняли сурово,
Но косо всё вышилось снова.

Рукам стало лень упражняться –
Работа осталась валяться.
Вот не были б руки ленивы,
И вышивка вышла б красивой.

Тяжело быть ученицей

Спать пора, но мне не спится.
Водят мысли хоровод...
Тяжело быть ученицей
Уже целый третий год!

Я пишу, учу, читаю,
На ИЗО ещё хожу.
Я совсем не отдыхаю!
В Интернете не сижу.

Через день у нас доклады
(Их мне делает сестра),
Эх! Поделку завтра надо!
Мама сделает с утра.

Школа хуже, чем работа.
Восемь лет ещё ходить!
На луну завывать охота:
– Тяжело ребёнком быть!

Спать пора, но мне не спится.
Водят мысли хоровод.
Тяжело быть ученицей
Уже целый третий год!

Первая пуговица

Ой, смотрите, что я делаю!
Мне, признаюсь, очень страшно.
Я рукой рабочей, левою,
За иглу берусь отважно.

И, продев в ушко игольное,
Нить завязываю в узел.
Это всё заданье школьное.
Кто не справится, тот лузер.

Приложила я старание,
Завершив работу нервную.
А теперь прошу внимания.
Я пришила её! Первую!

Краснодар литературный

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

№ 1, март 2021 г.

Корректор Лидия Железовская

Подписано в печать.....15.03.2021.

Дата выпуска20.03.2021.

Формат А4 Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная

Тираж 500 экз.

* * *

Отпечатано: в ВД – У "Бумеранг"

Адрес редакции: г. Краснодар,
ул. Рождественская Набережная, 3

Мне, солнце светлой, горю!
Как эта лантана бледнеет
перед искрами восходами зари,
так лодка как мудрость мерцает и тлеет
перед солнцем бессмертных улик.
Да здравствует солнце,
да скроется тьма!

(А.С. Пушкин)

